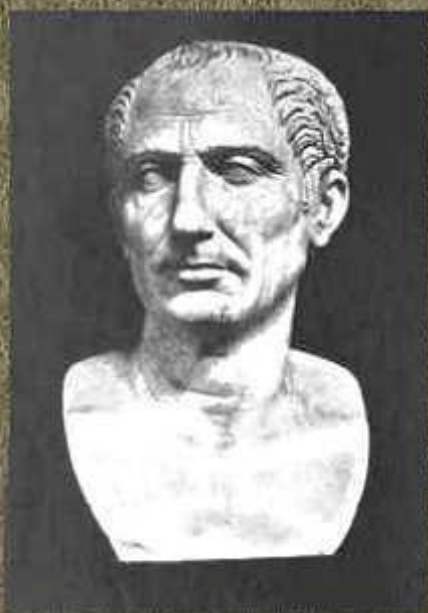

История римской литературы

Гарольд Норт Фаулер

A HISTORY OF ROMAN LITERATURE

BY

HAROLD N. FOWLER

The Project Gutenberg eBook of A History of Roman Literature.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История римской литературы

Автор: Гарольд Норт Фаулер

Дата выхода: 22 февраля 2014 [eBook #44975]

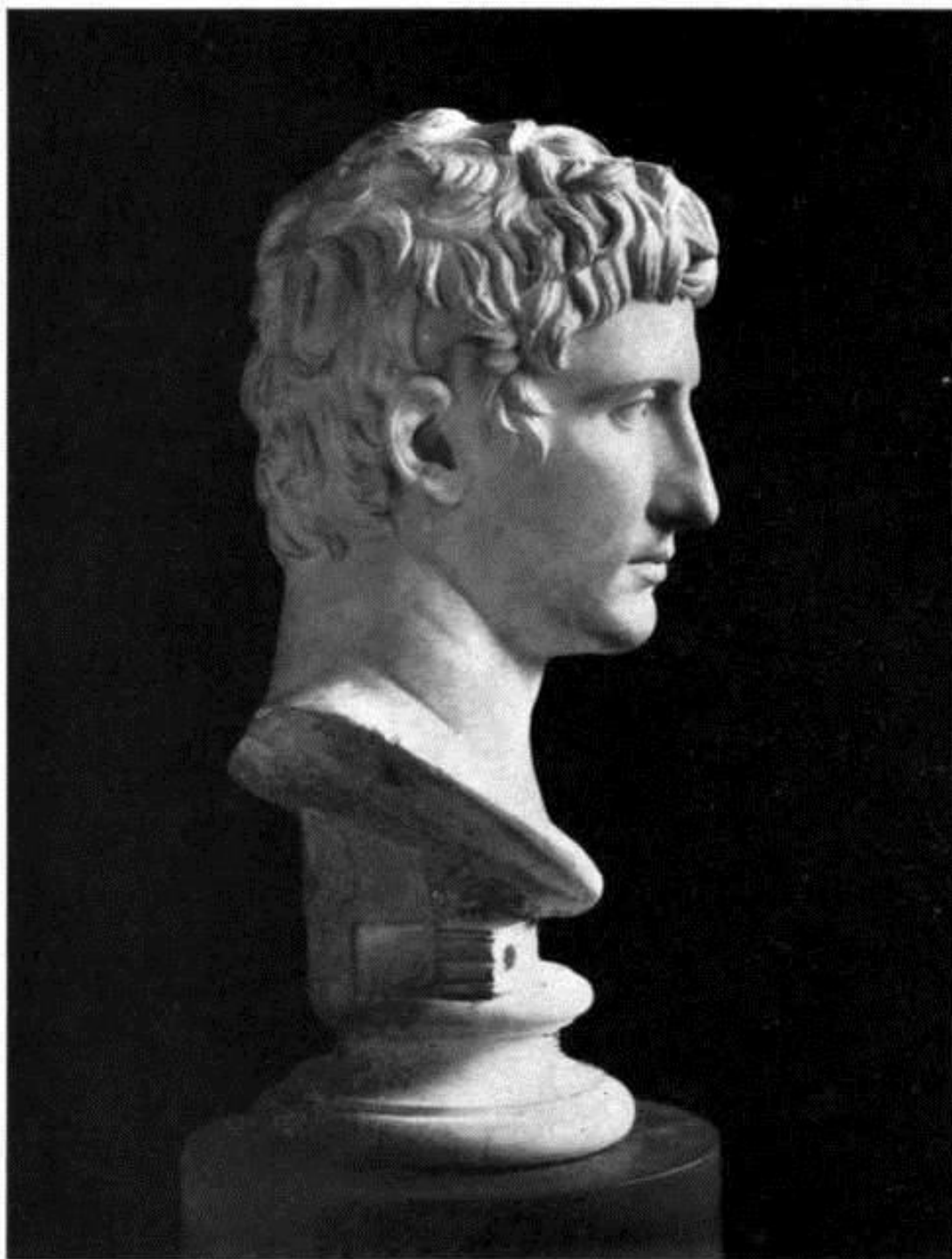
Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Джульет Сазерленд, Тургутом Динчером и Группой распределенной корректуры онлайн (<http://www.pgdp.net>)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ" ***

Электронная книга Проекта Гутенберга "История римской литературы", автор Гарольд Норт Фаулер

АВГУСТ.
Бюст в Музее изящных искусств. Бостон.

ИСТОРИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАРОЛЬД Н. ФОУЛЕР, доктор философии.

ПРОФЕССОР ЖЕНСКОГО КОЛЛЕДЖА ЗАПАДНОГО РЕЗЕРВНОГО УНИВЕРСИТЕТА

НЬЮ-ЙОРК И ЛОНДОН

D. ЭППЛТОН И КОМПАНИЯ

Авторское право, 1903 год

Д. ЭППЛЕТОН И КОМПАНИЯ

ОТПЕЧАТАНО В ЭППЛТОН ПРЕСС,

НЬЮ-ЙОРК, США.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга предназначена в первую очередь для использования в качестве учебника в школах и колледжах. Поэтому я привел больше дат и больше подробностей о жизни авторов, чем это важно само по себе, поскольку даты являются удобным подспорьем для памяти, так как позволяют учащемуся связать свои новые знания с историческими фактами, которые он мог узнать раньше, а биографические подробности помогают наделить авторов чем-то конкретным, к чему учащийся может приложить все, что он узнает об их литературной и интеллектуальной деятельности.

Отрывки из произведений латинских авторов даются, за редким исключением, в английском переводе. Я рассматривал вопрос о целесообразности давать их на латыни, но пришел к выводу, что отрывки на латыни, вероятно, не будут прочитаны большинством молодых читателей, а значит, принесут меньше пользы, чем даже несовершенные переводы. Кроме того, тексты наиболее важных произведений наверняка есть в школах, а книги с подборками, такие как Cruttwell and Banton's *Specimens of Roman Literature*, Tyrrell's *Anthology of Latin Poetry* и Gudeman's *Latin Literature of the Empire*, легкодоступны. Я несу ответственность за все переводы, которые не принадлежат какому-либо другому переводчику. В своих переводах я использовал чистый стих для представления латинских гекзаметров; но отрывки из "Энеиды" даны в рифмованной версии Конингтона, а в некоторых других случаях я использовал переводы гекзаметров в метры, отличные от чистого стиха.

Рассказывая о происхождении римской комедии, я не упомянул о драматической *satyra*. Профессор Джордж Л. Хендриксон указал (в *American Journal of Philology*, vol. xv, pp. 1-30), что драматическая *сатура* никогда не существовала в действительности, но была придумана в римской литературной истории, потому что Аристотель, чьему рассказу о

происхождении комедии следовали римские писатели, нашел происхождение греческой комедии в сатирской драме.

Большую часть книги, естественно, занимают сохранившиеся литературные произведения и их авторы; но я уделил некоторое место жизни и творчеству авторов, чьи труды утрачены. Я сделал это не потому, что считаю, что читатель должен отягощать свою память бесполезными подробностями, но отчасти для того, чтобы эта книга могла быть полезной в качестве справочника, а отчасти потому, что упоминание некоторых утраченных произведений и их авторов может произвести на читателя впечатление того факта, что кое-что известно о многих писателях, чьи произведения сохранились, если вообще сохранились, только в виде отдельных фрагментов. Не многие из этих писателей были важны в свое время и оказали немалое влияние на развитие литературы. Из всей массы римской литературы до наших дней дошла лишь небольшая часть - хотя, к счастью, в значительной степени лучшая, - и только помня о том, как много было утеряно, современный читатель может оценить непрерывность римской литературы.

Литература третьего, четвертого и пятого веков после Рождества Христова рассматривается менее полно, чем литература более раннего периода, но ее значение для последующей европейской цивилизации было столь велико, что ее краткое описание должно быть включено даже в такую ограниченную по объему книгу, как эта.

Библиография, надеюсь, будет полезной. Она ни в коем случае не является исчерпывающей, но может послужить руководством для тех, кто не имеет доступа к библиотекам. Хронологическая таблица предназначена не столько для поиска дат, сколько для того, чтобы с первого взгляда показать, какие авторы жили и работали в то или иное время. В указателе можно найти имена всех латинских писателей, упомянутых в книге, а также ссылки на многочисленные темы и некоторых важных исторических личностей.

Помимо работ римских авторов, я обращался к общим трудам, упомянутым в библиографии, а также к многочисленным другим книгам и специальным статьям. Больше всего я использовал *"Историю римской литературы"* Тейффеля, *"Römische Literaturgeschichte"* Шанца и восхитительную *"Латинскую литературу"* Маккейла.

Я благодарен своему коллеге, профессору Самуэлю Боллу Платнеру, который прочитал книгу в рукописи и сделал много ценных предложений, а также профессору Перрину, который прочитал не только рукопись, но и гранки и предложил не мало желательных изменений.

Гарольд Н. Фаулер.

Кливленд, Огайо.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I.- Введение - Ранняя римская литература - Трагедия	1
II.- Комедия	17
III.- Ранняя проза - Сципионский кружок - Луцилий	32
IV.- Лукреций	47
V.- Катулл - Малые поэты	56

VI.-	Цицерон	65
VII.	Сезар - Саллюстий - другие прозаики	83
VIII.-	Покровители литературы - Вергилий	97
IX.	Гораций	114
X.-	Тибулл - Проперций - Младшие поэты	128
XI.-	Овидий	143
XII.	Ливий и другие августовские прозаики	156
XIII.	Тибериус - Веспасиан	169
XIV.	Флавианские императоры - серебряный век	194
XV.-	Нерва и Траян	211
XVI.	Императоры после Траяна - Суэтоний - другие авторы	226
XVII.	Литературные нововведения	235
XVIII.	Раннехристианские писатели	244
XIX.	Языческая литература третьего века	253
XX.-	Четвертый и пятый века	259
XXI.-	Заключение	278
	Приложение I.-Библиография	285
	Приложение II.-Хронологическая таблица	297
	Указатель	303

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЛИЦО

СТРАНИЦА

Август, бюст в Музее изящных искусств в Бостоне,	<i>Фронтиспис</i>
Цицерон, бюст в Музее Ватикана, Рим	65
Сезар, бюст в музее в Неаполе	83
Вергилий и две музы, мозаика в музее Бардо, Тунис	113

КНИГА I

ПЕРИОД РЕСПУБЛИКИ

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ - РАННЯЯ РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА - ТРАГЕДИЯ

Значение римской литературы - римляне как практичный народ - латинский язык - политическая цель римских сочинений - разделы римской литературы - элементы исконно римской литературы - Аппий Клавдий Сэккус - заимствование греческой литературы - Л.

Ливий Андроник, около 284 - около 204 гг. до н. э. - Гней Невий, около 270-199 гг. до н. э. - Кв. Ливий Андроник, около 284 - около 204 гг. до н. э. - Гней Невий, около 270-199 гг. до н. э. - Кв. Энний, 239-169 гг. до н. э. - Его трагедии - *Анналы* - М. Пакувий, 220-130 гг. до н. э. - Л. Аксий, 170 - после 100 г. до н. э. - Упадок трагедии - римский театр, актеры и костюмы.

Значение римской литературы. Римская литература, хотя ей и не хватает блестящей оригинальности и тонкой красоты, присущих произведениям великих греческих писателей, все же одной из великих литератур мира, и она имеет для нас значение, которое даже больше, чем естественные достоинства (какими бы великими они ни были). Во-первых, римская литература сохранила для нас в латинских переводах и адаптациях многие важные остатки греческой литературы, которые в противном случае были бы утрачены, а во-вторых, политическая власть римлян, охватывавшая почти весь известный мир, сделала латинский язык самым распространенным из всех языков, и таким образом латинская литература стала читаемой во всех странах и оказала влияние на литературное развитие всех народов Европы.

Римляне были практичной расой, не одаренной поэтическим воображением, но обладавшей огромной способностью организовать свое государство и армию и выполнить все, что они задумали. Римляне были практичны. Они пришли в Италию вместе с несколькими родственными племенами с севера и поселились на берегу Тибра, где подвергались нападениям этрусков и других соседей. Поэтому они с самого начала были вынуждены укреплять свой город и жить в стенах вплотную друг к другу. Это сделало раннее развитие формы городского управления естественным и необходимым, и повернуло римское сознание в сторону политической организации. Внимание к политическим и военным делам. В то же время нападения внешних врагов заставляли римлян обращать внимание на организацию и поддержку армии. Таким образом, с момента основания своего города на берегу Тибра римляне обратили свое внимание в первую очередь на политику и войну. Это отразилось на их языке и литературе. Их язык сродни греческому и, как и греческий, относится к индоевропейской семье языков, к которой принадлежат английский и другие важнейшие языки Европы. Латинский язык. Он начинался с того же материала, что и греческий, но в то время как греческий язык постоянно развивал больше разнообразия, больше изысканности и гибкости, латинский язык - фиксированный и жесткий, язык, приспособленный скорее к законам и командам, чем к более легким и изящным видам высказываний. Обстоятельства, которым, несомненно, способствовал природный склад ума, склоняли римлян к политической, военной и практической деятельности, а не к искусству.

Римская литература, как и следовало ожидать после всего сказанного, часто является не спонтанным излиянием литературного гения, а средством, с помощью которого достигаются какие-то практические цели или задачи. Почти от начала и до конца сочинения римских авторов преследуют политические цели, и влияние политических событий на литературу наиболее заметно. Политическая цель римских сочинений. Даже те виды римской литературы, которые, на первый взгляд, меньше всего связаны с политическими вопросами, тем не менее, имеют политическую цель. Пьесы писались для того, чтобы усилить пышность общественных празднеств, устраиваемых должностными лицами, которые в то же время стремились к должностям и надеялись завоевать расположение народа успешными развлечениями; история писалась для того, чтобы научить правильным методам действий для будущего использования или (иногда) усилить влияние живых лидеров государства, напомнив о великих деяниях их предков; Эпические и лирические поэмы создавались для прославления важных персон Рима или, по крайней мере, для доказательства права Рима на

первенство среди народов путем создания литературы, достойной стоять в одном ряду с литературой греков.

Развитие римской литературы тесно связано с политическими событиями, и три ее больших раздела соответствуют разделам римской политической истории. Разделы римской литературы. Первый, или республиканский, период длится от начала римской литературы после первой Пунической войны (240 г. до н. э.) до битвы при Актиуме в 31 г. до н. э. Второй, или августовский, период, с 31 г. до н. э. по 14 г. н. э. Д., - это период, когда институты республики были преобразованы для служения целям монархии. Золотой век" римской литературы включает в себя последнюю часть республиканского и весь августовский период, с 81 г. до н. э. по 14 г. н. э. Третий, или императорский, период - это период, когда институты республики трансформировались в интересах монархии. Третий, или императорский, период длится с 14 года до н. э. D. до начала Средневековья. Первая часть этого периода, с 14 по 117 гг. D., называется "Серебряным веком". В первый период римляне учатся подражать греческой литературе и развивают свой язык, пока он не становится способным к тонкой литературной обработке, а во второй половине этого времени они создают некоторые из своих величайших произведений, особенно в прозе. Второй период, прославленный Горацием и Вергилием, - это время, когда римская поэзия достигает своего наивысшего расцвета. Третий период - это время упадка, иногда быстрого, иногда замедленного, в течение которого в римской литературе появляется мало великих произведений и много очень незначительных по своей литературной ценности. На протяжении первого и второго периодов, и даже большей частью в третьем периоде, латинская литература почти полностью создается в Риме, на нее влияют изменения в городе, и она отражает настроения городского населения. Поэтому правильнее говорить о римской, а не о латинской литературе, ведь нас интересует литература города на Тибре и цивилизации, с которой он ассоциируется, а не произведения, написанные на латинском языке.

Начало настоящей литературы в Риме было положено иностранцем греческого происхождения и, естественно, приняло форму подражания греческим произведениям. Элементы исконно римской литературы. Так бы, несомненно, и произошло, даже если бы первым профессиональным автором был коренной римлянин, ведь римляне уже некоторое время тесно общались с греками Италии, и греческая литература представляла перед ними в виде законченного продукта, вызывая их восхищение и побуждая к подражанию. Тем не менее, в Риме уже в ранние времена существовали материалы, из которых могла бы возникнуть родная литература, если бы греческое влияние не было настолько сильным, чтобы помешать их развитию. Первые римляне пели песни на свадьбах и праздниках урожая, воспевали богов и были знакомы с грубыми народными представлениями, которые могли бы дать начало родной драме. Слова таких песен и представлений были, конечно, по большей части ритмичными, но лишь немногие из них были зафиксированы в письменном виде до гораздо более поздних времен. Однако искусство письма было известно римлянам уже в шестом веке до нашей эры, так как греческие колонии на побережье Италии, должно быть, имели торговые связи с римлянами в очень раннее время, и к тому времени, когда Риму исполнилось два столетия, письменность была хорошо знакома грекам.

С ранних времен римляне вели списки должностных лиц, записи о чудесах, списки *dies fasti*, то есть дней, в которые было разрешено заниматься государственными делами, и другие простые записи. Двенадцать таблиц законов были написаны в 451 и 450 годах до н. э., и они оказали определенное влияние на римскую прозу, поскольку были первой попыткой создания связной прозы на латинском языке. Несомненно, другие законы и, вероятно,

договоры были написаны на латыни и сохранены в ранние времена. Похоронные оратории требовали некоторой практики в ораторском искусстве, но, вероятно, не тщательной подготовки и уж точно не сочинения в письменном виде в ранние времена существования Рима. Аппий Клавдий Цекус. Первая римская речь, о которой известно, что она была написана для публикации, - это речь, произнесенная в 280 году до н. э. престарелым Аппием Клавдием Секусом, в которой он призывал отвергнуть условия мира, предложенные Пирром. Эта речь была известна и читалась в Риме в течение двух столетий после смерти ее автора. Под именем Клавдия также выходил сборник изречений и пословиц, а сам он активно занимался адаптацией к латинскому языку алфавита, доставшегося римлянам от греков, и исправлением написания латинских слов.

Однако все это не столько литература, сколько материал, из которого могла бы развиваться литература, если бы Рим был выведен из сферы греческого влияния. Поскольку этого не произошло, первые шаги на пути к национальной литературе ни к чему не привели, хотя и показывают, что римляне обладали определенной оригинальностью, и помогают понять некоторые особенности римской литературы в отличие от ее греческого прототипа. Все же римская литература - это литература подражания, и начало ей положил грек по имени Андроник, которого привезли в Рим после взятия Тарентума в

272 году до н. э., когда он был еще мальчиком. В Риме он был рабом Ливия Салинатора, чьих детей он обучал греческому и латыни. Освободившись, он принял имя Луций Ливий Андроник и продолжал преподавать. Л. Ливий Андроник. Поскольку латинских книг, которые он мог бы использовать в преподавании, не было, он задумал перевести "Одиссею" Гомера на латынь и тем самым положить начало латинской литературе. Его перевод "Одиссеи" был грубым и несовершенным. Андроник не пытался воспроизвести на латыни гекзаметрический стих Гомера, а использовал родной сатурнианский стих (см. стр. 7), вероятно, потому, что он показался ему более подходящим для латинского языка, чем более величественный гекзаметр. После первой Пунической войны, в 240 г. до н. э., во время *римских Луд*, Андроник подготовил и поставил на сцене латинские переводы греческой трагедии и греческой комедии. В этих и последующих драмах он сохранил ямбический и трохаический метры оригиналов, и его примеру последовали преемники. Он также сочинял гимны для торжественных случаев. Из его произведений сохранилось лишь несколько фрагментов, которых едва ли достаточно, чтобы показать, что они не имели реальных литературных достоинств. Но он положил начало, и задолго до его смерти, которая произошла около 204 года до н. э., его преемники продвигались по намеченному им пути.

Гней Невий, свободнорожденный житель латинского города в Кампании, был первым значительным латинским поэтом. Гней Нэвий. Он был солдатом в первой Пунической войне, по окончании которой, будучи еще молодым человеком, приехал в Рим, где посвятил себя поэзии. Он был человеком независимого духа, не стеснясь нападать в своих комедиях и других стихах на самых влиятельных римлян, особенно на великую семью Метелли. В течение многих лет он сохранял свои позиции, но в конце концов Метелли привели к его заключению в тюрьму и изгнанию, и он умер в изгнании в 199 году до н. э., в возрасте около семидесяти лет. Его драматические произведения были многочисленны, как трагедии, так и комедии, по большей части переводы и адаптации с греческого, но наряду с ними он также создавал пьесы, основанные на римских легендах. Их называли *fabulae praetextae* или *praetextatae*, "пьесы пурпурной полосы", поскольку персонажи носили римские костюмы. В одной из этих пьес, "*Ромул*" (или в двух, если "*Волк*" или "*Волчица*" не является "*Ромулом*" под другим названием), он инсценировал историю Ромула и Рема, а в другой, "*Кластидий*", - поражение

(в 222 году до н. э.) инсубрийцев от М. Клавдия Марцелла и Кн. Корнелием Сципионом. В более поздние годы он обратился к эпической поэзии и написал сатурнианским стихом историю первой Пунической войны, введя в нее рассказ о легендарной истории Рима с момента отплытия Энея в Италию после падения Трои. Эту поэму читали и восхищались в течение многих лет, а ее части были подражаны Вергилием в "Энеиде". Нэвий также написал другие поэмы, называемые *сатирами*, на различные темы, частично, но не полностью, в сатурнианском метре. От всех этих произведений сохранились лишь незначительные фрагменты. Однако они показывают, что Нэвий был поэтом настоящей силы, и что при нем латинский язык начал приобретать некоторую пригодность для литературного использования. Его эпитафия, сохраненная Аулутом Геллием, не только показывает жесткий и монотонный ритм сатурнианского стиха, но и, поскольку она, вероятно, была написана самим Нэвием, демонстрирует его гордое сознание превосходства:

Immórtalés mortáles sí forét fas flére

Flerént divaé Caménae Naéviúm poétam.

Itáque póstquam est Órci tráditús thesaúro

Oblíti súnt Romái loquiér linguá Latína.

Если бы было правильно, чтобы смертных оплакивали бессмертные,

Богиня Муз оплакивала бы поэта Нэвиуса.

И вот он отбыл в сокровищницу Оркуса,

римляне разучились говорить на латинском языке.

Нэвий имел право гордиться. Он сделал литературу реальной силой в Риме, способной соперничать с великими людьми города; он изобрел драму с римскими персонажами и написал первую национальную эпическую поэму. Делая все это, он в то же время приумножил богатство и изящество все еще грубого латинского языка. Но как ни велики были заслуги Нэвия, его во всем превзошел преемник.

Квинт Энний, поэт удивительной разносторонности и силы, родился в Рудии, в Калабрии, в 239 году до н. э. Квинт Энний. Во время службы в римской армии в Сардинии в 204 году до н. э. он познакомился с М. Порцием Катонем, который отвез его домой в Рим. Здесь Энний давал уроки греческого языка и переводил греческие пьесы для римской сцены. Он познакомился с несколькими выдающимися римлянами, среди которых был старший Сципион Африканский, отправился в Италию в качестве члена штаба М. Фульвия Нобилиора и получил полное римское гражданство в 184 году до н. э. Его смерть наступила от подагры в 169 году до н. э.

Различные произведения Энния. Произведения Энния были многочисленны и разнообразны: трагедии, комедии, большая эпическая поэма, метрический трактат по натурфилософии, перевод труда Эвгемера, в котором он объясняет природу богов и заявляет, что они всего лишь знаменитые люди былых времен,¹ поэма о еде и кулинарии,

серия "*Наставлений*", эпиграммы (в которых впервые на латыни был использован элегический дистих) и сатиры. Самыми значительными его произведениями стали трагедии и великий эпос "*Анналы*".

Трагедии, как и трагедии Невия, были переводами произведений великих греческих трагиков и их менее великих, но столь же популярных преемников. Его драматические произведения. Сохранились названия и некоторые фрагменты двадцати двух пьес, из которых видно, что Энний иногда переводил точно, иногда вольно, а в других случаях позволял себе отходить от греческого оригинала даже в сторону большего или меньшего изменения сюжета. Однако по большей части изобретение сюжета, обрисовка характеров и поэтическая образность его пьес принадлежали греческим драматургам, чьи произведения он переложил на латынь. Самому Эннию принадлежит умелое использование латинского языка, способность выразить на новом языке мысли, а не слова греческих поэтов, а также такие изменения, которые были необходимы, чтобы сделать греческие трагедии более привлекательными для римской аудитории. По фрагментам невозможно определить, какие именно изменения были сделаны, но популярность пьес, которая сохранялась еще долго после смерти Энния, доказывает, что изменения достигли своей цели и понравились зрителям. Известны названия двух *басен* Энния: "*Сабинянки*" - драматическое изложение легенды об изнасиловании сабинянок, и "*Амбракия*" - пьеса, посвященная захвату Амбраки Фульвием Нобилиором. Его комедии, по-видимому, не были ни многочисленными, ни особенно успешными.

Анналы. Самым важным произведением Энния является его великая эпопея в восемнадцати книгах, "*Анналы*", в которой он рассказал легендарную и реальную историю римлян от прибытия Энея в Италию до своего собственного времени. В этой работе, как и в своих трагедиях, он, можно сказать, следовал по пути, указанному Невием, но "*Анналы*" знаменуют собой огромный прогресс по сравнению с "*Bellum Punicum*" Невия. Однообразный и неотшлифованный сатурнианский метр даже в самых умелых руках не мог обрести достоинства и мелодичных кadenций, присущих великим эпическим поэмам. Поэтому Энний отказался от родного итальянского метра и написал свой эпос гекзаметровым стихом в подражание Гомеру. Это было непросто, так как законы стиха, существовавшие в греческом языке, не могли быть применены без изменений к латинскому, но Энний изменил их в некоторых деталях и таким образом закрепил форму латинского гекзаметра, в то же время установив в значительной степени правила латинской просодии. Сохранилось всего около шестисот строк "*Анналов*", и многие из них оторваны от контекста, но и из них видно, что Энний обладал богатым поэтическим воображением, большим мастерством в использовании слов и большим достоинством дикции. Строка *At tuba terribili sonitu taratantara dixit* показывает одновременно его способность заставить звук своих слов имитировать звук, который он хочет описать (в данном случае звук трубы), и его любовь к аллитерации. Это последнее качество встречается у многих римских поэтов, но ни у кого не чаще, чем у Энния.

"*Анналы*" продолжали читать и восхищаться даже после Вергилия, хотя вскоре "*Энеида*" заняла место величайшего римского эпоса. Некоторые строки Энния дышат истинно римским духом воинской гордости и гражданской правоты, например

*Moribus antiquis res stat Romana virisque,*²

или

*Quem nemo ferro potuit superare nec auro,*³

или

*Nec cauponantes bellum sed belligerentes.*⁴

Среди существующих фрагментов есть несколько, которые, похоже, подсказали Вергилию некоторые отрывки из "*Энеиды*", и нет сомнений, что Вергилий счел Энния достойным подражания.

Мы можем узнать кое-что о характере Энния из отрывка "*Анналов*", в котором он, как утверждает⁵, опираясь на авторитет грамматика Л. Илиуса Стило, описывает себя: "Человек такого характера, что ни одна мысль никогда не побуждает его совершить дурной поступок по неосторожности или по злему умыслу; ученый, верный, приятный человек, красноречивый, довольный и счастливый, остроумный, говорящий подходящие слова в нужный момент, учтивый и немногословный, владеющий многими древними погребенными преданиями; человек, которого старость сделала мудрым в обычаях старых и новых и в законах многих древних, как богов, так и людей; тот, кто знал, когда говорить и когда молчать".

Энний был первым великим эпическим поэтом в Риме. После него эпической поэзией стали пренебрегать, пока за нее не взялись вновь сто лет спустя. Продолжалось производство трагедий, но не эпосов. Трагедия, однако другая отрасль литературы, в которой Энний преуспел, культивировалась без перерыва, так как стало обычным делом ставить трагедии на главных праздниках города и по другим общественным поводам, и поэтому новые пьесы были постоянно востребованы. Но по мере того как гладиаторские представления становились все более частыми и пышными, популярность трагедии падала, хотя ее продолжали писать и даже ставить. Развитие римской трагедии, однако, ограничивается несколькими поколениями, профессиональных авторов трагедий, о которых мы имеем хоть какую-то информацию, мало, и их произведения утеряны, за исключением тех фрагментов, которые случайно цитировались более поздними авторами. Поэтому лучше всего продолжить изложение римской трагедии сейчас, даже пожертвовав строгим хронологическим порядком.

Преемником Энния как автора трагедий стал его племянник Марк Пакувий, который родился в Брундизии в 220 году до н. э., но большую часть своей жизни провел в Риме. Марк Пакувий. В преклонном возрасте он вернулся в Южную Италию и умер в Тарентуме около 130 года до н. э. Он был художником, а также автором трагедий, и, возможно, именно благодаря его деятельности в качестве художника его пьесы были сравнительно немногочисленны. Известны названия двенадцати трагедий, а также одна *басня* "*Паулюс*", написанная в честь победы Л. Эмилия Паулюса над царем Персеем в битве при Пидне (168 г. до н. э.). Все эти пьесы утрачены, а имеющиеся фрагменты (около 400 строк) неудовлетворительны. Цицерон считал Пакувия величайшим римским трагиком, а Гораций говорит о нем как об "ученом". Вероятно, этот эпитет относится к его тщательному использованию языка, а также к его знанию менее популярных легенд греческой мифологии. Дошедшие до нас фрагменты отличаются большей легкостью и изяществом стиля, чем у Энния, и большим богатством словарного запаса. Некоторые из используемых слов не встречаются в других местах и, похоже, были придуманы самим Пакувием; во всяком случае, они не вошли в обычный обиход. О реальных драматических способностях Пакувия мы судить не можем, но его литературное мастерство очевидно даже по тем скудным фрагментам, которые мы имеем. Поэтому мы можем считать, что благосклонное суждение Цицерона о нем в какой-то мере оправдано.

Последним важным автором трагедий и, вероятно, самым великим из всех был Луций Акций из Пизаурума в Умбрии. Луций Аксий. Он родился в 170 году до н. э., а одна из его первых трагедий была написана в 140 году до н. э., когда Пакувий написал одну из своих последних. Акций дожил до глубокой старости, но дата его смерти неизвестна. Цицерон, будучи молодым человеком, был хорошо знаком с ним и часто слушал его рассказы о собственных ранних годах. О краткости жизни римской трагедии и стремительности развития римской литературы можно судить по тому, что Цицерон, великий мастер латинской прозы, был знаком с Акцием, чье рождение произошло всего через тридцать четыре года после смерти Ливия Андроника. Из пьес Аксия сохранилось чуть более 700 строк, известно около пятидесяти названий. Фрагменты по большей части представляют собой отрывочные строки, но некоторые из них достаточно длинные, чтобы мы могли убедиться в том, что поэт обладал энергичным и изящным стилем, а также живым воображением. Как и большинство его предшественников, Аксий писал различные мелкие стихотворения и интересовался развитием латинского языка. Он предложил ряд нововведений, в том числе некоторые изменения в алфавите, но последние не были приняты другими. Помимо трагедий, переведенных с греческого, он написал по меньшей мере две *басни* - "*Брут*", в которой драматизировал историю изгнания Тарквиниев, и "*Энеада*", прославляющая смерть Публия Деция Муса в битве при Сентинуме в 295 году до н. э. Даже в своих обычных трагедиях он иногда отходил от греческого оригинала настолько, чтобы показать свою изобретательность, хотя эти пьесы по большей части были просто вольными переводами. Один из длинных фрагментов⁶, в котором пастух, никогда прежде не видевший корабля, описывает приход "Арго", может дать некоторое представление о мастерстве Аксия в описании:

Так великая масса скользит, ревет из глубины с огромным звуком и дыханием, катит перед собой волны и сильно будоражит водовороты. Она мчится вперед, рассеивая и раздувая море. Теперь можно подумать, что катится разорванное облако, что оторвавшаяся от берега скала проносится под ветром или ураганом, или что вихри поднимаются при столкновении волн, или что море вздымает какие-то спутанные кучи земли, или что, возможно, Тритон своим трезубцем, опрокинув пещеру вниз, в бурном приливе поднимает из глубины скалистую массу к небу.

С Акцием римская трагедия достигает своего расцвета. Его современниками были К. Тиций и К. Юлий Цезарь Страбон (умер в 87 г. до н. э.), оба оратора, а также трагические поэты. От их произведений остались лишь незначительные следы. Упадок трагедии. После этого времени трагедии писались литераторами как развлечение или для развлечения своих друзей, а некоторые из их пьес действительно ставились. Император Август начал пьесу под названием "*Аякс*", Овидий написал "*Медею*", а Варий (около 74-14 гг. до н. э.) прославился своим "*Тиестом*", но ни одно из этих произведений не оставило более чем простого следа своего существования. Трагедии Сенеки (около 1-65 гг. н. э.) были скорее литературными упражнениями, чем постановками для сцены. С развитием прозаической литературы, особенно ораторского искусства, с одной стороны, и ростом пышности гладиаторских представлений - с другой, трагедия перестала быть живой отраслью римской литературы.

Прежде чем перейти к рассмотрению комедии, стоит попытаться представить себе римский театр и способ постановки пьесы. Римский театр. В ранние времена Ливия Андроника не было постоянного театрального здания, и зрители стояли во время представления, но со временем были сделаны приспособления для рассадки зрителей, и, наконец, в 55 году до н. э. был возведен каменный театр. Каменные театры уже давно использовались в Греции, а со временем их стали строить во всех крупных городах Римской империи. Римский театр

несколько отличался от греческого, хотя и напоминал его в целом. Сцена. Римская сцена была высотой около трех или четырех футов, достаточно длинной и широкой, чтобы на ней могли разместиться несколько актеров, обычно не более четырех или пяти одновременно, один или два музыканта, хор в неопределенном количестве и столько вспомогательных исполнителей, сколько потребуется. Последних иногда было очень много, когда на сцене появлялись короли со своими телохранителями или генералы во главе своих армий или пленников. В задней части сцены находилось здание, обычно высотой в три этажа, изображавшее дворец. В центре находилась дверь, ведущая в королевские апартаменты, а две другие двери, по одной с каждой стороны, вели в комнаты для гостей. В каждом конце сцены находилась дверь, та, что справа, вела на форум, другая - в деревню или гавань. Смена места действия происходила несовершенно, путем изменения частей декорации. В комедиях фон представлял собой не дворец, а частный дом или улицу домов.

Перед сценой находился полукруглый *оркестр* или *арена*, на которой располагались знатные особы. Оркестр и кавеа. Этот полукруг был плоским и ровным. Передняя часть сцены образовывала диаметр. От изгиба оркестра поднималась *кавея*, состоящая из сидений, расположенных полукруглыми рядами и поднимающихся от оркестра под углом, достаточным для того, чтобы сидящие в любом ряду могли видеть тех, кто сидел перед ними. У театра не было крыши, но в роскошные времена империи и даже до конца республики между зрителями и солнцем натягивали полотно или шелк, как палатку.

На заре римской драмы актеры не носили масок, но перед концом республики маски были введены. Маски и костюмы. Они были полезны в больших театрах того времени, так как увеличивали громкость голоса актера, а поскольку выражение лица актера могла видеть лишь небольшая часть зрителей, то мало что терялось, если скрыть его маской. Сами маски были тщательно изготовлены и соответствовали различным персонажам. Костюмы были традиционными: короли носили длинные мантии и держали скипетры в левой руке, все трагические актеры - сапоги с толстой подошвой, чтобы возвыситься над ростом хора, а все комические - низкие туфли без каблуков. Актеры, как правило, были рабами, но прибыль от профессии была так велика, что успешный актер мог без особого труда выкупить свою свободу.

В римских трагедиях, как и в их греческих оригиналах, диалог велся в простых метрах, в основном трохаических и ямбических, а хор из обученных певцов пел между актами, но, вероятно, не принимал особого участия в действии пьесы. Диалог и песня. Песни хора были написаны в более сложных метрах, чем диалог, и исполнялись под аккомпанемент флейты. В римской комедии хора не было, но части пьесы исполнялись соло или дуэтом. Они назывались *кантиками*, в то время как диалогические части комедии назывались *дивербиями*.

Пьесы в Риме ставились по разным поводам, когда нужно было развлечь народ, а эдилы и другие чиновники и общественные деятели соревновались друг с другом в демонстрации своего богатства и в стремлении завоевать популярность. Блеск драматических представлений. Поэтому мы должны представить, что во время представления пьесы во второй половине республиканского периода актеры, хор и вспомогательный состав были одеты в самые богатые и великолепные костюмы, и было сделано все возможное, чтобы усилить зрелищный эффект представления, а зрители, возбужденные сценой и действием, не теряли возможности подбадривать своих любимых актеров или шипеть на тех, кто не смог понравиться.

ГЛАВА II

КОМЕДИЯ

Завезенная комедия - Плавт, около 254-184 гг. до н. э. - Сюжеты римских комедий - Сохранившиеся пьесы Плавта - Степень оригинальности Плавта - Стаций Цецилий, рождение неизвестно, смерть около 165 г. до н. э. - Другие комические писатели - Теренций, около 190-159 гг. до н. э. - Пьесы Теренция - сравнение Плавта и Теренция - Турпилий, умер 103 г. до н. э. - Фабула тогаты - Титиний, около 150 г. до н. э. (?) - Тит Квинций Атта, умер в 77 г. до н. э. - Луций Афраний, родился около 150 г. до н. э. - Фесценнинские стихи - Фабула Ателлан - Помпоний и Новий, около 90 г. до н. э. - Мимы - Децим Лабериус и Публилий Сир, около 50 г. до н. э.

Комедия, как и трагедия, была в Риме импортным продуктом, а не самобытной породой. Комедия - импортный продукт. Конечно, импровизированные диалоги более или менее драматического характера существовали и до Ливия Андроника, но они, о которых будет сказано несколько слов позже, не имеют никакого отношения к происхождению римской комедии, которая является подражанием новой аттической комедии, существовавшей в Афинах после времен Александра Македонского и достигшей своего расцвета примерно с 320 по 280 год до н. э. Пьесы новой аттической комедии не сохранились в греческом оригинале, но есть фрагменты, которые дополняют знания, полученные нами из латинских подражаний. Поэты новой комедии - Менандр, Филемон, Дифил и другие - избегали исторических и политических тем и черпали свои комедии из частной жизни, находя в мелких интригах, интересных ситуациях и неожиданных осложнениях некоторую компенсацию за общую скудость сюжета. Такого рода пьесы назывались в Риме *fabula palliata*, потому что актеры носили *паллиум*, или греческий костюм. Другой вид комедии, в которой были представлены римские персонажи и сцены, хотя даже в этом виде пьес сюжеты были заимствованы из греческих оригиналов, назывался *fabula togata*, потому что актеры носили римскую тогу. От этой последней разновидности пьес сохранилось лишь несколько фрагментов, и, похоже, она никогда не была так популярна, как *fabula palliata*.

Ливий Андроник, Энний и Пакувий, как и другие авторы трагедий, создавали в Риме комедии, но от этих произведений сохранились лишь скудные фрагменты. Три писателя, Плавт, Цецилий и Теренций, посвятили себя исключительно комедии, и именно из сохранившихся пьес старшего и младшего из них, Плавта и Теренция, мы черпаем большую часть наших знаний о римской комедии.

Тит Макций Плавт (Плоскостопие) родился в Сарсине, городе в Умбрии, около 254 года до н. э. Т. Макций Плавт. Еще мальчиком он отправился в Рим и, по-видимому, заработал так много в качестве слуги или помощника актеров, что смог покинуть город и заняться торговлей в другом месте. Его деловое предприятие оказалось неудачным, он потерял свои деньги и вернулся в Рим, где нанялся к мельнику, в услужении у которого он находился, когда написал свои первые три пьесы. Его первое выступление с пьесой состоялось, вероятно, около 224 года до н. э. Дальнейшие подробности его жизни неизвестны. Он умер в 184 году до нашей эры, в возрасте около семидесяти лет. Таким образом, он был младшим современником Ливия Андроника и Невия, но старше Энния и Пакувия.

Из пьес Плавта сохранилось двадцать, а также обширные фрагменты еще одной. Считается, что всего он создал сто тридцать пьес, хотя некоторые из них, вероятно, приписаны ему ошибочно. Сюжеты его пьес, как и пьес Теренция, обычно основаны на любовной связи между молодым человеком из хорошей семьи и девушкой низкого положения и сомнительного характера. Сюжеты и персонажи римских комедий. Молодому человеку помогает слуга или нахлебник, но его отец против того, чтобы у него были какие-либо отношения с девушкой. Мать или любовница девушки обычно помогает влюбленным, но часто ее приходится переубеждать с помощью денег, которые юноша и его слуга должны получить от отца. Иногда упомянутые персонажи дублируются, и мы имеем две пары влюбленных, двух раздраженных отцов, двух хитрых рабов и т. д. Другие типичные персонажи - сводник, тунеядец, хвастливый солдат и еще несколько, которые помогают создавать забавные ситуации и служат поводом для многочисленных шуток. В конце концов, влюбленные обычно соединяются, а девушка оказывается хорошего происхождения, часто давно потерянной дочерью одного из старших мужчин в пьесе. Иногда выбираются другие сюжеты, как, например, в *"Амфитруо"*, в основе которой лежит история о том, что Юпитер, когда посещал Алкмену, принимал облик ее мужа Амфитриона, а веселье пьесы вызвано путаницей между настоящим мужем и переодевшимся богом. В нескольких пьесах сюжет не столь явно любовный, но, как правило, в основе римских комедий лежат любовные истории. Тем не менее, здесь есть место для значительного разнообразия, о чем можно судить по краткому обзору содержания сохранившихся пьес Плавта.

Амфитруо, в которой "Отец богов и людей" вступает в комическую схватку со смертной, да еще и при весьма подозрительных обстоятельствах, - это бурлеск, полный довольно широких забав и смешных ситуаций, возможно, самая интересная из всех латинских комедий. Дошедшие до нас пьесы Плавта. В *"Асинариу"*, *"Казине"* и *"Меркаторе"* отец и сын соперничают за любовь одной и той же девушки. Из этих трех пьес *"Казина"* - худшая по непристойности, а две другие лишены интереса. Однако эти пьесы, как и все комедии Плавта, полны животными духами, игрой слов и умными диалогами. *Aulularia*, или *Горшок с золотом*, имеет малоинтересный сюжет, но славится блестящим и реалистичным изображением главного героя, старого скряги Эвклио. Пьеса *"Каптиву"*, одна из лучших, посвящена дружбе между хозяином и его рабом. В ней нет женских персонажей, и пьеса полностью свободна от грубости и безнравственности, которые уродуют большинство других. В пьесе *"Тринуммус, или Пьеса в три пенни"* главным мотивом также является дружба, а не любовь, хотя заканчивается она помолвкой. Эта пьеса также лишена грубости и дает привлекательное представление о старых добрых временах, когда друг был верен другу. Пьеса *"Куркулио"* интересна главным образом хитростью паразита, которому удастся заставить соперника своего работодателя предоставить деньги, необходимые для получения девушки. *Эпидикус*, *Мостеллария* и *Перса* также обязаны своим интересом хитрости и плутовству паразита или камердинера. *Цистеллария*, от которой сохранилась только часть, содержит любовную интригу, но ее главный интерес - признание между отцом и его давно потерянной дочерью. *Видулария*, также существующая лишь во фрагментах, ведет к признанию, на этот раз между отцом и его сыном. *Miles Gloriosus*, пьеса с весьма заурядным сюжетом, отличается несколько преувеличенным и фарсовым изображением хвастливого солдата. Так, *"Псевдолус"* - это пьеса-рисунок, в которой единственной важной фигурой является лжесвидетель Баллио. В *"Вакхидах"* сюжет более замысловатый и интересный, а исполнение более блестящее, но изображаемая жизнь - это жизнь распутных женщин и безнравственных мужчин. В *"Стихии"* мало сюжета, но есть несколько привлекательных сцен. Две женщины, чьи мужья исчезли, хранят им верность, и в награду за это они возвращаются с большим богатством. *Poenulus* интересен прежде всего тем, что в нем содержатся отрывки из языка Carthaginians, которые на протяжении веков привлекали

внимание лингвистов. В *"Трукуленте"* деревенский житель приезжает в город и меняет свои деревенские манеры на городской лоск. Сцены остроумны и эффектны, но сюжет слаб. В *"Менекми"* братья-близнецы приезжают в город Эпидамнум, и их сходство друг с другом вызывает смехотворную путаницу. Это оригинал шекспировской *"Комедии ошибок"* и многих других современных пьес с похожим сюжетом. Пьеса *"Руденс"*, или *"Кабель"*, имеет своим сюжетом возвращение давно потерянной дочери к отцу и ее союз с возлюбленным, но отличается от других пьес Плавта явной любовью к природе и свежим дыханием моря и открытого воздуха, которыми она дышит, что делает ее одной из самых привлекательных среди его комедий.

Насколько сюжеты этих пьес могут быть приписаны самому Плавту, сказать трудно. Степень оригинальности Плавта. В некоторых случаях почти все детали кажутся греческими, и, вероятно, пьесы, в которых это так, являются просто вольными переводами с изменениями, достаточными для того, чтобы их можно было легко понять в Риме. В других случаях, как, например, в *"Стихе"*, пьеса в том виде, в каком мы ее имеем, кажется состоящей из сцен, лишь слабо связанных между собой, и, очевидно, рассчитанных скорее на римскую аудиторию, которая заботилась в первую очередь о зрелищности и сценическом балагане, чем на греческую, привыкшую взвешивать и критиковать совершенство сюжета. Также известно, что в некоторых случаях латинская пьеса состоит из сцен, взятых из двух греческих пьес и соединенных вместе, чтобы создать единое произведение с большим количеством действия, чем в оригинале. Поэтому важность работы латинского драматурга значительно варьируется. Тем не менее, есть множество отрывков, содержащих ссылки на детали римской жизни, которые должны быть в значительной степени оригинальными для римского писателя; есть много игр с латинскими словами, которые не могли быть введены в простом переводе с иностранного языка; и в других отношениях комедии показывают римские, а не греческие качества. Поэтому мы должны приписать Плавту значительную долю оригинальности, и метрическая форма его пьес, естественно, обязана только ему.

Следующий отрывок, чем бы он ни был обязан греческому оригиналу, несомненно, отчасти обязан своей необычной живости Плавтусу:⁷

Скепарнио. Но, о Палемон, святой спутник Нептуна, который, как говорят, участвует в трудах Геракла, что это я вижу? Двух потерпевших кораблекрушение женщин. *Деймон*. Что ты видишь? *Скеп*. Я вижу двух женщин, которые сидят одни в лодке. Как их, бедняжек, швыряет! Ах! Ха! Вот это да! Течение повернуло лодку от скалы к берегу. Ни один лоцман не смог бы сделать это лучше. Кажется, я никогда не видел более сильных волн. Они в безопасности, если избежали этих волн. Теперь, теперь опасность! О! Одного из них выбросило на берег. Но она на мелководье, она легко выплывет. Ух ты! Видите, как вода выбросила другую? Она снова всплыла; она идет сюда. Она в безопасности!

Второй отрывок⁸ даст представление о стиле некоторых диалогов Плавта. Говорят мальчик Пæгний и служанка Софоклидиска:

Софоклидиска. Пæгний, дорогой мальчик, добрый день. Как поживаешь? Как твое здоровье? *Пæгний*. Болтаем. Софоклидиска, да благословят меня боги! *Соф*. А я? *Пæг*. Это по выбору богов; но если они поступят так, как ты заслуживаешь, то возненавидят тебя и причинят тебе боль. *Соф*. Прекрати свои дурные слова. *Пæг*. Когда я говорю так, как ты заслуживаешь, мои слова хороши, а не плохи. *Соф*. Что ты делаешь? *Пæг*. Я стою напротив и смотрю на тебя, плохая женщина. *Соф*. Конечно, я никогда не знала худшего мальчика, чем ты. *Пæг*. Что плохого я делаю, или кому я говорю плохое? *Соф*. Кому попало. *Пæг*. Ни один человек никогда так не думал. *Соф*. Но многие знают, что это так. *Пæг*. Ах! *Соф*. Ба! *Пæг*. Ты

судишь о чужих характерах по своей собственной природе. Соф. Признаюсь, я такая, какой должна быть служанка сутенера. Пæg. Я уже достаточно наслушался. Соф. А ты? Признаешься ли ты, что ты такой, как я говорю? Пæg. Я бы признался, если бы это было так. Соф. Уходите. Ты слишком много для меня. Пæg. Тогда уходи сейчас же. Соф. Скажи мне вот что: куда ты идешь? Пæg. Куда ты идешь? Соф. Ты скажи; я первый спросил. Пæg. Но ты узнаешь последней. Соф. Я не собираюсь уходить далеко отсюда. Пæg. И я тоже далеко не уйду. Соф. Куда же ты собрался, негодник? Пæg. Если я не услышу сначала от тебя, ты никогда не узнаешь, о чем просишь. Соф. Я заявляю, что вы никогда не узнаете этого сегодня, если я не услышу это от вас. Рæg. Так ли это? Соф. Да, это так. Пæg. Ты плохой. Соф. Ты негодяй. Пæg. Я имею на это право. Соф. И я имею такое же право. Пæg. Что это ты говоришь? Ты решила не говорить, куда идешь, негодница? Соф. А ты? Ты решил скрывать, куда направляешься, негодяй? Пæg. Погоди, ты отвечаешь подобным на подобное. Уходи, раз уж так решено. Мне все равно. Прощай.

Стаций Цецилий, инсубриец по происхождению, вероятно, попал в Рим в качестве раба, то есть пленника, в период не далее 200 года до н. э. Стаций Цецилий. Здесь он стал автором комедий, был освобожден своим хозяином и жил в одном доме с Эннием. Он умер около 165 года до н. э. Известны названия около сорока пьес Сесилия, но сохранившиеся фрагменты слишком коротки, чтобы дать много информации о его стиле, способностях или содержании пьес. Поскольку многие из названий его пьес известны также как названия пьес Менандра, очевидно, что Сесилий представлял пьесы греческой новой комедии в латинской форме. Другие авторы комедий. Похоже, что он следовал греческим оригиналам более тщательно, чем Плавт, и культивировал скорее элегантность стиля, чем блестящие диалоги. Другими комическими писателями того же времени были Трабея, Атилий, Аквиллий, Лициний Имбрекс и Лусций Ланувин, от произведений которых сохранилось мало фрагментов, и которые упоминаются здесь только для того, чтобы показать, что в Риме были авторы комедий между Плавтом и Теренцием. Однако ни один из них, как кажется, не обладал оригинальностью и буйным остроумием Плавта и не достиг изящества и блеска Теренция.

Публий Теренций Афер, которого по-английски называют Теренций, родился в Карфагене и был привезен в Рим в качестве раба. П. Теренций Афер. Он не мог попасть в Рим в качестве пленника, поскольку его рождение произошло между второй и третьей Пуническими войнами, в то время, когда римляне не вели войны в Африке. Он был рабом сенатора Теренция Лукана, у которого получил хорошее образование и вскоре был освобожден. От него он получил свое имя Теренций, а Афером его называли из-за его африканского происхождения. Он близко сошелся со Сципионом Африканским младшим, его другом Лелием и другими самыми культурными и выдающимися людьми Рима. Некоторые даже утверждали, что пьесы Теренция действительно написаны Сципионом, в то время как другие считали, что их автором был Лелий. Это доказывает, что Теренций был близко знаком со Сципионом, Лелием и остальными, и может рассматриваться как указание на его возраст; ведь если бы он был намного старше Сципиона, его вряд ли обвинили бы в выдаче работы Сципиона за свою собственную. Если он был одного возраста со Сципионом, то родился в 185 году до н. э., и в таком случае ему было всего девятнадцать лет, когда в 166 году была поставлена "Андрия", его первая пьеса. Поэтому вполне вероятно, что он был на несколько лет старше Сципиона и родился около 190 года до н. э. После постановки шести комедий он отправился в Грецию в 160 году до н. э., чтобы учиться, и умер в следующем году либо на обратном пути в Рим, либо в Греции. Его популярность среди самых культурных людей Рима свидетельствует о его хорошем воспитании и приятных манерах. Суэтоний рассказывает, что он был среднего роста, стройной фигуры и смуглого цвета лица, что у него была дочь, которую впоследствии выдали замуж за римского рыцаря, и что он оставил после себя

имущество в двадцать акров. До нас дошли все шесть пьес Теренция с датами первого представления каждой из них.

Андрия, поставленная в Ludi Megalenses, 166 г. до н. э., адаптирована из *Андрии* Менандра, с дополнениями из его *Перинфии*. Андрия. Юноша Памфил влюблен в девушку с Андроса, но его отец Симо устроил ему брак с дочерью соседа Хрема. Слуге Памфила, Давусу, удается расторгнуть брак, и в итоге оказывается, что девушка с Андроса - дочь Хремеса. Памфил и его возлюбленная соединяются, а второй юноша женится на другой дочери.

Гецира (Свекровь), впервые представленная в Ludi Megalenses, 165 г. до н. э., адаптирована с греческого Аполлодора. Гецира. Памфил - молодой человек, недавно женившийся на Филумене, к которой он не испытывает никакой привязанности. Он отправляется в путешествие, чтобы разобраться с имуществом, а Филумена возвращается к матери. По возвращении Памфила выясняется, что ребенок, родившийся у Филумены в его отсутствие, принадлежит ему, и они с Филуменой мирятся. Эта пьеса не имела успеха, и вполне заслуженно, так как это наименее интересная из сохранившихся латинских комедий.

Геавтон-Тиморумен (Самомучитель), по одноименной пьесе Менандра, был поставлен в Ludi Megalenses в 163 году до н. э. Геавтон-Тиморумен. Менедом своей суровостью вынудил своего сына Клиния, влюбленного в Антифилу, пойти на службу в чужую армию. Мучаясь угрызениями совести, он рассказывает о своих бедах другу Хрему, сын которого Клитифой влюблен в Вакхиду. Когда Клиний возвращается с войны, они с Клитифой уговаривают Хрема принять Антифилу и Вакхиса в своем доме, полагая, что Клиний влюблен в Вакхиса, а Антифила - ее служанка. В конце концов Антифила оказывается дочерью Хрема и обручается с Клиниасом. Клитиф отказывается от расточительной Вакхиды. Комический персонаж пьесы - раб Сирус, который помогает молодым людям достать деньги, в которых они нуждаются. Характер Хрема хорошо прорисован, но действие пьесы слабое.

Пьеса *"Евнух"*, поставленная в 161 году до н. э. в Ludi Megalenses, адаптирована из *"Евнуха"* Менандра, с добавлениями из *"Льстеца"* того же автора. Евнух. Сложный и интересный сюжет, включающий любовную связь между Таис и Федрией, соперницей которой является солдат, и вторую любовную связь между Памфилой, которая воспитывалась как приемная сестра Таис, и братом Федрии, Хереей. Чтобы подобраться к Памфиле, Херея переодевается евнухом. В конце концов появляется брат Памфила Хремес, объявляет о ее свободном рождении и санкционирует ее брак с Хереей. Персонажи хорошо прорисованы, Херея, пожалуй, лучше всех, а действие забавно.

Пьеса *"Формио"*, впервые представленная на римском фестивале Ludi Romani в 161 году до н. э., переведена с греческого языка Аполлодором. Формио. Два брата, Хремес и Демифо, отправились в путешествие, оставив двух своих сыновей, Федрию и Антифо, на попечение раба Геты. Антифон женится на бедной девушке по имени Фания с острова Лесбос, а Федрия влюбляется в девушку-рабыню, хозяин которой продает ее другому, но соглашается отдать Федрии, если тот принесет за день сумму в тридцать мин. Отцы возвращаются, и паразит Формио, от которого пьеса получила свое название, теперь должен достать деньги для Федрии и заручиться согласием Демифо на брак Антифы и Фаниума. Он получает деньги от Демифо, сказав ему, что сам женится на Фании за тридцать мин, но в нужный момент выясняется, что Фания - дочь Хрема, и ее брак с Антифоном принимается всеми сторонами. Сюжет хорошо проработан, а два старика и их сыновья отлично изображены.

Адельфы (братья), по одноименной пьесе Менандра, с дополнениями из пьесы Дифила, впервые были представлены на погребальных играх Эмилия Павла в 160 году до н. э. Адельфы. У Демия было два сына, и одного из них, по имени Эсхин, он отдал своему брату Микио, а другого, Ктесифо, оставил себе. Микио - холостяк и относится к Эсхину с величайшей снисходительностью, в то время как Демия очень строга к Ктесифо, но результат примерно тот же. Ктесифой влюбляется в арфистку, которую Эсхин, чтобы угодить брату, уводит от хозяина. Сам Эсхин вступает в любовную связь с дочерью бедной вдовы. Девушка, однако, из хорошей аттической семьи, и Эсхин пообещал жениться на ней. В конце концов этот брак состоялся, Ктесифон получил свою арфистку, а Микио уговорили жениться на вдове.

Пьесы Теренция написаны в стиле, гораздо более совершенном, изысканном и художественном, чем у Плавта, но в них гораздо меньше оригинальности, остроумия и энергичности. Теренций и Плавт в сравнении. Плавт писал в то время, когда греческая культура уже была известна римлянам, но ценилась не так высоко, как позднее, и писал он не для какого-то одного класса римлян, а для всего народа. Поэтому язык Плавта - это язык повседневной жизни, на котором говорил средний римлянин; его остроумие обращено к простым людям, а в его пьесах много действия, чтобы простой человек мог ими наслаждаться. Плавт брал греческие пьесы и переделывал их так, чтобы они подходили среднему римлянину. Положение Теренция было иным. В его время существовал культурный класс римлян, которые хорошо знали греческую литературу, восхищались и любили греческую культуру, но не были менее патриотичными римлянами. Эти люди хотели привнести в Рим все лучшее, что было в Греции. Что касается литературы, то они хотели сделать латинскую литературу как можно более похожей на греческую, и поэтому поощряли скорее подражание, чем оригинальность, чистоту и изящество языка, а не энергичность мысли и выражения. Именно среди этих людей жил Теренций, и именно их вкус оказал на него наибольшее влияние. В его пьесах мало признаков того, что они написаны для римской аудитории (кроме, конечно, того, что они написаны на латыни), но они греческие по изысканности языка, мягкому юмору и отшлифованному совершенству деталей. В них меньше разнообразия метра, чем в пьесах Плавта, как, впрочем, и любого другого разнообразия, поскольку Теренций полагается в своем эффекте не на разнообразие, а на законченную элегантность. Это самый ранний латинский автор, который пытается сравняться с греками в стилистической утонченности, и мало кто из тех, кто пришел после него, добился такого же успеха, как он.

Многие качества стиля Теренция утрачены при переводе; но кое-что из той непринужденности, естественности и доброго юмора, которыми проникнуты его пьесы, можно увидеть в короткой сцене из "Формиона", в которой Демифо просит Наусистрату, жену Хрема, убедить Фанию выйти замуж за Формиона.⁹

Демифо. Ну-ка, Наусистрата, со свойственной тебе добротой заставь ее отнестись к нам благосклонно, чтобы она по своей воле сделала то, что должно быть сделано. *Наусистрата.* Я это сделаю. *Де.* Теперь ты будешь помогать мне своими добрыми услугами, как недавно ты помогла мне своим кошельком. *На.* Всегда пожалуйста; и, клянусь, это вина моего мужа, что я могу делать меньше, чем могла бы. *Де.* Как же так? *На.* Потому что он жалко заботится о честных сбережениях моего отца; он регулярно получал два таланта с этих имений. Насколько один человек лучше другого! *Де.* Два таланта, говоришь? *На.* Да, два таланта, и тогда цены были гораздо ниже, чем сейчас. *Де.* Ну и ну! *На.* Что вы об этом думаете? *Де.* О, конечно... *На.* Жаль, что я не родилась мужчиной, я бы тебе скоро показала... *Де.* О, да, я уверен. *На.* Путь... *Де.* Молитесь, берегите себя для нее, чтобы она

вас не измотала; она молода, вы же знаете. *На.* Я сделаю так, как вы мне скажете. Но вот мой муж выходит из вашего дома.

Комедии Плавта и Теренция послужили оригиналом для почти бесчисленных пьес более поздних времен, и благодаря им греческая комедия дожила до наших дней. Турпилий. После Теренция были и другие латинские авторы комедий, заимствованных из греческого, самым известным из которых был Турпилий, умерший в 103 году до н. э., но от их произведений, не имевших большого значения, мало что осталось. О *fabula togata*, римской комедии в римской одежде, мало что можно сказать. Она никогда не достигала большой популярности и просуществовала сравнительно недолго. *Fabula togata*. Титиний, Атта, Афраний. Первым автором комедий такого рода был Титиний. Сохранилось около ста восьмидесяти строк фрагментов и пятнадцать названий его пьес, из которых мы мало что можем узнать о качестве его произведений. Кажется, он писал немного позже Теренция. Тит Квинкий Атта оставил нам названия одиннадцати пьес и около двадцати пяти строк фрагментов. О нем мало что известно, кроме даты его смерти - 77 г. до н. э. Луций Афраний, последний и самый значительный автор этого вида комедий, родился, вероятно, недалеко от 150 г. до н. э. О его деятельности свидетельствуют сорок два названия и более четырехсот строк фрагментов. Сцены пьес разворачиваются в небольших городах Италии, а персонажи в большинстве своем принадлежат к низшим социальным слоям. В этом отношении Афраний, по-видимому, мало чем отличался от Титиния и Атты, но его пьесы, очевидно, имели меньше местного колорита, чем их, и, таким образом, более приближались к характеру *басни*, разработанной Теренцием.

Три других вида драматической композиции заслуживают краткого упоминания, хотя сейчас от них мало что осталось, а их литературное значение никогда не было очень велико.

Фесценнианские стихи. *Фесценнианские стихи*, названные так по городу Фесценниум в Этрурии, первоначально исполнялись на деревенских праздниках и свадьбах и состояли из шуток и сарказмов, направленных деревенскими жителями друг на друга. *Fabulæ Atellanæ*.

Они никогда не становились регулярными сценическими представлениями и постепенно теряли свои драматические качества, пока не стали не более чем свадебными песнями.

Фабулы Ателлана, названные так по осканскому городу Ателла в Кампании, имели некий сюжет, осуществлявшийся с большим или меньшим драматическим единством. Персонажи были обычными - дурак Маккус, старик Паппус, болтун и лжец Букко, умник и хвостун Доссенус и т. п., а все представление представляло собой популярную бурлескную комедию, чем-то напоминающую наших Панча и Джуди. Подобное представление появилось в Риме после завоевания Кампании в 211 году до н. э., и римские юноши из хороших семей брали роли для развлечения. Несколько позже возник обычай исполнять ателланскую пьесу в конце трагедии. Теперь исполнители были обычными актерами, и вскоре "*Ателланские фабулы*" стали регулярной отраслью литературы, главными авторами которой были Луций Помпоний из Бононии и Новий, оба процветали во времена Суллы, около 90 года до н. э. Сохранились лишь немногие фрагменты их произведений. Ателланские пьесы продолжали исполняться и после начала империи, но слова становились все менее важными, а представление превратилось в пантомиму. Мимы. Еще одним видом бурлескного представления была *пантомима*, которая была завезена в Рим из греческих городов Италии и Сицилии. Она имела менее последовательные сюжеты, чем комедия, и была более популярной по своему характеру. Хотя, несомненно, она появилась в Риме так же рано, как и комедия, она почти не появляется как отрасль литературы примерно до времен Цицерона,

когда мимы выступают в качестве послесловий на трагических представлениях. В императорские времена мимы исполнялись самостоятельно. Главными авторами мимов были Децим Лаберий (105-43 гг. до н. э.), римский рыцарь, и Публилий Сир, раб из Антиохии, оба из которых относятся ко времени Сезара, примерно к середине I века до н. э. Мимы не сохранились, и об их утрате сильно сожалеть, поскольку их юмор был в целом грубым, сюжеты часто непристойными, а литературные качества - низкого порядка. Однако некоторые фрагменты мимов Лаберия отличаются значительными достоинствами, а в мимах Публилия было воплощено столько разумных наставлений и мудрых изречений, что был составлен сборник его изречений, часть которого сохранилась до нас.

ГЛАВА III

РАННЯЯ ПРОЗА - КРУЖОК СЦИПИОНОВ - ЛУЦИЛИЙ

Греческое влияние на римскую прозу - Фабий Пиктор, 216 г. до н. э. - Цинций Алимент, 210 г. до н. э. - Катон, 234-149 гг. до н. э. - Работы Катона - Ораторы - Юристы - Латинские анналисты - Сципион Африканский Младший, 185-129 гг. до н. э. - Сципионовский кружок - Луцилий, 180(? Сатира - Сатиры Луцилия - Литература за пятьдесят лет до Цицерона - Поэзия - История - Заученные произведения - Общие писатели - Юристы - Ораторская риторика, адресованная Гереннию - Большое развитие прозы в этот период.

Трагедия и комедия зародились, достигли своего полного развития и пришли в упадок за короткий период в полтора столетия между первой пьесой Ливия Андроника и смертью Аксия. Поэтому было целесообразно дать связный отчет о драматической литературе в Риме за весь этот период и оставить для отдельного рассмотрения зачатки прозаической литературы, которая, хотя и менее быстро росла, имела гораздо более долгую жизнь и была гораздо более верным выражением национального гения.

Зачатки сугубо отечественной прозаической литературы, двенадцать таблиц законов, различные списки и записи, речи, произносимые по общественным и частным поводам, обозначают те направления, по которым римской прозе суждено было развиваться - история, юриспруденция и красноречие. Греческое влияние на римскую прозу. Но римская проза, как и римская поэзия, попала под влияние греческой литературы, как только римляне начали уделять внимание литературному стилю. Именно тогда, когда завоевание южной Италии привело Рим в более тесный контакт, чем прежде, с городами Магна-Греции, Ливий Андроник был привезен в Рим, и именно в годы, непосредственно после первой Пунической войны, он создал первые латинские пьесы в подражание греческим оригиналам. Примерно к этому же или чуть более позднему времени относятся самые ранние римские прозаики. Некоторые из них, считая латинский язык слишком несовершенным для использования в прозаической литературе, писали на греческом, записывая события римской истории для просвещения иностранцев и образованных римлян. Квинт Фабий Пиктор. Таков был Квинт Фабий Пиктор, человек, пользовавшийся большим авторитетом в Риме, который был послан государством для консультации с оракулом в Дельфах после битвы при Каннах в 216 году до н. э. Он написал на греческом языке прозой историю Рима со времен Энея до своих собственных времен, выбрав ту же тему, которую выбрал его современник Энний для своих "Анналов" в латинских стихах. Эта работа Фабия Пиктора была вскоре переведена на латынь и осталась одним из главных источников, из которого черпали информацию более поздние историки, такие как Ливий. L. Cincius Alimentus. Луций Цинций Алимент, который был

претором, командовавшим римской армией во время второй Пунической войны, написал римскую историю в греческой прозе, как и Публий Корнелий Сципион, сын старшего Африкана, Аулус Постумий Альбин и Гай Ацилий, примерно в середине второго века до н. э. Их работы на греческом языке не оказали прямого влияния на латинскую литературу, но показывают, насколько сильным было греческое влияние среди культурных людей в Риме в годы после второй Пунической войны. Греческое влияние. Это влияние не ограничивалось литературой, оно сказывалось на одежде, манерах, образе мыслей - словом, на всех сторонах жизни, особенно среди высших классов. Греки этого времени уже не были выносливыми гражданами-солдатами старых дней Марафона и Фермопил, но теперь отличались культурой, утонченностью и ученостью, которые слишком часто сопровождались женолюбием, роскошью и нечестностью. Отнюдь не все римляне были готовы извлечь пользу из контакта с греческой цивилизацией, с ее смесью хороших и плохих качеств, и в Риме, естественно, существовала партия, которая выступала против всего греческого и желала сохранить старую римскую простоту. Самым значительным представителем этой партии был Катон.

Марк Порций Катон родился в Тускулуме в 234 году до н. э., а умер в 149 году до н. э. На протяжении всей своей жизни он активно занимался государственными делами. М. Порций Катон. Он был квестором (204 г. до н. э.), эдилом (199 г. до н. э.), консулом (195 г. до н. э.) и цензором (184 г. до н. э.) и на всех своих постах проявил честность, работоспособность, единство цели и искренний, хотя и несколько узкий, патриотизм. Он считал дурным влияние греческого искусства, литературы, философии и образа жизни, хотя в старости выучил греческий язык и изучал греческую литературу. В письме к сыну он пишет: "Я буду говорить об этих греках на их должном месте, сын Маркус, и расскажу, что я обнаружил в Афинах, и что хорошо изучать их литературу, но не изучать ее досконально. Я убежу тебя, что их род самый никчемный и необучаемый".¹⁰

Катон был противником господствующих тенденций в литературе - тенденций, которым суждено было возобладать, - но, несмотря на это, он был одним из самых продуктивных литераторов своего времени. Катон как оратор. Его активная политическая жизнь давала ему много поводов для публичных выступлений в сенате или перед народом, и он часто выступал в судах, как по собственным делам, так и в качестве защитника других. Сто пятьдесят его речей существовали во времена Цицерона, и некоторые из них, по крайней мере, читали и восхищались ими еще долго после Цицерона. Сейчас сохранилось около восьмидесяти разрозненных фрагментов, часть из которых относится к политическим, а часть - к юридическим речам. Они отличаются энергичностью и резкостью выражений, своеобразным сухим юмором и прямолинейной свободой речи, но не изяществом стиля.

Самым значительным произведением Катона были *"Истоки"* в семи книгах, первая римская история в латинской прозе. По стилю и методу эта работа была очень неровной. Оригины". Иногда события излагались кратко, в форме анналов, в другое время Катон уделял много места деталям. В одной из книг, от которой и произошло название всего произведения, рассказывалось о происхождении и ранней истории различных городов Италии. В этом труде рассматривается римская и итальянская история с древнейших времен до дней Катона, причем в последней части Катон постарался уделить своим собственным действиям не меньше внимания, чем им полагалось, и даже вставил в свое повествование речи, которые он произносил по разным поводам. В форме писем к сыну Катон написал трактаты о сельском хозяйстве, заботе о здоровье, красноречии и военном искусстве. Он также написал ряд правил поведения в стихах и составил сборник мудрых и остроумных изречений.

Из всех его работ сохранился только трактат *"О сельском хозяйстве"*. Родившийся и выросший в небольшом городке Тускулум и полный восхищения простыми добродетелями первых римлян, Катон с глубоким неодобрением воспринимал тенденцию людей его времени отказываться от сельского хозяйства ради коммерческих и финансовых занятий. Трактат *"О сельском хозяйстве"* (). "Иногда было бы лучше искать выгоду в торговле, если бы она не была столь опасной; а также в денежном кредитовании, если бы оно было столь почетным. Ибо наши предки придерживались этого мнения и ввели его в законы таким образом, что вор должен быть наказан двойным штрафом, а ростовщик - четырехкратным. Отсюда видно, насколько худшим гражданином они считали ростовщика, чем вора. А когда они восхваляли хорошего человека, то это был хороший фермер, хороший колонист. Они считали, что больше всего похвалы заслуживает тот, кого хвалят вот таким образом. Я считаю, что купец энергичен и усерден в поисках выгоды, но, как я уже говорил, он подвержен опасности и разорению. Из земледельцев же происходят самые храбрые люди и самые энергичные воины, и дело, которым они занимаются, самое благочестивое и надежное, и менее всего подвержено зависти; и те, кто занят этим делом, менее всего подвержены злым помыслам".¹¹ В других частях книги Катон в коротких и простых предложениях приводит практические правила, которым должен следовать фермер. "Все делай заблаговременно. Ибо так уж устроено земледелие: если хоть одно дело сделаешь поздно, то и всю работу сделаешь поздно". Этот стиль коротких, резких предложений характерен для Катона. Он презирует любую видимость литературного лоска, словно желая показать, что искусство изящества, культивируемое большинством других римских писателей, было ненужным и нежелательным.

Катон был одним из самых знаменитых ораторов своего времени, но конкурентов у него было много, среди них - одни из самых известных людей Рима. Другие ораторы. Большинство этих ораторов были людьми с природными способностями, чье красноречие было воспитано в школе общественной жизни и во многом обязано своим эффектом весомости достоинств оратора или славе его деяний. Их речи утрачены, а репутация, которой они пользовались, сохранилась лишь для того, чтобы напомнить нам, что во время и после второй Пунической войны римское красноречие набирало силу, готовясь, так сказать, к блестящему ораторскому искусству Гракхов во второй половине II века до н. э. и превосходным произведениям Цицерона в последующем столетии. Среди ораторов времени Катона следует упомянуть Квинта Фабия Максима Кунктатора, пятикратного консула, цензора и диктатора, покорителя Ганнибала, затем Квинта Цецилия Метелла, консула 206 года до н. э., Марка Корнелия Цетегуса (умер в 196 году до н. э.), Публия Лициния Красса (умер в 183 году до н. э.) и Сципиона Африканского Старшего (умер в 183 году до н. э.).

В области юриспруденции во времена Катона наблюдалась значительная активность. Юристы. Публий Илий (консул 201 г., умер в 174 г. до н. э.) и его брат Секст (консул 198 г. до н. э.) опубликовали наиболее систематизированный труд по юриспруденции. Этот труд назывался *"Трипертита"* и на протяжении веков с почтением рассматривался как начало, из которого выросла великая система римского права. Сципион Назика (консул 191 года до н. э.), Луций Ацилий, Квинт Фабий Лабео (консул 183 года до н. э.) и сын Катона (родился около 192 года, умер в 152 году до н. э.) были выдающимися юристами, чье толкование Двенадцати таблиц и мудрость в юридических вопросах упоминаются с похвалой более поздними авторами. Их труды исчезли, но результаты их исследований были включены в поздние работы по римскому праву.

За анналистами, писавшими на греческом языке, такими как Фабий Пиктор, вскоре после середины II века до н. э. последовали несколько авторов, чьи работы отличались от их трудов главным образом тем, что были написаны на латыни. Латинские анналисты. Свои общие взгляды и методы, а также некоторые факты они заимствовали у более ранних греческих историков, таких как Эфор и Тимей. Первым из этих латинских анналистов был Луций Кассий Гемина, написавший историю Рима до своего собственного времени. Несколько более важным был Луций Кальпурний Пизон Фруги, который был консулом в 133 году до н. э. Его анналы охватывали ту же область, что и анналы Гемина, и, как говорят, были написаны в бесхитростном, несколько грубоватом стиле. Подобное отсутствие изящества, похоже, было присуще и работам других анналистов этого времени. Очевидно, римляне еще не научились писать художественную прозу. Однако именно в этот период под руководством греческих учителей римляне уделяли больше внимания, чем когда-либо прежде, грамматике и риторике, чистоте языка и точности выражения.

Человеком, вокруг которого сосредоточилась лучшая литературная жизнь города, был Сципион Африканский Младший, живший с 185 по 129 год до н. э. Сципион. Он был сыном выдающегося Луция Эмилия Паулуса, чья победа при Пидне в 168 году до н. э. уничтожила последнюю иностранную державу, способную оказать серьезное сопротивление римским легионам, и был усыновлен сыном старшего Сципиона Африканского. Сам он был выдающимся воином, поскольку, будучи простым офицером (*tribunus militum*), спас римскую армию в Африке, после чего стал консулом и командующим армией, которая завершила третью Пуническую войну взятием и разрушением Карфагена (146 год до н. э.). Можно было ожидать, что он примет активное участие в управлении страной, тем более что в его время государство нуждалось в помощи своих лучших граждан. Но Сципион, по-видимому, считал, что внутренние проблемы, которые одолевали государство теперь, когда все внешние опасности миновали, были слишком серьезными, чтобы их можно было вылечить. Он использовал свое влияние на благое дело везде, где только мог, но не предпринимал систематических попыток исправить злоупотребления правительства, которые в конце концов привели к революционным беспорядкам времен Гракхов (133-121 гг. до н. э.). Вместо того чтобы быть лидером партии, он занимал позицию, несколько обособленную от аристократической и народной партий, используя свое влияние и красноречие для тех целей, которые казались ему хорошими, и таким образом сохраняя репутацию независимого и здравомыслящего человека. Его патриотизм был несомненен, а влияние столь же велико, как и у любого другого человека в Риме.

Сципион получил хорошее образование, а свой досуг посвящал литературным и интеллектуальным занятиям. Сципионовский кружок. Сам он не был автором, разве что публиковал свои речи, которыми очень восхищался, но любил находиться в окружении литераторов, извлекать пользу из их бесед и поддерживать их своим положением и влиянием в обществе. Его несколько более старший друг, Гай Лелий, который был консулом в 140 году до н. э., разделял его литературные вкусы, хотя он тоже воздерживался от публикации других произведений, кроме речей. С 167 по 150 год до н. э. тысяча греков, занимавших видное положение на родине, находились в Италии в качестве заложников. Среди них был историк Полибий, получивший резиденцию в Риме и вошедший в круг литературных друзей, окружавших Сципиона и Лелия. Еще одним греком, принадлежавшим к кругу Сципиона, был стоический философ Панэтий, ставший впоследствии главой стоической школы. Влияние Панэтия на римскую философию было огромным, как и влияние Полибия на написание римской истории. Но вокруг Сципиона собирались и латинские писатели. Среди них были Теренций (см. стр. 24), самый искусный автор комедий; Гемина и Пизон, анналисты; Гай Фанний, племянник Лелия, который был консулом в 122 году до н. э. и

достиг выдающихся успехов как оратор, а также написал историю Рима; Семпроний Аселлий, чья история его собственных времен была продолжена по крайней мере до 91 года до н. э.; Луций Фурий Фил, консул в 136 году до н. э., оратор и юрист, и многие другие. Среди всех них самым оригинальным гением был отец римской сатиры Гай Луцилий.

Луцилий родился, вероятно, в 180 году до н. э. в Суэссе Аурунка, в Кампании. Гай Луцилий. Он принадлежал к богатой конной семье и, переехав жить в Рим, освободился от забот, связанных как с бизнесом, так и с политикой, посвятив себя общественной жизни и литературе. Он жил как состоятельный холостяк, не отстраняясь от столичных удовольствий, но и не предаваясь излишества. Большая часть его жизни прошла в городе, но в 134 году до н. э. он последовал за Сципионом на войну в Испанию, а в 126 году до н. э., когда все, кто не был римским гражданином, должны были покинуть Рим, он совершил путешествие на Сицилию, откуда вернулся только в 124 году до н. э. Умер он в Неаполе в 103 году до н. э.

Название "*satupa*" (*satura*), возможно, происходит от *lanx satura*, блюда, полного всевозможных фруктов, и в применении к стихам Энния (см. с. 8) обозначает стихи смешанного содержания. Сатира. Возможно, все поэмы Энния, за исключением его драм и великого эпоса, можно отнести к сатирам. Во всяком случае, Луцилий - первый писатель, который придал сатире тот определенный характер, который она приобрела с его времен. Он сделал свои поэмы средством для выражения резких и язвительных нападок на людей, учреждения и обычаи своего времени, для добродушных и юмористических замечаний о недостатках своих соседей и для большого количества информации о себе. Со времен Луцилия сатира была одновременно острой и юмористической, горькой и сладкой. Этот вид поэзии, принимающий форму диалога, привычного разговора или письма, не является греческим, а представляет собой изобретение того, кто должен считаться самым оригинальным из всех римских поэтов.

Сатиры Луцилия состояли из тридцати книг, каждая из которых содержала несколько сатир. Сатиры Луцилия. В них затрагиваются самые разные темы: недостатки и слабости отдельных людей, недостатки литературных произведений, нелепое подражание греческим манерам и одежде, нелепости греческой мифологии, глупость дорогих званых вечеров, путешествие автора в Сицилию, латинская грамматика, правильное написание латинских слов, путешествие Сципиона в Египет и Азию. Личность писателя, его образ жизни и взгляды на все предметы настолько ярко предстали перед читателями, что "*Сатиры*" стали полной автобиографией. Они написаны по большей части гекзаметрами, метр которых был принят всеми последующими римскими сатириками, но некоторые из них написаны ямбическими *сенариями* и трохаическими *септена́риями*, другие - элегиями.¹² Они не были написаны в одно время, но их сочинение продолжалось с перерывами в течение многих лет, поскольку Луцилий был не профессиональным поэтом, а литератором, который выражал себя в стихах, когда чувствовал к этому склонность. Его форма выражения была нетрадиционной, напоминающей разговор (он называл стихи *sermones*, "беседы"), со свободным использованием диалогов. Тщательная литературная отделка не была предпринята, и Гораций, чьи сатиры являются подражанием сатирам Луцилия, обвиняет старшего поэта в небрежности. Но легкий и естественный тон стихов, должно быть, с лихвой компенсировал недостаток полировки.

Сохранившиеся фрагменты насчитывают более одиннадцатисот строк, но по большей части они коротки и несвязны. Сохранившиеся фрагменты. В одном из них¹³ Луцилий, кажется, с удовольствием принимает приглашение на обед "с хорошей беседой, хорошо приготовленной и приправленной"; в другом¹⁴ он обличает роскошь, которая приводит к жадности наживы: "Ведь если бы человеку было достаточно того, что он имеет, то этого было

бы достаточно. Но поскольку это не так, как можно думать, что какое-либо богатство может удовлетворить мою душу?" И снова¹⁵ он описывает скупца как человека, который не имеет ни скота, ни рабов, ни прислуги, но держит свой кошелек и все деньги, которые у него есть, всегда при себе. "Он ест, спит и купается со своим кошельком; вся надежда этого человека - только на его кошелек. Этот кошелек пристегнут к его руке". Один из самых длинных фрагментов¹⁶ - это описание *virtus* (добродетели):

Добродетель, Альбин, - это способность платить истинную цену за вещи, в которых и которыми мы живем; добродетель - это знание того, к чему ведет каждая вещь для человека. Добродетель - это знание того, что правильно, полезно, почетно для человека, что хорошо, что плохо, что бесполезно, подло, бесчестно; добродетель - это знание предела и меры в стремлении к чему-либо; добродетель - это придание богатству его истинной ценности; добродетель - это придание чести того, что ей действительно причитается; быть врагом и противником дурных людей и нравов, с другой стороны, защитником хороших людей и нравов, считать их очень важными, желать им добра, жить как их друг; кроме того, считать преимущества своей страны первыми, своих близких вторыми, себя третьими и последними.

В других фрагментах содержатся прямые нападки на отдельных людей, но и те, что были процитированы, дают представление о свободе слова, здравом смысле и серьезной цели первого великого сатирика.

Жизнь Луцилия пришлась на период многочисленных перемен. Литература за пятьдесят лет до Цицерона. Еще мальчиком он видел, как римская власть утверждается на востоке, до достижения среднего возраста был свидетелем разрушения Карфагена, затем пережил смутные годы до и после смерти Тиберия Гракха в 133 году до н. э. и его брата Гая в 121 году до н. э., а за год до своей смерти видел, как консульский пост перешел в руки Гая Мария. Только после окончания долгой борьбы между Марием и Суллой в Римское государство вернулось хоть какое-то спокойствие. Наступил золотой век римской литературы. Но в течение пятидесяти лет до времени Цицерона обстоятельства в Риме не благоприятствовали литературному творчеству любого рода. Луцилий, Акций, Афраний и несколько других поэтов дожили примерно до конца II века до н. э., но новой поэтической жизни было мало. Гней Матий перевел "Илиаду", а Левий Мелисс подражал некоторым легким греческим стихам. Поэзия. Эпическая поэма Хостия об Истрийской войне и поэма Аула Фурия из Антии (Фурий Антиас) на неизвестную тему почти не оставили следов. Не стоит подробно останавливаться на редких любовных песнях и эпиграммах, написанных различными авторами. Кроме Луцилия и уже упомянутых драматургов, в этот период нет ни одного выдающегося поэта.

В истории была более значительная и важная постановка. История. Фаннию и Аселлиону подражал Целий Антипатр, чья история второй Пунической войны имела определенное значение, а за ним последовал Квинт Клавдий Квадригарий, написавший историю Рима не менее чем в двадцати трех книгах, дошедшую до 82 года до н. э. Другим более объемным, но менее достоверным историком был Валерий Антиас, написавший анналы не менее чем в семидесяти пяти книгах. Его дата неясна, но, похоже, он жил в начале первого века до н. э. Двумя другими историками последней части этого периода были Луций Корнелий Сисенна (119-67 гг. до н. э.), написавший историю своего времени в старинном стиле, и Гай Лициний Мацер, чьи анналы, начиная с самых ранних времен, были продолжены, вероятно, почти до самой его смерти (66 г. до н. э.). Диктатор Сулла (138-78 гг. до н. э.) написал мемуары, которые, должно быть, имели большую историческую ценность. Гай Семпроний Тудитан (консул в 129 году до н. э.) был не только анналистом, но и антикваром.¹⁷

Юристы. Важными писателями на юридические темы были Публий Муций Сцевола (консул в 133 году до н. э.) и его брат Публий Лициний Красс Муциан (консул в 131 году до н. э.), но более важным, чем оба, был Квинт Муций Сцевола (консул в 95 году до н. э.), чье систематическое изложение римского права послужило основой для всех последующих работ по этой теме. Квинт Сцевола также был выдающимся оратором.

Ораторское искусство. На протяжении всего периода от третьей Пунической войны до диктатуры Суллы - фактически до смерти Цицерона - почти каждый публичный человек в Риме был оратором, и многие из них публиковали свои речи. Во времена Гракхов в Риме было, пожалуй, больше прекрасных ораторов, чем в любой другой период, среди которых никто не сравнился по силе, блеску и ораторской мощи с великим, хотя и неудачливым, государственным деятелем и патриотом Гаем Гракхом (154-121 гг. до н. э.), который намного превзошел своего старшего брата Тиберия (163-133 гг. до н. э.) в красноречии, хотя тот тоже был выдающимся оратором. После Гракхов самыми выдающимися ораторами были Марк Антоний (143-87 гг. до н. э.) и Луций Лициний (140-91 гг. до н. э.), первый из которых отличался энергичностью и живостью речи, а второй - остроумием, изяществом и разнообразием композиции. Эти ораторы были не просто людьми с природными способностями к ораторскому искусству, но и тщательно подготовленными в соответствии с предписаниями греческой риторики.

Из всех произведений, упомянутых в этой главе, только одно - трактат Катона "О сельском хозяйстве" - дошло до нас целиком, и только сатиры Луцилия известны нам по многочисленным фрагментам. Эти произведения утрачены. От остальных произведений и их авторов остались лишь названия. Однако одно произведение, которое сейчас обычно приписывают Корнифицию, автору, о котором ничего не известно, сохранилось полностью. *Rhetorica ad Herennium*. Это "Риторика, обращенная к Гереннию", которая была сохранена потому, что ее ошибочно включили в число работ Цицерона. В трактате затрагивается та же тема, что и в юношеском сочинении Цицерона "Об изобретениях", которое, очевидно, задумывалось как новое и улучшенное издание более ранней работы.

О значении периода, непосредственно предшествовавшего времени Цицерона, нельзя судить по сохранившейся литературе, а нужно оценивать по количеству произведений и авторов, упоминаемых более поздними писателями, и по качествам, приписываемым им. Сразу видно, что поэзия практически не продвинулась вперед, в то время как проза всех видов развивалась стремительными темпами. Великий прогресс прозы. Поэтому вполне естественно, что век Цицерона - самый блестящий период латинской прозы, а наивысшее общее развитие поэзии приходится на эпоху Августа. Однако даже эпоха Августа может лишь сравняться, но не превзойти бессмертные поэмы двух современников Цицерона - Лукреция и Катулла.

ГЛАВА IV

ЛУКРЕЦИЙ

Цицероновский период - Лукреций, 99(?) - 55(?) гг. до н. э. - Философия в Риме - Поэма Лукреция - ее цель, содержание и стиль.

Именно при диктатуре Суллы, в 81 году до н. э., Цицерон впервые выступил как оратор, и почти с того времени и до своей смерти, в 43 году до н. э., он был самым выдающимся оратором и литератором в Риме. Эпоха Цицерона - время волнений. Совершенно справедливо, что в истории литературы этот период продолжительностью почти сорок лет называется эпохой Цицерона. В политической и внешней жизни это было время больших волнений. Диктатура Суллы, которая, казалось, должна была положить конец раздорам, лишь укрепила власть сената, а не уменьшила его злоупотребления; рост рабского населения Италии все еще продолжал гнать свободнорожденных крестьян в Рим, чтобы пополнить ряды городского сброда; рабы сами вступали в открытую войну; Провинции были недовольны поборами своих губернаторов; киликийские пираты стали настолько могущественными, что их подавление представляло определенную трудность; Митридат вызвал войну на востоке и был побежден только благодаря огромным усилиям; а в самом Риме заговор Катилины и борьба между Помпеем и Сезаром явно предвещали конец республики.

Этот период был одновременно периодом большого материального процветания Рима. Несмотря на мешающие влияния, богатство росло, интерес к искусству и литературе был широко распространен, и наряду с вульгарной экстравагантностью и показухой наблюдался устойчивый рост культуры и утонченности. Богатство и культура. Прогресс литературы. К началу этого периода латинский язык стал подходящим средством выражения в прозе и стихах, хотя его природные качества жесткости и точности всегда лучше подходили для нужд полководца, оратора, юриста и историка, чем для более легкого и разнообразного использования поэтом. Среди поэтов того времени одни шли по стопам Энния, другие подражали стихам александрийских греков, отличавшимся мифологической образованностью, изяществом исполнения и пустотой содержания. Из этой последней школы Катулл был единственным, кто поднялся до величия, вдохнув в свои стихи огонь поэтического гения, а Лукреций выделяется как единственная великая и выдающаяся фигура среди поэтов, продолжавших технические традиции Энния.

О жизни Лукреция известно немного. Жизнь Лукреция. Иероним под 95 годом до н. э. пишет: "Родился Тит Лукреций, поэт, который впоследствии был лишен рассудка приворотным зельем и, когда он в промежутках своего безумия написал несколько книг, которые исправил Цицерон, покончил с собой собственной рукой на сорок четвертом году жизни".¹⁸ Донат в своей "*Жизни Вергилия*"¹⁹ утверждает, что Лукреций умер в тот день, когда Вергилию было пятнадцать лет, то есть 15 октября 55 года до н. э. Это не согласуется с утверждением Иеронима. Цицерон в письме, написанном в феврале 54 года до н. э.,²⁰ упоминает стихи Лукреция, но ничего не говорит об их исправлении или редактировании. Это единственное современное упоминание о Лукреции или его работах. Великая поэма Лукреция, очевидно, так и не была полностью закончена ее автором, который, вероятно, был уже мертв, когда Цицерон написал это письмо. Таким образом, подтверждается дата его смерти (55 год до н. э.). Дата его рождения должна оставаться неопределенной, но, вероятно, она была недалеко от 99 года до н. э. Утверждение Иеронима о том, что Лукреций был безумен и покончил с собой, само по себе не является невероятным. Его работы показывают, что он был человеком страстных и сильных чувств, и дают основания полагать, что в течение своей жизни он подвергался большому эмоциональному напряжению. О его друзьях и повседневной жизни мы ничего не знаем. Его поэма посвящена Меммию, который, как принято считать, является тем Гаем Меммием, который был пропретором в Вифинии в 57 году до нашей эры.

Единственное произведение Лукреция - дидактическая поэма из шести книг, написанная гекзаметром, "*О природе вещей*" (*De Rerum Natura*), в которой он излагает доктрины

Эпикура. Философия, известная римлянам. Римляне уже много лет были знакомы с греческими философскими учениями, особенно со стоической и эпикурейской школами. Стоические доктрины были преподаны одним из самых выдающихся философов II века до н. э. Панэтием, другом младшего Сципиона Африканского, и явно соответствовали римскому темпераменту; ведь стоики учили, что добродетель - это высшее благо, что ничто другое не стоит того, чтобы к нему стремиться, и что обычные удовольствия жизни - это лишь прерывание покоя философа. Эпикурейское учение о том, что удовольствие - высшее благо, было популярно только среди тех, кто хотел посвятить себя эгоистическим и физическим удовольствиям, поскольку высшие аспекты доктрин Эпикура не были поняты. Еще в 161 году до н. э. сенат принял решение об изгнании философов и риториков из Рима, а шесть лет спустя, когда в Рим приехали три знаменитых философа - стоик Диоген, перипатетик Критолай и Карнеад из академической школы, - они вызвали такой интерес, что сенат решил как можно скорее удалить их из города. Греческая философия, таким образом, не была чем-то новым в Риме, но поэма Лукреция является первым систематическим изложением эпикурейских доктрин.

Цель поэмы - освободить людей от суеверий и страха смерти, научив их доктринам Эпикура. Причина написания поэмы в стихах. Это очень серьезная цель, и Лукреций говорит совершенно серьезно. Если он принимает стихотворную форму, то это делается для того, чтобы сделать изложение доктрин более привлекательным, в надежде, что таким образом оно окажет большее влияние. Эта точка зрения, а вместе с тем и ощущение поэтом сложности своей темы и своих возможностей справиться с ней, четко выражены в следующем отрывке:

Приди теперь, и то, что осталось, узнай и услышь

яснее. Умом я понимаю.

Доктрина неясна; но могучая надежда

На похвалу поразила сердце мое безумным жезлом,

И с ударом вложила в грудь мою

Сладостную любовь муз, наполненную

Я брожу со свежим умом по бездорожью

Пиериды, не исхоженные прежде

Ничьей смертной ногой. Как сладко идти

К фонтанам новым и пить; и сладко

Срывать новые потоки и искать в них гирлянду

Для головы своей, где никогда не было венца.

Музы не сплетали для чела смертного.

Прежде всего потому, что я учу о важных вещах.

И направляю свой путь, чтоб дух освободить

От тесных уз суеверий;

А во-вторых, потому что, касаясь темных вопросов.

Я пишу такие ясные стихи, всех касаясь

С благодатью муз. И еще потому, что это кажется

Не без причины; но, как когда люди пытаются

Лечить мальчиков, давая им горькие травы,

Они прикасаются к краям чашки

Желтой жидкостью сладкого меда,

Чтоб обмануть беспечный возраст детей

До самых губ, а тем временем пьют

Сок горькой травы, и хотя обманут

Не пострадают, а наоборот, таким образом

Обрести здоровье и силу, так и я, поскольку моя тема

Кажется мрачной по большей части тем.

Кому она не знакома, а толпа

От нее сторонятся, я пожелал угостить тебя

Мою тему сладкозвучными стихами поэзии

И прикоснуться к ней сладостным медом муз.²¹

Поэма построена следующим образом: В первой книге излагается атомная теория, придуманная Демокритом и поддерживаемая Эпикуром, согласно которой мир состоит из атомов, бесконечно малых частиц материи, и пустоты, т. е. пустого пространства.

Расположение и содержание поэмы. Опровергаются теории других греческих философов, таких как Гераклит, Эмпедокл и Анаксагор. Во второй книге объясняется, как атомы соединяются, образуя различные вещи в мире, потому что, падая в пространстве, они отклоняются от прямой линии и соприкасаются друг с другом. Также показано, что атомы, хотя и бесконечны по числу, ограничены в разнообразии. В третьей книге показано, что разум и душа, или принцип жизни, материальны и умирают, когда умирает тело. Религия и страх смерти, который Лукреций рассматривает как результат религии, подвергаются нападкам. Поскольку душа умирает вместе с телом, нет причин бояться смерти, потому что после смерти мы не будем чувствовать ни в чем недостатка, не будем испытывать никаких проблем, а будем как будто не рождались или как будто лежали, завернувшись в беспробудный сон:

Поэтому смерть для нас - ничто, она нас не касается,

Когда природа души смертной известна.²²

В книге IV показано, как впечатления, производимые на наши органы чувств, вызываются мельчайшими образами, оторванными от окружающих нас предметов. Мы видим, например,

потому, что в наших глазах возникают мельчайшие образы видимого предмета. В этой книге также рассматриваются сны и любовь. В пятой книге описывается происхождение земли, солнца, луны и звезд, объясняется зарождение жизни и изображается прогресс цивилизации с тех времен, когда люди были дикарями. Некоторые отрывки из этой книги в определенной степени предвосхищают современную доктрину выживания сильнейших. Поскольку наш мир не был создан, а возник естественным образом в результате комбинаций атомов, то и ему когда-то придет конец в результате разделения атомов. В книге vi рассматриваются различные поразительные явления, такие как гром, молния, землетрясения, бури и вулканы. Книга заканчивается описанием чумы в Афинах, заимствованным из рассказа Фукидида.

Этические доктрины Поскольку основная цель поэмы - освободить людей от религии и страха смерти, показав, что все вещи, включая душу, возникли и должны исчезнуть без каких-либо действий богов, этические доктрины не рассматриваются систематически. Лукреций, однако, принимает эпикурейскую догму о том, что удовольствие - главное благо, "путеводитель жизни"²³, но удовольствие, которое он имеет в виду, - это не обычное физическое наслаждение, а спокойный покой философа:

О жалкие умы людей, о ослепленные сердца!

В каких тенетах жизни и опасностей великих

Проходит, какой бы возраст ни был! Неужели вы

Не видишь, что природа не требует ничего.

Кроме этого, чтобы боль отсутствовала в нашем теле,

Чтобы она, избавленная от забот и страха,

Могла наслаждаться радостями ума?²⁴

Опять же, в великолепной похвале Эпикуру, открывающей пятую книгу, он говорит, что мы можем жить без зерна и вина,

Но нельзя жить без чистого сердца.²⁵

Единственные греческие философы, помимо Эпикура, о которых Лукреций говорит в хвалебных выражениях, - это Демокрит, у которого Эпикур позаимствовал атомную теорию, и Эмпедокл. Возможно, Лукреций подражает в своем произведении поэме Эмпедокла, носящей то же название. Во всяком случае, Эмпедокл был человеком возвышенного образа мыслей и достойного, поэтического выражения, качества, которые, естественно, должны были пробудить восхищение в уме Лукреция. Его начитанность, наблюдательность и любовь к природе. То, что Лукреций был хорошо знаком с великими произведениями греческой литературы и с трудами Невия, Энния, Пакувия, Луцилия и Аксия, очевидно из прямых ссылок на них или подражаний им. Но он был не просто книжным учеником. Его наблюдательность и любовь к природе проявляются во многих отрывках, например, когда он описывает бушующие ветры и реки,²⁶ жизнь и движение армии,²⁷ яркие черты острова Сицилия,²⁸ эхо в горах,²⁹ или приятный отдых под тенистым деревом на траве у берега реки.³⁰

Два знаменитых отрывка. Поэма открывается обращением к Венере, которое по праву пользуется известностью. Первые строки таковы:

Богиня, от которой происходит род Рима,
Венера, земли и неба высший восторг,
Славься, ты, что все под звездным куполом.
Земли, богатые зерном, и моря с белыми флотами.
Благословляй и лелей! Там, куда ты пришла.
Эмалированная земля украшает ее яркими цветами.
Чтобы встретить твой приход; тучи и бури уходят,
И радостный свет улыбается над сушей и морем".³¹

Другой знаменитый отрывок - начало Книги II, которое переведено на английский гекзаметрами следующим образом:

Сладко, когда воды великого моря взбудоражены штормовыми ветрами до самой глубины,
Стоя на берегу, наблюдать, как вдалеке кто-то сильно борется;

Не в том дело, что горе ближнего тебе доставляет нежное наслаждение;
А в том, что зрелище сладостно, что мы сами от бед свободны.
Как сладко смотреть, как на широкой равнине собираются воинские отряды.
Вооружать их для великой битвы, а самому не пострадать от опасности;
Но еще приятнее вот что: обладать неприступной защитой,
Те спокойные высоты мудрецов, где зарождается Мудрость;
И оттуда наблюдать за нашими собратьями, наблюдать их в ту и в другую сторону.
Бродите по дорогам жизни, бедные бродяги, ищущие дорогу;
Наблюдайте, как разум сражается с разумом, а эскорт - с эскортом;
Взирайте на эту невыразимую борьбу, которая ведется под солнцем и светом звезд,
Пока они трудятся на поверхности, где покоятся богатство и империя.³²

Лукреций прекрасно понимал, что его тема нелегко поддается стихотворной обработке, но был уверен в своих силах. Его работы показывают, что его уверенность была оправдана. Однако даже он не мог, объясняя детали философии Эпикура, постоянно двигаться в верхних сферах поэзии. Стиль. В результате поэма получилась неровной. В некоторых местах она поднимается до высот, которых вряд ли достигал какой-либо другой латинский автор, но в других частях длинные отрывки скучны и однообразны. Однако даже в этих частях стихи имеют серьезную, достойную музыку, язык тщательно подобран, а тема трактуется

последовательно, четко и энергично. В более оживленных частях своего произведения Лукреций говорит почти как вдохновенный пророк. Его мысль торопит строки с нарастающим импульсом, пока их поток не кажется почти непреодолимым. Сила, стремительность и мощь - наиболее яркие черты его стиля. Второстепенными элементами являются частые ассонансы различных видов, такие как аллитерация, повторы, использование двух или более слов из одного корня и т. п., сложные симилияры, а иногда и форма прямого обращения. При всем этом стиль характеризуется строгим достоинством.

В своих рассуждениях о развитии Вселенной, особенно в той части, где речь идет о живых существах, человеке и прогрессе цивилизации, Лукреций высказывает выводы, не похожие на те, к которым пришла современная наука в наши дни. Предвосхищение современной науки. Но его процессы не являются научными. Он рассуждает, конечно, от конкретных фактов к теориям и от теорий снова к конкретным фактам, но метод его рассуждений не похож на метод современной науки. Лукреций, как и другие философы древности, приняв однажды теорию, объясняющую те или иные явления, делает свою теорию правилом, по которому следует измерять все явления и в соответствии с которым их следует понимать. Интересно отметить, что Лукреций, вслед за Демокритом и Эпикуром, в определенной степени предвосхищает современную атомную теорию, теории эволюции видов, выживания сильнейших и непрерывного прогресса человечества от состояния дикости к цивилизации, но его выводы достигаются не терпеливым трудом современных научных исследований, а абстрактным теоретизированием, которому его поэтическое воображение придает живость и почти убедительную силу.

Величие Лукреция как поэта всегда признавалось критиками, но он никогда не был популярным автором. Его тема слишком заумна, а стиль слишком строг и величав, чтобы прийтись по вкусу широким массам, чем, вероятно, и объясняется тот факт, что его поэма дошла до нас только в одном экземпляре, с которого сняты все существующие рукописи.

ГЛАВА V

КАТУЛЛ И ДРУГИЕ ПОЭТЫ

Катулл, около 84-54 гг. до н. э. - его жизнь - книга стихов - длинные поэмы - короткие поэмы - малые поэты - Гней Матий - Левий - Суий - Гай Лициний Кальв, 87-47 гг. до н. э. - Гай Гельвий Цинна - Варро Атацин, 82 - после 37 гг. до н. э. Публий Валерий Катон-Марк Фурий Бибакул-Гай Меммий, пропретор в 57 г. до н. э.-Тицид-Квинт Корнифиций-Корнелий Непос-Марк Туллий Цицерон-Квинт Цицерон.

Величайшим лирическим поэтом цicerоновского периода является Гай Валерий Катулл. Точные даты его рождения и смерти точно не установлены. Жизнь Катулла. Согласно Иерониму, он родился в 87 году до н. э., а умер в 57 году до н. э., в возрасте тридцати лет. Но в одном стихотворении³³ он упоминает о втором консульстве Помпея (55 год до н. э.), а в двух других³⁴ - об экспедиции Сезара в Британию (55 год до н. э.). Поэтому очевидно, что его смерть не могла произойти в 57 году до н. э. Но поскольку в его стихах нет упоминаний о событиях, произошедших позже 55 или 54 года до н. э., можно с уверенностью сказать, что он умер не намного позже последней даты. Поскольку известно, что он умер молодым, его

рождение можно отнести примерно к 85 году до н. э., а может быть, на год или два позже. Местом его рождения была Верона, а его семья была богатой и занимала хорошее положение. Он отправился в Рим, будучи еще совсем мальчиком, и начал писать любовные стихи вскоре после принятия *togu virilis*, то есть в возрасте семнадцати лет. Рим был тогда блестящей столицей, в которой прочно укоренилась греческая культура, со всей ее интеллектуальной живостью и всеми ее пороками. Семейные связи молодого Катулла, чей отец был другом Юлия Цезаря, ввели его в аристократическое общество столицы, а его личные качества, несомненно, способствовали тому, что он стал заметной фигурой среди веселой молодежи города.

Около 61 года до н. э. началась его страстная любовь к блестящей, но беспутной женщине, которую он увековечил в своих стихах под именем Лесбия. Лесбия. Ее настоящее имя было Клодия, и когда он познакомился с ней, она была женой Квинта Цецилия Метелла Целера. Какое-то время она, по крайней мере, казалась ответной любовью своего молодого обожателя, но почти сразу после смерти мужа, которая произошла в 59 году до н. э., Катулл упрекает ее в неверности. Весной 57 года до н. э. Катулл отправился в Вифинию в качестве сотрудника пропретора К. Меммия, и к этому времени его связь с Клодией, по-видимому, закончилась. Весной 56 года до н. э. Катулл возвращается в Рим, посетив могилу своего брата, умершего в Троаде. С этого времени его стихи все еще частично являются стихами о любви, но им не хватает страстного огня строк, обращенных к Лесбии. Большинство стихотворений, относящихся к последним годам его жизни, если и содержат личные аллюзии, то скорее под влиянием политических событий того времени, чем любви.

Стихотворения Катулла в том виде, в котором они дошли до нас, составляют небольшую книгу из 2 280 строк. Книга стихов. Они расположены не в хронологическом порядке, а скорее по содержанию и стилю. Первые шестьдесят - короткие стихотворения в различных лирических стилях, посвященные любви поэта, его друзьям и врагам, а также жизненному опыту. За ними следуют семь более длинных поэм в подражание александрийским оригиналам, а остальная часть сборника состоит из коротких пьес, все в элегическом стихе. Такое расположение, несомненно, принадлежит какому-то редактору, а не самому Катуллу, но придает книге определенное художественное единство, которого не хватало бы, если бы стихи были расположены в хронологическом порядке. Несколько цитат из Катулла, которые невозможно идентифицировать с отрывками из сохранившихся поэм, встречаются в работах других авторов, но их так мало, что можно предположить, что почти все, что он когда-либо написал, содержится в существующей книге.

В более длинных поэмах Катулл показывает себя непревзойденным мастером языка и стихосложения и искусным подражателем александрийской поэзии, наиболее популярной среди молодых литераторов его времени. Эпиталамии. Первая эпифаламия, или свадебная песня, сочиненная по случаю бракосочетания Манлия Торквата и Винии Арункулеи, написана в лирическом метре из коротких строк. Предполагается, что ее поют, когда невесту провожают в новый дом: первую часть - хор девиц, вторую - юношей. Такие песни были традиционными как у греков, так и у римлян, и в их теме и общей трактовке мало оригинальности, но блестящее стихосложение и очаровательные нежные отрывки делают эту поэму самой привлекательной из всех длинных поэм Катулла. Второй эпиталамий, написанный гекзаметром, очевидно, был сочинен без особого повода. Хор юношей и хор девиц поют ответы, призывая Гименея, бога брака, и описывая с помощью аллюзий переход невесты из девичества в жену. Так, девы сравнивают ее с цветком, выросшим в уединенном саду, а юноши - с виноградной лозой, обвивающей вяз.

Третья из длинных поэм, шестьдесят третья из всего сборника, - единственное существующее латинское стихотворение в трудном и сложном галлиамбическом метре. В ней описывается безумие юноши Аттиса, который калечит себя и отдается в услужение богине Кибеле. Отчаяние Аттиса, когда он оправляется от безумия и тоскует по своей стране, друзьям и былой счастью, изображено с восхитительной силой, а экстатическое поклонение Кибеле - наиболее ярко. Другие длинные поэмы. Самая длинная из всех поэм гекзаметром описывает брак Пелея с морской богиней Фетидой. Это ни в коем случае не лирическая поэма, а эпиллион, или маленький эпос. Она содержит отрывки большой красоты, но не дает возможности проявить особый лирический гений Катулла, и в целом является наименее удачной из его поэм. За ней следует *"Замок Береники"*, перевод одноименной поэмы александрийца Каллимаха. Царица Береника отрезала локон своих волос в соответствии с клятвой, когда ее муж вернулся с войны невредимым. Локон исчез из храма, в котором его принесли в жертву, а астроном Конон обнаружил его как новое созвездие на небе. Предполагается, что локон волос говорит и тоскует по своему прежнему месту на лбу королевы. В предисловии к этой поэме, адресованной оратору Гортензию Горталу, Катулл в прекрасных строках рассказывает о смерти своего брата:

О, неужели твой голос навсегда затих?

О, брат, дороже жизни, неужели я

не увижу тебя никогда? Но я буду

Вечно любить тебя, как в дни минувшие:

И вечно в песнях моих будет звучать плач.

Печальный о смерти твоей, печальный, как в густой тени

Спутанных ветвей мелодия,

Которую напевает странная даульская птица,

О смерти Итиса рыдает она по всей поляне.³⁵

За *"Запиранием Береники"* следует разговор с дверью, который намекает на несколько безнравственных историй. Последнее из длинных стихотворений - элегия на смерть брата поэта, соединенная с восхвалением его друга M'. Allius и его возлюбленной. Эта поэма примечательна тем, что содержит количество отступлений, и в этом, как и в общем тоне, она подражает александрийскому стилю.

Семь только что описанных поэм содержат много прекрасных отрывков, но они показывают нам Катулла главным образом как эрудированного, искусного и успешного подражателя александрийским греческим образцам. Короткие поэмы. Его настоящий гений проявляется в более коротких поэмах, которые посвящены чувствам его собственного сердца. В них он также является подражателем в том, что касается метража, но чувства - его собственные, и он выражает их словами, которые горят. Никакой перевод не в состоянии передать резкие, быстрые удары его инвектив или страстные излияния его любви. Один из его излюбленных стилей - "хендекасиллаб" или одиннадцатисложный стих, который своим быстрым движением помогает создать впечатление большой стремительности мысли и вспышки эмоций. В то же время многочисленные уменьшительно-ласкательные суффиксы придают стиху легкий и изящный, почти игривый тон. Некоторые из строк, направленных против тех, кого Катулл ненавидел или презирал, являются грубыми и непристойными, но это скорее

вина эпохи, чем самого поэта. В целом выражаемые мысли и эмоции варьируются от страстной любви до яростной инвективы, а через многие стихи проходит жилка полусатирической игривости. О некоторых качествах поэзии Катулла можно судить по переводам нескольких коротких стихотворений. Первое из них показывает одновременно его страстную любовь к Лесбии и полусатирический юмор:

Моя Лесбия, давай жить и любить,
И не будем считать, что это стоит выше
Ни одного фартинга, если старые
И седые бороды ругать.
Заходящие и угасающие солнца
Может взойти в другой день.
Когда однажды зажжется наш маленький огонек
Мы должны спать одну бесконечную ночь.

Тысячу поцелуев мне подари, потом
Сто, потом тысячу, когда
Я прошу вас дать еще сотню;
Когда многие тысячи раз
Мы поцелуем, мы смешаем их так, что
Счет потеряем, и никто не будет
Пробудить злую зависть и ненависть.
Зная, что сумма так велика.³⁶

Известное и особенно привлекательное стихотворение - игривое причитание воробья:

Пусть скорбь наполнит царства Любви;
Воскликните, люди внизу и Силы вверху!
Радость моей возлюбленной улетучилась,
Воробей ее сердца мертв.
Воробей, которого она ценила
Так же дорого, как ее собственные яркие глаза.
Как хорошо знает девушка свою мать,
Так знала и милая птичка, моя красавица,
И вечно прыгала, чирикала вокруг,

Далеко от ее коленей не уходила.

Теперь крыльями она летит в тот мрачный путь.

Из которого путники не возвращаются.

Да будешь ты проклят, адское логово!

Пожиратель всего прекрасного,

Самая редкая птица улетела к тебе;

Возьми еще раз мой малисон.

Видишь, как опухли и покраснели от слез,

Глаза моей красавицы, и все в тебе.³⁷

Как и большинство образованных римлян, Катулл питал большую любовь к деревне. Его радость по поводу возвращения в свою загородную резиденцию на полуострове Сирмио составляет тему очаровательной поэмы:

Жемчужина всех перешейков и островов, что лежат,

Дети пресной или соленой воды, в чистом озере

Или в океане; с какой радостью я

Приближаюсь к тебе, Сирмио! О! Проснулся ли я,

Или снится мне, что вновь мой взор созерцает

Тебя, в последний раз взглянув на волды фракийские?

Сладчайшим из сладостей кажется мне это времяпрепровождение,

Когда разум сбрасывает бремя, когда боль

Путешествие прошло, и мы возвращаемся в свою постель,

И ложимся на подушку наших снов!

Одна эта мысль подбадривает нас во время странствий.

Радуйся, о прекрасная Сирмио! Радуйся, твой повелитель здесь!

Радуйтесь и вы, воды Золотого болота!

И зазвучите, все вы, смеющиеся птицы дома!³⁸

О менее значительных поэтах цicerоновского периода говорить не стоит. Их произведения утеряны, кроме разрозненных фрагментов, за исключением нескольких анонимных стихотворений, которые можно отнести к этому периоду. Авторы пантомим, Децим Лаберий и Публилий Сир, уже упоминались (с. 30). Матий, Левий, Суий. Гней Матий, который, по-видимому, относится к этому времени, писал мимиамики в манере Херондаса и других александрийских поэтов - живые воспроизведения сцен обычной жизни - холиамбическим стихом, то есть ямбическим трехстишием, последняя стопа которого - спондей; Левий писал

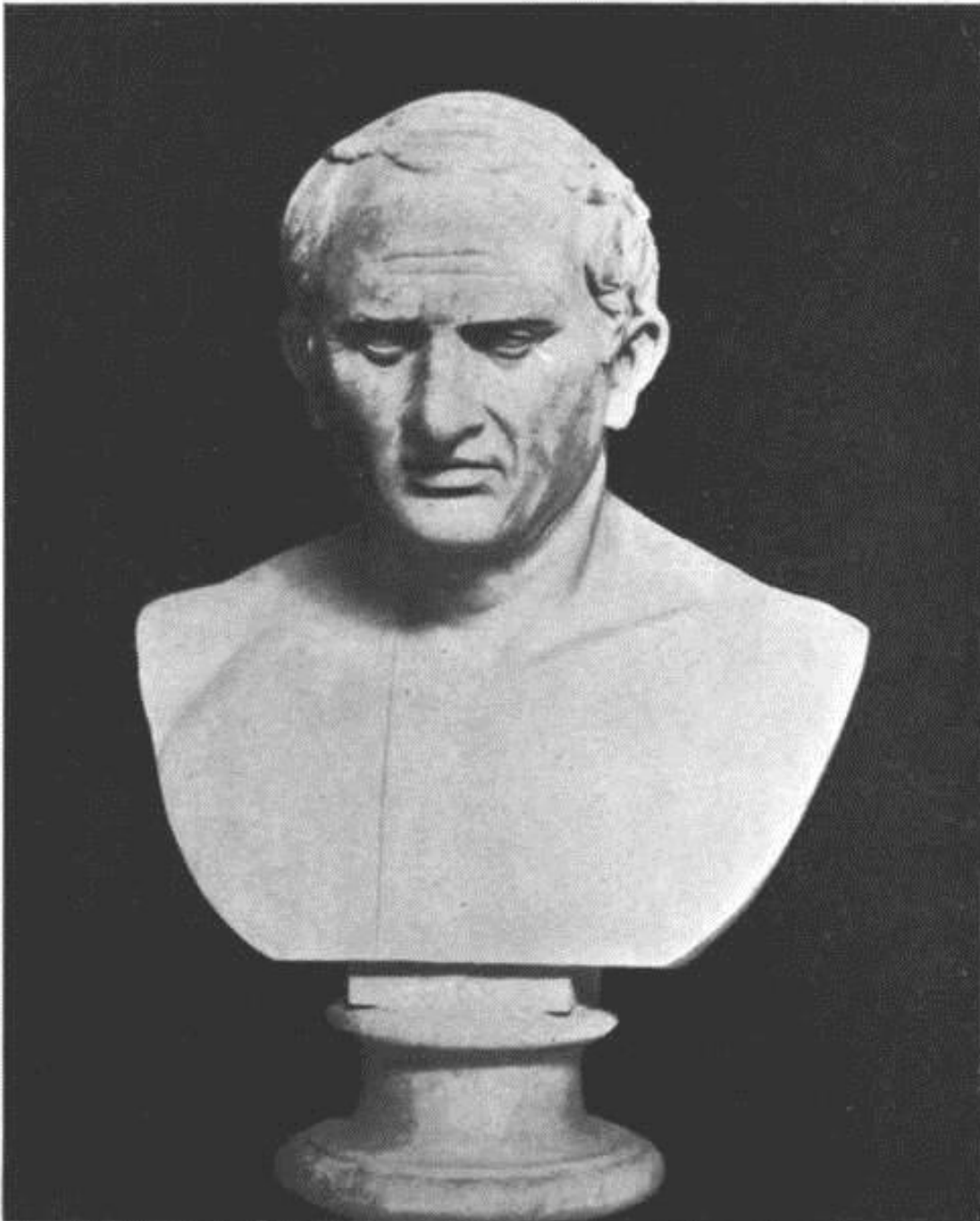
спортивные любовные поэмы (*Erotopægnia*); Суий сочинял идиллии, две из которых, *Moretum* и *Pulli*, известны по имени, кроме того, он написал книгу анналов. Матий также сделал вольный перевод "*Илиады*" Гомера.

Более значимыми в свое время были два друга Катулла, Гай Лициний Кальв и Гай Гельвий Цинна. Кальвус и Цинна. Кальв, живший с 87 по 47 год до н. э., был выдающимся оратором и политиком, который посвящал часы досуга поэзии. Среди его стихов были эпифаламии, элегии, эпиграммы и, по крайней мере, один мифологический эпиллион под названием "*Ио*". Цинна, как и Катулл, был родом из Северной Италии, но о его жизни мало что известно, кроме того, что он вместе с Катуллом был в штате Меммия в Вифинии. Его главной работой была поэма под названием "*Смирна*", которая, хотя и была умеренной по длине, занимала его в течение девяти лет. Ее темой была противоестественная любовь девы Смирны к своему отцу и рождение у них сына Адониса. Поэма была настолько заученной и туманной, что почти непостижимой, и в этом отношении напоминала *Александру* alexandрийского Ликофрона. Восхищение Катулла этим произведением показывает, как высоко ценили молодые римские поэты удачное подражание даже худшим недостаткам своих alexandрийских образцов.

Поэтом, продолжавшим национальные традиции Энния и также подражавшим alexandрийцам, был Публий Теренций Варро, прозванный Варро Атацином. Варро Атацин. Он родился в Атаксе, в Галлии Нарбонской, в 82 году до н. э. Он написал поэму в гекзаметрах о войне Цезаря с секванами и несколько сатир, вероятно, в манере Луцилия. На тридцать пятом году жизни он, как говорят, обратился к изучению греческих поэтов, и, вероятно, около этого времени он перевел на латинский гекзаметры "*Аргонавтики*" alexandрийского эпического поэта Аполлония Родия. Географическая поэма, вероятно, под названием *Chorographia*, и серия элегических стихотворений в alexandрийской манере, вероятно, относятся ко времени после 37 года до н. э. Немногочисленные фрагменты его стихотворений показывают, что он был поэтом более чем обычных дарований.

Валерий Катон. Интеллектуальным лидером школы поэтов, находивших вдохновение в произведениях alexandрийцев, был грамматик и учитель П. Валерий Катон, которого Еврий Бибакул называет "Катон-грамматик, латинская сирена, которая одна читает и создает поэтов". Влияние Катона было направлено на то, чтобы побудить своих последователей тщательно подражать греческим образцам, совершенствовать свой латинский стиль и, вероятно, ввести новые метры в латинскую поэзию. Его собственными трудами были грамматические трактаты, поэмы, а также пересмотр и исправление работ Луцилия. Поэма под названием *Diræ*, , которая содержится в рукописях Вергилия и на самом деле состоит из двух разных поэм, *Diræ* и *Lydia*, с некоторой вероятностью приписывается Катону. В первой поэме писатель проклинает ветерана по имени Ликург, который лишил его имущества и любимой Лидии; во второй он трогательно прощается с Лидией, которая осталась в стране. Другие поэты. Среди других поэтов этого периода можно назвать М. Фурия Бибакула, писавшего сатирические стихи, Гая Меммия, пропретора Вифинии в 57 году до н. э., Тицида, Квинта Корнифиция и Корнелия Непоса - все они принадлежали к новой школе и подражали alexandрийцам. Непоса мы еще встретим среди прозаиков. Другие, чья основная деятельность была связана с другими областями, также иногда писали стихи. Среди них можно упомянуть Цицерона и его брата Квинта.

Имена этих мелких поэтов не имеют для нас большого значения, но стоит упомянуть о них, чтобы обратить внимание на тот факт, что поэзия культивировалась многими молодыми людьми в цicerоновский период. Благодаря их усилиям различные стили и метры греческих поэтов, особенно alexandрийского периода, стали известны римлянам, и таким образом был подготовлен путь для Горация, Вергилия и Овидия в эпоху Августа.

ЦИЦЕРОН.
Бюст в Ватиканском музее, Рим.

ГЛАВА VI

ЦИЦЕРОН

Цицерон, 106-43 гг. до н. э. - Его значение - Его жизнь - Периоды его литературной деятельности - Его произведения - Оратории - Философские труды - Письма - Его характер.

Марк Туллий Цицерон, оратор, государственный деятель и философ, - великий полководец литературного периода, который обозначен его именем. При нем латинская проза достигла небывалых высот и никогда впоследствии не была превзойдена. Значение Цицерона. Более холодные и критические суждения наших северных натур и более позднего возраста могут найти его красноречие слишком пышным, а наши ученые, воспитанные на изучении греческих философов, могут отказать ему в звании оригинального мыслителя, но никто не может не оценить силу его речи, ясность изложения и четкую элегантность дикции. Он сделал латинский язык главным диалектом Италии, речью великого и могущественного города; он сделал его языком мира на многие века.

Написать жизнь Цицерона во всех известных подробностях означало бы написать историю Рима за весь период его юности. Историк литературы должен довольствоваться лишь очерком. Образование и ранние годы. Цицерон родился в Арпинуме, небольшом городке на холмах восточного Лациума, третьего января 106 года до н. э. Этот город был также местом рождения Мариуса, слава которого, несомненно, разжигала воображение юного Цицерона и способствовала росту его честолюбия. Его отец де решил дать ему наилучшее образование и отправил его в Рим, где он был знаком с двумя великими ораторами, М. Антонием и Л. Крассом, а также с престарелым М. Акцием и греческим поэтом Архием. Поскольку юридические знания были необходимой частью образования оратора, он учился у юриста К. Сцевола (стр. 44) и одноименного авгура. Он также уделял внимание философии, занимаясь с эпикурейцем Федром, философом-академиком Филоном, который был учеником Клитомаха, и стоиком Диодотом. Его учителем риторики был Моло из Родоса, также он получал наставления от ритора М. Антония Гнифо и актеров Росия и Исопа. Несколькими выступлениями, особенно защитой Квинкция (81 г. до н. э.) и Росция Америкейского (80 г. до н. э.), он приобрел большую репутацию адвоката; но его здоровье подвело, и в то же время он пожелал усовершенствовать свое образование. Поэтому он покинул Рим и провел два года (79-77 гг. до н. э.) в Греции и Азии. В Афинах он учился у академика Антиоха, эпикурейца Зенона, своего старого учителя Федра и наставника по ораторскому искусству Деметрия. В Азии он познакомился с ярким азиатским стилем красноречия, а на Родосе снова учился у своего бывшего учителя Моло, который прилагал все усилия, чтобы подавить пышность его стиля, поощряемого азиатскими ораторами. На Родосе он также познакомился с известным стоиком Посидонием.

В 77 году до н. э. он вернулся в Рим и продолжил свою ораторскую карьеру. Его политическая карьера. Вскоре после возвращения он женился на Теренции, даме знатного происхождения, с которой прожил тридцать два года. В 75 году до н. э. он начал свою официальную карьеру в качестве квестора Лилибея на Сицилии, должность, которую он занимал с большим успехом. В 69 году он был избран эдилом, а в 66 году до н. э. - претором. В 63 году до н. э. он был избран консулом, а Антоний - его коллегой, и правдиво утверждал, что, хотя он был *novus homo*, человеком, не имевшим семейного влияния или престижа, чтобы помочь ему, он получил каждый из важных государственных постов в самом раннем, допустимом законом возрасте. Заговор Катилины. Во время его правления произошел заговор Катилины, который Цицерон подавил с неумолимой энергией, хотя предполагалось, что ему благоприятствовали некоторые из самых влиятельных людей в Риме, включая Красса и Цезаря. Заговорщики не были приговорены к смерти обычным судебным порядком, но сенат постановил, что консул должен защищать безопасность государства, и Цицерон отдал приказ об их казни. К этому году относятся четыре речи против Катилины.

В 60 году до н. э. был сформирован первый триумвират. Изгнание Цицерона. Триумвиры сочли влияние Цицерона неблагоприятным для своих планов и подговорили его врага, П.

Клодия Пульхера, который был принят в плебейскую семью и избран народным трибуном, предложить законопроект, согласно которому любой, кто предал римского гражданина смерти без надлежащей правовой процедуры, должен быть изгнан. Цицерон, обнаружив, что не может успешно защищаться, удалился из Рима, и было принято решение о его изгнании. Он оставался в изгнании с апреля 58 года до н. э. по август 57 года до н. э., когда был отозван и принят с большими почестями.

В 53 году до н. э. он был избран на место в коллегии авгуров, освободившееся после смерти младшего Красса. Последние годы жизни. В 51 и 50 годах до н. э. Цицерон снова отсутствовал в Риме, будучи проконсулом Киликии. По возвращении он застал Сезара и Помпея в открытом противостоянии. Цицерон никогда не был партийным человеком. Он всегда был искренним патриотом, полным гордости за славное прошлое своей страны и готовым выполнить свой долг, а теперь, когда он не мог не видеть, что обеими партиями управляют скорее корыстные амбиции, чем бескорыстный патриотизм, ему было трудно примыкать к какой-либо из них. После некоторых колебаний он присоединился к партии Помпея и сенату и в 49 году до н. э. последовал за Помпеем в Эпир, но не присутствовал в битве при Фарсале. После поражения Помпея он ждал в Брундизии, пока Цезарь не разрешил ему вернуться в Рим в 47 году до н. э. Здесь он жил в отставке, посвятив себя литературным занятиям. В 46 году до н. э. он развелся со своей женой Теренцией и женился на своей юной подопечной Публилии, с которой расстался в следующем году. 45 год до н. э. был опечален смертью его единственной дочери Туллии. Смерть Цезаря в 44 году до н. э. на короткое время вернула Цицерона к общественной жизни, но он, похоже, покинул город в апреле и провел несколько месяцев на своих виллах. В июле он решил посетить Афины, где учился его сын, но, добравшись до Сицилии, узнал, что он нужен в Риме, отказался от своего плана и вернулся в столицу. Здесь он принял участие в оппозиции Антонию, против которого произнес четырнадцать ораций, известных как "*Филиппики*". Когда триумвиры примирились друг с другом, Цицерон был включен Антонием в число тех, чья смерть он требовал. Его смерть. Переехав сначала в Тускулум, а затем в Формию, он сел на корабль в Каэте, но вернулся на сушу, решив умереть в родной стране. На пути между виллой и морем его настигла группа солдат Антония и убила, седьмого декабря 43 года до н. э. Его голова и руки были отрублены и выставлены на ростре на римском форуме.

Периоды литературной деятельности Цицерона. Ораторская и литературная деятельность Цицерона естественным образом делится на четыре хронологических периода: ранние годы, до начала его карьеры политического оратора (81-66 гг. до н. э.); период его наибольшего могущества, продолжавшийся до самого изгнания (66-59 гг. до н. э.); от возвращения из изгнания до отъезда в Киликию (57-51 гг. до н. э.); и от возвращения из Киликии до смерти (50-43 гг. до н. э.).

К первому периоду относятся несколько речей, произнесенных в различных судебных процессах, наиболее примечательными из которых являются семь ораций по иску против Верреса (70 г. до н. э.) за вымогательство и неправильное управление Сицилией. По убедительной просьбе сицилийцев Цицерон взял на себя обвинение. Первый период. Первая речь, *Divinatio in Cæcilium*, была произнесена для того, чтобы определить, кто должен вести обвинение - Цицерон или К. Цецилий Нигер, который был квестором при Верресе в Сицилии. Первая же речь обвинителя решила исход дела. Цицерон подготовил все доказательства и созвал свидетелей, и вместо того, чтобы дать защите возможность оттянуть время, в самом начале, после простого вступления, представил свои ошеломляющие доказательства. Гортензий, защитник Верреса, отказался от защиты, выслушав доказательства, и Веррес был изгнан. Пять оставшихся ораций, названных "*Секундной*

акцией *Веррема*" (*Actio Secunda in Verrem*), были опубликованы Цицероном, чтобы факты стали известны всем, но никогда не произносились в суде. Они свидетельствуют не только о том, что Цицерон в это время был непревзойденным мастером красноречия, но и о том, что его усердие в сборе и подготовке материала было поразительным. Помимо речей, Цицерон написал в этот период несколько переводов с греческого, которые были утеряны, а также руководство по ораторскому искусству, *De Inventione*, в двух книгах. Эта работа была написана, когда автору было всего двадцать лет, и основана на трактате, адресованном Гереннию (стр. 45). В нем Цицерон рассматривает различные виды ораторского искусства и их применение. Это произведение значительно уступает его более поздним риторическим сочинениям.

Второй период открывается превосходной орацией "*За Манилийский закон*" или "*De Imperio Gnaei Pompei*" (66 г. до н. э.), в которой Цицерон выступает за назначение Помпея с чрезвычайными полномочиями для ведения войны против Митридата. Второй период. Четыре блестящие и пылкие речи "*Против Катилины*" относятся к году консульства Цицерона, 63 году до н. э. К этому же году относится остроумная и умелая речь "*За Мурену*", в которой Цицерон защищает Мурену от обвинения во взяточничестве. Восхитительная речь "*За поэта Архия*" была произнесена в 62 году до н. э. в поддержку притязаний поэта на римское гражданство. В течение всего этого периода время и энергия Цицерона были настолько заняты государственными делами и исками, в которых он участвовал, что у него почти не оставалось свободного времени для чисто литературных произведений. Однако в 60 году до н. э., когда вокруг него сгустились неприятности, приведшие к изгнанию, он сделал метрическую версию астрономических стихов Аратуса, часть которых сохранилась в его более поздней работе "*О природе богов*", и написал поэму в трех книгах "*О своем консульстве*", которая утрачена.

Третий период. Речи третьего периода были произнесены по большей части в частных случаях, хотя одна из них, "*О консульских провинциях*" (56 г. до н. э.), призывающая сохранить за Сезарем проконсульство в Галлии и отозвать Габиния и Пизона из Сирии и Македонии, является политической, а политические соображения занимают важное место в нескольких других. В 55 году до н. э. был написан диалог "*Об ораторе*" (*De Oratore*), в котором два великих оратора поколения до Цицерона, Луций Красс и Марк Антоний, обсуждают надлежащие качества оратора. Предполагается, что диалог произошел незадолго до смерти Красса (91 год до н. э.). Второстепенные роли исполняют некоторые из молодых государственных деятелей того времени, а в начале появляется учитель Цицерона, авгур Сцевола. Это одна из самых привлекательных работ Цицерона. Технические дискуссии оживляются анекдотами и разговорами, а весь диалог обладает изяществом и живостью, которые нечасто встречаются в латинской прозе. Диалог "*О государстве*" (*De Re Publica*) в шести книгах был опубликован до 51 года до н. э. Только около трети его сохранилось во фрагментарном состоянии, и на протяжении многих веков вся работа была утрачена, за исключением "*Сна Сципиона*" (*Somnium Scipionis*) из шестой книги. За обсуждением государства на сайте последовал диалог "*О законах*" (*De Legibus*), который был начат, по-видимому, в 52 году до н. э., но так и не был закончен. В этот период Цицерон обращает свое внимание на технические работы по риторике, а также на философию.

Последний период был для Цицерона по большей части временем спокойной литературной работы. Четвертый период. Только после смерти Цезаря он вернулся к общественной жизни. В 46 году до н. э. он благодарит Цезаря в оратории "*За Марцелла*" за то, что тот позволил Марцеллу, который был консулом в 51 году до н. э. вернуться в Рим; позже в том же году он

выступил в защиту Квинта Лигария в речи "*За Лигария*", а в 45 году до н. э. - за Дейотара, тетрарха Галисии, обвиненного в предательстве Сезара ("*За царя Дейотара*"), но это единственные речи этого периода, за исключением четырнадцати *филиппик*, направленных против Антония, все они относятся к короткому периоду между вторым сентября 44 года до н. э., и двадцать вторым апреля 43 года до н. э. В них Цицерон демонстрирует свою прежнюю энергию и огонь, но не совсем прежнюю силу. Название "*Филиппики*" было дано этим речам почти с самого начала, и фактически было санкционировано самим Цицероном, который приветствовал параллель между собой, возбуждающим и поощряющим римлян против Антония, и Демосфеном, призывающим афинян выступить против Филиппа. Но эти оратории были делом нескольких месяцев; большая часть лет после 50 года до н. э. была занята другими делами. Риторические и философские произведения. В течение трех лет 46-44 гг. до н.э. появились риторические сочинения "*Брут, оратор*", "*Разделы ораторского искусства*", сочинение "*О лучшем роде ораторов*", а также длинный ряд философских диалогов и трактатов, наиболее важными из которых являются "*De Finibus Bonorum et Malorum*", обсуждение различных теорий относительно высшего блага, в пяти книгах; "*Академики*", две книги которого сохранились; "*Тускуланские диспуты*" в пяти книгах, в которых рассматриваются главные условия счастья; трактат "*О природе богов*" в трех книгах; три книги "*Об обязанностях*" (*De Officiis*); к ним следует добавить, благодаря красоте стиля и чувств, "*Катон Майор*" (*О старости*) и "*Лелий*" (*О дружбе*).

Сохранившиеся произведения Цицерона включают пятьдесят семь ораций и фрагменты еще двадцати, семь риторических трактатов, тринадцать философских трактатов, в том числе "*О государстве*" и "*О законах*", и около восьмисот шестидесяти писем, среди которых девяносто, адресованных ему его корреспондентами. Среди утраченных произведений - несколько исторических трудов и несколько переводов с греческого.

Главным стремлением Цицерона было стать великим оратором, и он не жалел сил для достижения своей цели. Богато одаренный от природы, он не собирался использовать свои природные дары без тщательной культивации. Цицерон как оратор. Он изучал ораторов прежних времен, особенно великих мастеров греческого красноречия, сделал множество переводов с греческого для совершенствования своего стиля и был прилежным учеником риторических теорий. Его представление о достойных качествах оратора было высоким и благородным. В эссе *De Oratore* он заставляет Красса сказать:

Итак, если кто пожелает определить и охватить надлежащую силу оратора во всем ее объеме, тот будет, по моему мнению, оратором, достойным этого великого имени, который может говорить мудро, упорядоченно и отточенно, по памяти и даже с некоторым достоинством действия, по любому возникающему вопросу, требующему изложения в речи.³⁹

И еще:

Я утверждаю, что благодаря умеренности и мудрости совершенного оратора сохраняется не только его собственное достоинство, но и благополучие очень многих людей и всего содружества.⁴⁰

Короче говоря, оратор, по мнению Цицерона, должен быть не только великим и опытным оратором, но и человеком с разнообразной образованностью, и в то же время человеком с высочайшим характером. Таков был идеал, который он поставил перед собой и к которому стремился всю свою жизнь. Конечно, это был не низкий идеал, и человек, стремившийся к нему, не был персонажем, которого можно презирать.

Ораторский стиль Цицерона всегда аккуратен и закончен, но далек от той монотонной плавности, которую учеба часто придает речи тех, кто от природы не является одаренным оратором. Ораторский стиль. В повествовательных частях своих речей он ясен, прям и понятен; в аргументации он логичен, язвителен и полон силы; в обращении к чувствам слушателей он ярок, быстр и силен, иногда, в соответствии с требованиями случая, яростен или патетичен. Ирония. Продуманная периодическая структура его предложений разнообразна множеством коротких вопросов или восклицаний, а привычное достоинство его речи смягчается и оживляется частыми штрихами остроумия, юмора и иронии. Так, защищая Квинта Лигария, служившего в сенаторской армии в Африке, хотя он знал, что Цезарь, перед которым рассматривалось дело, прекрасно знаком с фактами, он начал свою речь следующим образом:

Новое обвинение, Гай Цезарь, о котором до сих пор никто не слышал, предъявил тебе мой родственник, Квинт Туберо: Квинт Лигарий был в Африке, а Гай Панса, человек с прекрасным характером, полагаясь, возможно, на свою дружбу с тобой, осмелился признаться, что это правда. Поэтому я не знаю, куда обратиться. Ведь я пришел готовым, поскольку ты не мог знать этого сам и не мог услышать ни от кого другого, воспользоваться твоим невежеством для спасения несчастного".⁴¹

После этого ироничного вступления, призванного выставить оппонентов в смешном свете, Цицерон взывает к известному милосердию Цезаря, прежде чем приступить к аргументации.

В своей собственной политической жизни Цицерон постоянно демонстрировал свое почтение к достоинству римского народа, установленным формам правления, традициям и великим деяниям прежних времен Рима. Патриотическое чувство. Это же чувство прослеживается почти во всех его орациях. Ссылки на римский народ, величие римского народа, Римскую империю, достоинство сената, обычаи или институты предков встречаются почти на каждой странице. Орация "*О манильском законе*" - это не просто панегирик Помпею и аргумент в пользу наделения его новыми и большими полномочиями, но одновременно и хвалебный гимн славе Римской республики и добродетелям древних людей:

Наши предки часто вступали в войны из-за того, что с нашими купцами или судовладельцами обращались несколько несправедливо; каковы же должны быть ваши чувства, когда столько тысяч римских граждан были истреблены одним указом и в одно время? За то, что наши посланники вели себя слишком надменно, вашим отцам было угодно, чтобы Коринф, свет всей Греции, был уничтожен; неужели вы оставите безнаказанным того царя, который убил бывшего консула и посланника римского народа, подвергнув его заключению, бичеванию и всевозможным пыткам? Они не терпели, когда ограничивали свободу римских граждан; неужели вы будете небрежны, когда отнимают их жизнь? Они следили за словесным нарушением права посольств; неужели вы оставите дело посла, убитого со всеми мучениями? Будьте начеку, чтобы, подобно тому как им было почетно передать вам столь великую и славную империю, вам не было позорно не охранять и не беречь то, что вы получили".⁴²

Здесь оратор стремится побудить своих слушателей к сохранению достоинства и славы республики, величие которой доносят до их сознания ссылки на деяния их предков. Этот отрывок также является хорошим примером эффективного использования повторяющихся контрастов.

В речи *"За Манилийский закон"* Цицерон обращается к собравшемуся римскому народу по политическому вопросу, имеющему непосредственное и огромное значение. Его тон возвышен и серьезен, его красноречие волнует и вдохновляет. Те же качества можно найти во всех политических орациях, а также во многих частных речах, произнесенных по делам, касающимся жизни обвиняемого или характера самого Цицерона. Более мягкий и изящный стиль. В речах, посвященных менее срочным вопросам, тон более мягкий, а эффект более изящный. Цитаты из поэтов многочисленны, а ритмическая структура предложений более выражена, чем в волнующих и возбужденных пассажах политических агиток. Оратория *"К поэту Архию"* - лучший пример менее волнующего и более изящного ораторского искусства Цицерона. Установив с помощью краткого заявления, что Архий имеет право на гражданство, Цицерон посвящает оставшуюся часть своей речи восхвалению литературных занятий:

Эти занятия питают молодость, радуют старость, украшают благосостояние, служат прибежищем и утешением в невзгодах, радуют нас дома, не являются помехой за границей, проводят с нами ночи, находятся с нами в наших заграничных путешествиях и в наших загородных резиденциях".⁴³

В этой оратории Цицерон предстает как литератор, чьи литературные интересы не ограничивались карьерой политика или оратора, и который, несмотря на политические успехи и разочарования, добился большей славы как автор, чем любой другой автор латинской прозы.

Немногие отрывки в орациях Цицерона более поразительны и характерны, чем те, в которых он обращается напрямую либо к противной стороне в деле, либо к своему защитнику. Прямое обращение. В этих отрывках, длина которых варьируется от краткого восклицания до развернутой инвективы, жгучие слова выстреливают с быстрой и страстной непосредственностью. Один из самых длинных отрывков такого рода, в котором дополнительную силу словам придает предположение, что их произносит собственный отец преступника, выглядит следующим образом:

Здесь вы даже осмелитесь сказать: "Среди судей тот - мой друг, этот - друг моего отца". Разве каждый человек, чем теснее он связан с вами, не стыдится вас за то, что вы подвергаетесь подобному обвинению? Он друг вашего отца. Если бы сам ваш отец был судьей, что, во имя бессмертных богов, вы могли бы сделать, когда он сказал вам: "Ты, претор римского народа в одной из провинций, когда тебе пришлось вести морскую войну, на три года отстранил мамертинцев от поставки корабля, который они обязаны были поставлять по договору; для твоего личного пользования за государственный счет теми же мамертинцами был построен грузовой корабль самых больших размеров; Вы вымогали деньги у городов под предлогом флота; вы увольняли гребцов за взятки; вы, когда пиратское судно было захвачено квестором и лейтенантом, удаляли предводителя пиратов со всех глаз; ты мог подставить под топор старосты людей, которые считались римскими гражданами и которых многие знали как таковых; ты осмеливался брать пиратов к себе домой и приводить пиратского капитана в суд из своего жилища; ты в этой великолепной провинции, на виду у наших самых верных союзников, у самых почтенных римских граждан, по несколько дней вместе лежал на берегу на праздничных банкетах в то время, когда провинция была в страхе и опасности; в эти дни никто не мог застать тебя в твоём доме, никто не мог увидеть тебя на форуме; ты приводил на эти банкеты жен союзников и друзей; Среди женщин этого рода ты поместил своего юного сына, моего внука, чтобы жизнь его отца дала ему пример порочности в возрасте, который особенно непостоянен и лишен твердых принципов; тебя, претора, видели в провинции в тунике и пурпурном плаще; ты, ради удовлетворения своей страсти и похоти, отнял

командование кораблями у лейтенанта римского народа и отдал его сиракузянину; твои солдаты в провинции Сицилия испытывали недостаток в пище и зерне; из-за твоей роскоши и скупости флот римского народа был захвачен и сожжен пиратами; Во время твоего правления пираты заходили на своих кораблях в ту гавань, в которую со времен основания Сиракуз не заходил ни один враг; И эти свои бесчестия, столь многочисленные и великие, ты не позаботился скрыть ни утаиванием со своей стороны, ни тем, что заставил людей забыть их и молчать о них, но ты без всякой причины вырывал на смерть и мучил даже капитанов кораблей из объятий их родителей, твоих собственных друзей, и при виде горя и слез этих родителей никакое воспоминание обо мне не смягчало тебя; для тебя кровь невинных людей была не только удовольствием, но даже источником прибыли." Если бы ваш отец сказал вам такое, смогли бы вы попросить у него прощения? Смогли бы вы упросить его простить вас?⁴⁴

Эти несколько примеров, возможно, не самых ярких, которые можно найти в огромном количестве его ораций, могут дать некоторое представление о разнообразии ораторского искусства Цицерона. В годы его молодости римские ораторы разделились на две партии по вопросу о стиле; старшие, главным из которых был Гортензий, предпочитали азиатский стиль с его богатством риторических украшений, а младшие, аттики, как они себя называли, стремились к предельной простоте, беря за образец Лисия. Цицерон считал, что лучше всего выбрать средний путь. Его природная склонность была склонна к изобилию, но он сдерживал ее тщательным изучением. Он не избегает риторических украшений, но редко использует их в избытке. Подобно Демосфену, которого он считал величайшим из греческих ораторов, он варьирует свой стиль в зависимости от случая, и, как и он, выступает как величайший оратор своей нации.

Философские работы. В своих философских трудах Цицерон стремился быть полезным для своих сограждан, знакомя их с результатами греческой спекулятивной мысли. Как он сам говорит:

Когда я долго искал и размышлял, какими средствами я мог бы быть полезен как можно большему числу людей, чтобы никогда не переставать заботиться о благополучии республики, мне не пришло в голову ничего лучшего, чем сделать доступными для моих сограждан пути благороднейшей учености.⁴⁵

С этой целью он написал свои трактаты, большей частью в форме диалога, по образцу Платона, в которых изложил доктрины греческих философов по наиболее важным вопросам, таким как главная цель жизни, средства достижения счастья, долг, природа богов и т. п., делая главный упор на то, что он считал истинным и правильным. Он не претендует на большую оригинальность мысли, но лишь на независимость суждений. В целом он считает себя учеником академической школы, которая не претендовала на установление абсолютной истины, а лишь показывала, что наиболее вероятно. Однако он пользуется трудами стоиков и даже эпикурейских философов, когда они выражают взгляды, согласующиеся с его собственными, а также когда хочет опровергнуть их учения. Он не вполне последователен во всех своих сочинениях, но его высокое нравственное чувство, вера в божественное управление миром и надежда на бессмертие являются основой его философии. Его стиль в этих работах, как и подобает его предмету, величественный и спокойный, но оживленный случайными перерывами, характерными для диалогической формы.

Значение философских трудов Цицерона. Для профессионального студента, изучающего античную философию, эти трактаты имеют огромное значение, главным образом из-за информации, которую они содержат относительно трудов и доктрин греческих философов, чьи работы были утеряны; для изучающего литературу они представляют собой восхитительные примеры научных работ в популярной форме, со всем очарованием изысканного литературного мастерства; а их влияние на последующие эпохи было настолько велико, что никто, кто интересуется прогрессом человеческой мысли, не может ими пренебречь. Святой Августин и многие другие писатели ранней христианской церкви признают свой долг перед ними; они являются основой спекулятивной мысли средних веков; и в значительной степени благодаря их влиянию латинский язык почти до наших дней остается великим средством выражения философских и научных спекуляций. Цицерон сделал "пути благороднейшего обучения" доступными не только для своих римских сограждан, но и для бесчисленных поколений людей всех стран. Его благородная цель была выполнена более грандиозно, чем он когда-либо надеялся или мечтал. Пусть кто хочет, обвиняет его в мелкотемье и поверхностности, человечество обязано ему неизмеримой благодарностью.

Ораторские речи Цицерона служили образцами для многих поколений ораторов, его риторические трактаты можно считать основой почти всех позднейших теорий стиля, его философские труды оказали влияние, пронизывавшее мысль веков. Письма Цицерона. Осталось рассказать о его письмах. Это в некотором смысле самые интересные из его произведений, потому что они показывают чувства человека, как он раскрывал их своим близким друзьям, знакомят нас с личными отношениями между выдающимися римлянами того времени и проливают много лучей света на темные страницы современной истории. Первое из сохранившихся писем датируется 68 годом до н. э., последнее - 28 июля 43 года до н. э. Сборник был составлен друзьями Цицерона и отредактирован, вероятно, его вольноотпущенником Тиро, а также издателем и самым близким другом Аттиком. Они делятся на четыре группы: шестнадцать книг, адресованных различным лицам (*Ad Familiares*), три книги брату Цицерона Квинту (*Ad Quintum Fratrem*), шестнадцать книг Аттику (*Ad Atticum*) и две книги Бруту (*Ad Brutum*). Первоначально было девять книг писем к Бруту, но сохранились только восьмая и девятая.

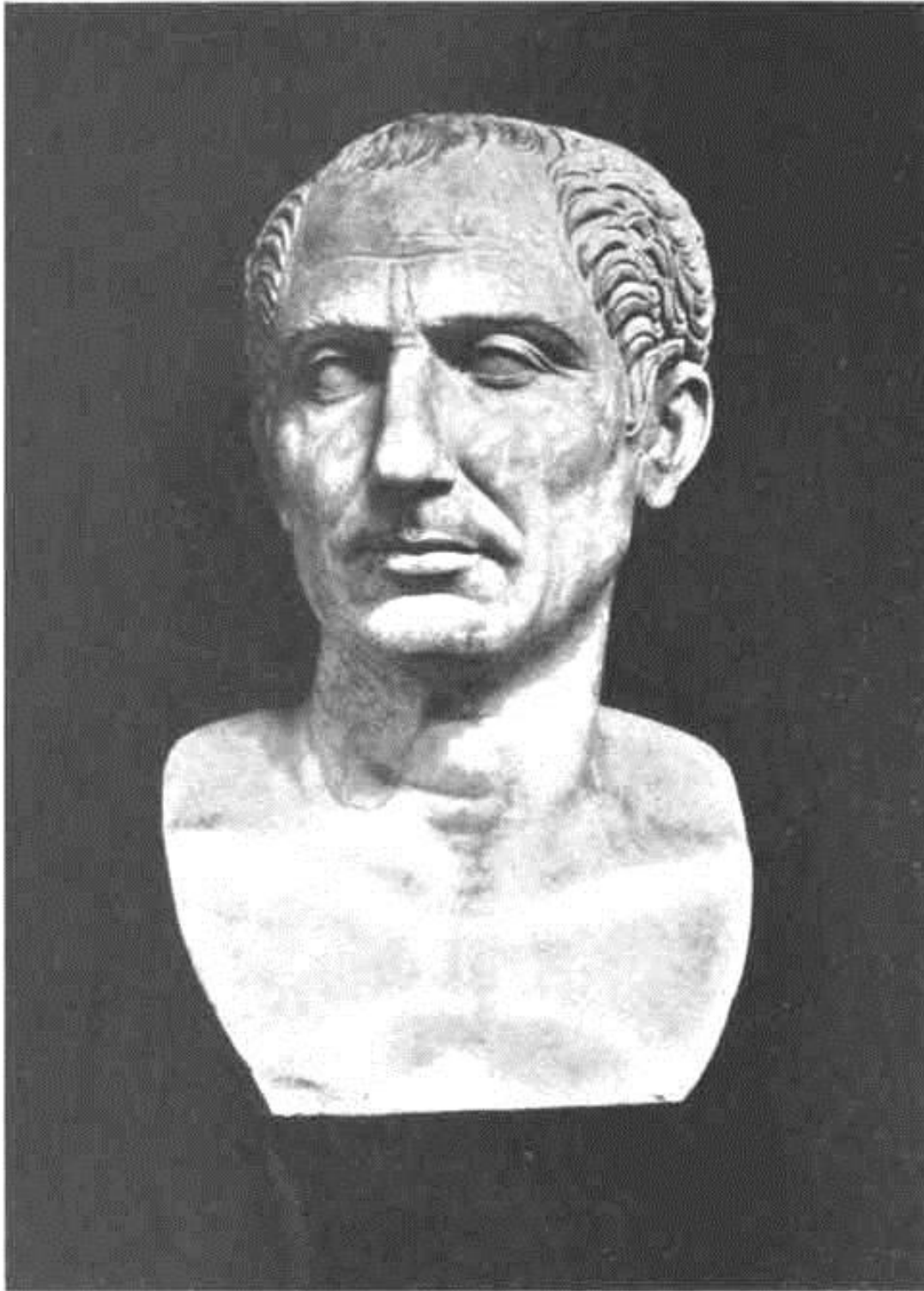
Письма сильно различаются по важности, длине и интересу. Одни из них - просто приветствия или краткие вступления, другие - тщательно продуманные трактаты; одни - выражение самых сокровенных чувств Цицерона его близким друзьям, другие - деловые заметки или случайные письма к людям, с которыми он был менее знаком; одни адресованы великим лидерам политических партий, другие - сравнительно малоизвестным личностям; одни - на литературные темы, другие - о частных делах, третьи - о вопросах, относящихся к мировой истории. Разнообразие содержания. Стиль и язык варьируются в зависимости от содержания писем, но в целом они менее тщательны, чем в других сочинениях Цицерона. Язык, очевидно, скорее обыденный, чем литературный. В письмах, написанных во время изгнания, Цицерон проявляет нечеловеческое уныние и раздражается жалостливыми причитаниями, так же как во многих своих орациях он проявляет огромное тщеславие и превозносит собственную храбрость и патриотизм в связи с заговором катилинов; Но эти письма - конфиденциальные высказывания сиюминутных чувств, а не сознательное выражение характера человека, и мы не должны забывать, что Цицерон был итальянцем, человеком легко возбудимых эмоций, чье тщеславие могло переполниться или чье горе могло вырваться наружу без ущерба для его настоящей серьезности или стойкости. Одно из самых коротких писем к Аттику - следующее, написанное из Турия в апреле 58 года до н. э., вскоре после начала изгнания Цицерона:

Теренция часто и горячо благодарит тебя. Для меня это большое утешение. Я самый несчастный человек на свете, и меня изнуряет самая острая печаль. Я не знаю, что тебе написать. Ведь если вы в Риме, то мне уже поздно до вас добираться; а если вы в дороге, то мы вместе обсудим все, что нужно, когда вы меня догоните. Все, о чем я прошу тебя, - это сохранить прежнюю привязанность ко мне, ведь ты всегда любил только меня. Ибо я все тот же человек; мои враги забрали то, что принадлежало мне, но не забрали меня самого. Береги свое здоровье.[46](#)

В письме к Марку Терентию Варро, написанном в 46 году до н. э., среди бед гражданской войны, Цицерон утешается литературой:

Из твоего письма, которое мне прочитал Аттикус, я узнал, что ты делаешь и где находишься; но когда мы могли тебя увидеть, я не мог получить из письма никакого представления. Однако я начинаю надеяться, что ваш приезд не за горами. Как бы мне хотелось, чтобы это хоть как-то утешило меня! Но дело в том, что меня одолевают столь многочисленные и столь серьезные тревоги, что никто, кроме самого отъявленного глупца, не может рассчитывать на какое-либо облегчение; и все же, в конце концов, возможно, вы сможете оказать мне какую-то помощь, или я вам. Ибо позвольте мне сказать, что с тех пор, как я приехал в город, я примирился со своими старыми друзьями - то есть с моими книгами; хотя на самом деле я отказался от их общества не потому, что рассорился с ними, а потому, что мне было наполовину стыдно смотреть им в лицо. Ибо, погружаясь в водоворот гражданских распрей с союзниками, которым я доверял по самым худшим причинам, я думал, что не проявил должного уважения к их наставлениям. Они прощают меня; они напоминают мне о нашей старой близости, и вы, говорят они, были мудрее меня, так как никогда не покидали ее. Поэтому, поскольку я нахожу их примиренными, мне кажется, что, увидев вас, я должен надеяться, что легко переживу и то, что тяготит меня сейчас, и то, что грозит. Поэтому в твоём обществе, выберешь ли ты его на своей тускуланской или куманской вилле или, что мне меньше всего нравится, в Риме, лишь бы мы были вместе, я непременно постараюсь, чтобы мы оба считали это место самым приятным из всех возможных".[47](#)

Письма Цицерона дают нам более полное представление о его личном характере, чем можно было бы получить из других его сочинений. Характер Цицерона. Он был верным и любящим другом, приятным собеседником, хорошим мужем и отцом, а также преданным патриотом. В своей политической карьере он проявил недостаток той проницательности, которая позволяет великому государственному деятелю предвидеть неизбежные перемены, и поэтому он стремился сохранить старую систему правления в то время, когда ее полезность уже ушла. Он не мог проникнуться симпатией к Помпею и его партии, а тем более к революционной политике Сезара. Результатом стали нерешительность и кажущееся непостоянство, но его нерешительность была не столько слабостью, сколько неспособностью выбрать между тем, что он должен был рассматривать как два зла. Когда он ясно видел перед собой свой долг, как в год своего консульства, он не дрогнул, и снова, когда Антоний выступил с оружием в руках против государства, он смело выступил как защитник республики. Мужество и твердость он проявил и тогда, когда в 50 году до н. э., после бегства Помпея из Италии, подверг себя недовольству Сезара, отказавшись приехать в Рим иначе как в качестве ярого приверженца Помпея.[48](#) Во всех жизненных отношениях он был благороден и совестлив, а в области литературы стоит в ряду великих людей мира.

ЦЕЗАРЬ.
Бюст в музее Неаполя.

ГЛАВА VII

ЦЕЗАРЬ - САЛЛЮСТИЙ - ДРУГИЕ ПРОЗАИКИ

Цезарь, 102(?)–44 г. до н. э. – Гиртий, ?–43 г. до н. э. – Оппий, умер после 44 г. до н. э. – Продолжения комментариев Цезаря – Саллюст, 86–35 г. до н. э. – Корнелий Непос, до 100 г. до н. э. до после 30 г. до н. э. – Варро, 116–27 г. до н. э. – Атик, 109–32 г. до н. э. – Гортензий, 114–50 г. до н. э. – Калидий, умер в 47 г. до н. э. – Кальв, 87–47 г. до н. э. – Брут, 78 (?)–42 г. до н. э. – Корнифиций, ?–41 г. до н. э. – Квинт Цицерон, 102–43 г. до н. э. – Тиро-Нигидий Фигул, умер в 45 г. до н. э. – Аврелий Опилий-Антоний Гнифо-Помпилий Андроник-Сантра-Сервий Сульпиций Руф.

То, что было сказано о Цицероне, с не меньшей силой относится и к Сезарю – история его жизни относится скорее к истории Рима, чем к литературе. Поэтому мы должны довольствоваться кратким очерком.

Гай Юлий Цезарь родился, согласно общепринятому мнению, в 100 году до н. э., но реальная дата, вероятно, на два года раньше. Ранняя жизнь Цезаря. Он был патрицием по происхождению, и его семья претендовала на происхождение от Аскания, или Иулуса, сына Инея. Марий, его дядя по браку, сделал его жрецом Юпитера в возрасте не более пятнадцати лет. Еще будучи совсем мальчиком, он женился на Корнелии, дочери Цинны, и едва избежал проскрипций Суллы, когда отказался развестись с ней. Таким образом, молодой Сезар, несмотря на свое патрицианское происхождение, был причислен к народной партии. В 67 году до н. э. он был квестором в Дальней Испании, в 65 году до н. э. стал курулом, на этом посту он отличился великолепием своих публичных игр и выставок, а в 63 году до н. э. был избран *pontifex maximus*, тем самым став на всю жизнь официальным главой римской религии.

В 62 году до н. э. он был избран претором, а в следующем году был отправлен в качестве пропретора в Дальнюю Испанию. Его правление в Испании. До этого времени он был известен в основном как беспутный человек и беспринципный демагог. Из-за своей экстравагантности он влез в долги на сумму более миллиона долларов. Но в управлении своей провинцией он отличился военными успехами и отличным гражданским управлением, а также накопил достаточно богатства, чтобы расплатиться с долгами.

Первый триумвират. В 60 году до н. э. он вернулся в Рим и вскоре заключил с Помпеем и Крассом соглашение, известное как первый триумвират, по которому он получил консульский титул в 59 году до н. э. и управление Галлией на последующие пять лет. Чтобы укрепить союз, он выдал свою юную и прекрасную дочь Юлию замуж за Помпея. В 56 году до н. э. он встретился с Помпеем и Крассом в Лукке в присутствии большого количества сенаторов и их сторонников, и было заключено соглашение о том, что Сезар будет продолжать владеть провинцией Галлия до 49 года до н. э., а Помпей и Красс станут консулами в 55 году до н. э., после чего Сирия и Испания будут отданы Крассу и Помпею соответственно на пять лет. Соглашение было должным образом выполнено, и в 54 году до н. э. Красс отправился в Сирию, где погиб после битвы при Каррахе в 53 году до н. э. В том же году умерла жена Помпея, Юлия. Помпей не поехал в Испанию, чтобы завладеть своей провинцией, а остался в Риме и вскоре стал открыто враждовать с Цезарем. Когда галльская война закончилась, сенаторская партия во главе с Помпеем потребовала от Цезаря распустить армию. Началась гражданская война. Он отказался это сделать, если Помпей также не откажется от своего военного командования. После этого началась гражданская война, Цезарь перешел Рубикон, границу своей провинции, а Помпей бежал в Грецию, где в 48 году до н. э. потерпел поражение при Фарсале, затем в Египет, где был убит. В 46 году до н.

э. сенаторская партия была окончательно разбита в битве при Фапсе в Африке, а их лидер Катон покончил жизнь самоубийством в Утике.

Теперь Цезарь вернулся в Рим, где стал *императором* и вечным диктатором, объединив таким образом в одном лице всю политическую власть государства. Отныне формы республиканского правления были лишь тонкой маской, скрывавшей настоящую монархию. Диктатура и смерть Цезаря. За короткий период своей власти Цезарь провел реформу календаря и множество важных изменений, направленных на улучшение государственного устройства, но ничто не могло утихомирить ненависть тех, кто желал восстановить власть сената, какими бы ни были его злоупотребления. В мартовские иды (15 марта) 44 года до н. э. он был убит в здании сената группой заговорщиков во главе с Брутом.

Сохранившиеся сочинения Цезаря - это семь книг *комментариев* к Галльской войне, охватывающих 58-52 годы до н. э., и три книги *комментариев* к Гражданской войне, охватывающих 49-48 годы до н. э. Сочинения Цезаря. Он также написал несколько стихотворений, книгу "О звездах", две книги "Против Катона" и несколько грамматических или риторических эссе, все из которых утеряны, как и его ораторские речи, которыми очень восхищались. В древности существовали сборники его писем, но они также были утеряны, и единственными сохранившимися письмами Цезаря являются несколько, сохранившихся в переписке Цицерона. Несомненно, Цезарь намеревался опубликовать комментарии о годах между 52 и 49 до н. э., а также о своих войнах в Египте и других местах, но не осуществил своего намерения.

Комментарии Цезаря к Галльской войне были написаны, по-видимому, в 51 году до н. э., когда он все еще был в хороших отношениях с Помпеем. Энергии этого бледного, стройного, хрупкого человека хватило не только на то, чтобы сделать его покорителем воинственных племен севера, а затем и обученных армий республики, но и на то, чтобы он занял видное место среди великих описателей и писателей мира. *Комментарии* были написаны быстро,⁴⁹ с двойной целью - показать, что сделал Цезарь для увеличения славы и могущества Рима, и доказать своим недоброжелателям, что завоевание Галлии не было актом неспровоцированной агрессии, а было вынуждено обстоятельствами. Изложенные факты взяты, по всей вероятности, из официальных армейских отчетов, дополненных воспоминаниями самого Цезаря и, возможно, его личными дневниками. В отличие от прозрачного тщеславия, которое заставляло Цицерона превозносить собственные заслуги по любому поводу, Цезарь держит свою личность на заднем плане и пишет о себе всегда в третьем лице, как если бы деяния, о которых он повествует, принадлежали не писателю, а кому-то другому. Это придает его повествованию вид большой беспристрастности, но внимательный читатель не может не заметить, что поведение Цезаря всегда выставляется в самом выгодном свете, что его победы становятся как можно более значимыми, а поражения - более легкими. *Комментарии* следует рассматривать не как точную историю, а скорее как оправдание действий Цезаря, представленное в исторической форме.

Стиль Цезаря. Стиль Цезаря ясен, прост и незамысловат, свободен от всех навязчивых риторических украшений, но повествование о его кампаниях разнообразно и оживлено вставками описаний, речей, диалогов и всевозможных интересных деталей. Он часто пользуется случаем, чтобы отметить храбрые поступки своих людей. Так, в рассказе об осаде Герговии он описывает героическую смерть одного из своих центурионов:

Марк Петроний, центурион того же легиона, пытаясь сломать ворота, был подавлен числом и отчаялся в жизни. Когда он уже был много раз ранен, он сказал своим товарищам, которые шли за ним: "Раз уж я не могу спастись вместе с вами, то хотя бы обеспечу вашу

безопасность, раз уж из-за жадности к славе я привел вас в опасность. Когда вам представится возможность, позаботьтесь о себе сами". Он тут же бросился в гущу врагов и, убив двоих, отогнал остальных немного в сторону от ворот. Когда его товарищи попытались оказать ему помощь, он сказал: "Напрасно, - сказал он, - вы пытаетесь спасти мне жизнь, ибо кровь моя и силы мои иссякают. Так что уходите, пока есть возможность, и отступайте к легиону". Так сражаясь, он вскоре пал и спас своих товарищей.

История Галльской войны была опубликована под неприятным названием *Commentarii*, или "заметки"; но таково совершенство ее простого стиля, что никому и в голову не пришло переписать ее.

Три книги *"Комментариев к гражданской войне"* демонстрируют те же качества, что и *"Галльская война"*, но в меньшей степени. Гражданская война. В одном внешнем отношении они отличаются от истории Галльской войны, так как в последней каждая книга содержит отчет о годичной кампании, в то время как история первого года Гражданской войны занимает две книги. Исторический интерес этого труда не менее велик, чем у книг о Галльской войне, но он не соперничает с ними по литературным достоинствам и содержит несколько положительных искажений. Вероятно, работа была написана в спешке и никогда не пересматривалась автором. Такое предположение объясняет некоторые из его недостатков. Возможно, она была подготовлена к публикации одним из офицеров Цезаря, возможно, одним из тех, кто взялся за составление истории кампаний, которые Цезарь оставил неописанными.

Среди тех, кто продолжил записи о войнах Цезаря, лучшим автором является Аулус Гиртий. Он был одним из лейтенантов Цезаря в Галлии и был послан им в Рим в качестве доверенного лица. В 49 году до н. э. он был вместе с Цезарем в Риме. Какова была его доля в гражданской войне, неизвестно, но сам он говорит, что не присутствовал в Александрийской и Африканской войнах. Продолжение комментариев Цезаря. Он был претором по назначению Цезаря в 46 году до н. э. и консулом в 43 году до н. э., когда он был убит в битве при Мутине, сражаясь против Антония. Единственное произведение, приписываемое ему с уверенностью, - восьмая книга *"Комментариев к Галльской войне"*, в которой он показывает себя намного хуже Цезаря как писатель, но не без некоторых способностей. Книга хорошо написана, в стиле, который, очевидно, должен был напоминать стиль Цезаря. Кто написал книгу об *Александрийской войне* - Гиртий или Гай Оппий - точно не известно. Оппий был человеком всаднического звания, сторонником и агентом Цезаря в Риме. После смерти Цезаря он присоединился к партии Октавия и призвал Цицерона сделать то же самое. Судя по всему, он не прожил долго после 44 года до н. э. *"Александрийская война"* написана в стиле, похожем на восьмую книгу *"Галльской войны"*. Книги об *Африканской войне* и *Испанской войне* написаны неизвестными авторами. Стиль первой из них безвкусен и скуден, а стиль второй - нерешителен и крамолен. Эти книги представляют определенный литературный интерес, поскольку показывают огромную разницу между литературными способностями Цезаря и среднего римлянина его времени.

Неподражаемые *"Комментарии"* Цезаря - это отчеты о деяниях самого автора, написанные с точки зрения главного действующего лица описываемых событий. Они не являются результатами широких исторических исследований и не пытаются дать читателю широкое общее представление о ходе событий со всеми их причинами и последствиями. Это, строго говоря, не история, а мастерское изложение материала, из которого делается история. Ранние записи о прошлом римских писателей, таких как Валерий Антиас, Корнелий Сисенна и другие (см. стр. 43), были простыми анналами, лишенными как тщательного исследования, так и литературной отделки. Первым настоящим историком Рима был Саллюст.

Гай Саллюстий Крисп родился в плебейской семье в Амитернуме, в стране сабинян, в 86 году до н. э. Саллюст. В неизвестное время он получил должность квестора, а в 52 году до н. э. стал трибуном. В начале своей жизни он был беспутным и, как говорят, свел в могилу своего отца в печали. В 50 году до н. э. он был исключен из сената цензорами Аппием Клавдием и Луцием Пизоном. В следующем году он был вновь назначен Сезаром квестором и таким образом вернул себе место в сенате. В 48 году до н. э. он командовал легионом в Иллирии, в следующем году был послан Сезаром для подавления мятежа солдат в Кампании, а в 46 году до н. э. служил претором в Африканской войне. В конце года его назначили проконсулом Нумидии, где он обогатился за счет разграбления провинции. Затем он купил виллу и сады на Квиринале и до самой смерти в 35 году до н. э. посвятил себя написанию исторических трудов.

Среди произведений Саллюста - *"Заговор Катилины"*, *"Югуртинская война"* и *"Истории"*. Произведения Саллюста. Первые два произведения сохранились полностью, но от *"Истории"*, в которой рассказывается о событиях с 78 по 67 год до н. э., сохранились только фрагменты, а также четыре речи и два письма, которые были вставлены в повествование, но собраны и опубликованы для использования в риторическом обучении. Два письма к Цезарю и речь против Цицерона, опубликованные под именем Саллюстия, являются подделкой.

В своих сочинениях Саллюст выступает как противник знати и защитник народной партии. Характер произведений Саллюста. Он в ярких красках изображает коррупцию и алчность сената, а также в восторженных тонах описывает успехи и добродетели популярного героя Мария. Временами его политические пристрастия заставляют его даже искажать правду, хотя эти искажения не настолько велики, чтобы лишить его работы исторической ценности. Он не довольствуется изложением голых фактов истории, но прилагает усилия, чтобы изобразить настроения и мотивы, лежащие в основе действий главных лиц, о которых он пишет, и даже человечества в целом. Свои повествования он предваряет введениями философского характера, иногда не имеющими строгого отношения к рассматриваемой теме. Его стиль риторичен и пикантен, он использует много архаичных слов, в значительной степени заимствованных из произведений Катона. Он явно подражает стилю Фукидида и, как и он, вводит речи и письма, составленные в соответствии со случаем, по которому они, как предполагается, были произнесены или написаны. Эти особенности придают его произведениям интерес индивидуальности и вызывают восхищение, а также резкую критику в древние и современные времена. О некоторых качествах Саллюстия можно судить по переводам нескольких кратких отрывков. Вступительные слова *"Катилины"* звучат следующим образом:

Все люди, желающие превзойти других животных, должны всеми силами стремиться к тому, чтобы не проводить свою жизнь в молчании, подобно скоту, которого природа сделала склонным и послушным своему аппетиту. Но вся наша сила заключена в духе и теле; дух наш больше предназначен для повеления, тело - для повиновения; одно у нас общее с богами, другое - со зверями; поэтому мне кажется более уместным добиваться славы средствами разума, чем физической силой, и, поскольку жизнь, которой мы наслаждаемся, сама по себе коротка, сделать память о нас как можно более долговечной".[50](#)

Его рассказ об ужасе в Риме, когда стало известно о величии опасности, исходящей от заговора Катилина, показывает его способность к яркому описанию:

Эти события глубоко взволновали государство, и облик города изменился. От величайшего веселья и разгула, к которым привел долгий мир, внезапно наступила полная печаль; люди спешили, бежали с трепетом, не доверяли ни месту, ни человеку, не вели ни войны, ни мира; каждый измерял опасность своим страхом.⁵¹

Начало речи Мария к римлянам демонстрирует риторический стиль Саллюстия, его любовь к антитезам и описательным эпитетам:

Я знаю, квириды, что не одним и тем же способом большинство людей добиваются от вас власти и пользуются ею после того, как получают ее, что сначала они трудолюбивы, скромны и умеренны, а потом проводят свою жизнь в лености и надменности. Но мне кажется правильным обратное, ибо насколько все государство важнее консульства или преторства, настолько же с большей заботой следует управлять первым, чем стремиться к последнему. Не знаю также, сколько хлопот я взваливаю на себя одновременно с величайшей честью от тебя. Готовиться к войне и в то же время беречь казну, принуждать к военной службе тех, кого не хочется обижать, заботиться обо всем дома и за границей, и делать это среди завистников, противников, подстрекателей - это труднее, квириды, чем вы думаете.

При всей искусственности стиля Саллюстия, он интересный, живой, часто лаконичный и яркий. Он оказал немалое влияние на стиль последующих писателей, особенно на стиль Тацита, величайшего из римских историков. Не стоит забывать, что *"Катулина"* и *"Югурта"* имели гораздо меньшее значение, чем утраченные *"Истории"*. В этой более значительной и зрелой работе Саллюстий, возможно, избежал некоторых недостатков стиля, которые встречаются в сохранившихся трактатах.

Гораздо менее интересным писателем, чем Саллюст, является Корнелий Непос. Как Катулл и некоторые другие авторы этого периода, он прибыл в Рим с севера. Его родиной, вероятно, был Тицинум, расположенный на реке По. Корнелий Непос. О его жизни, которая, судя по всему, продолжалась с 100 г. до н. э. до 30 г. до н. э. Он был другом Катулла и Аттика, друга Цицерона, а также, вероятно, других литературных деятелей Рима. Все его произведения, за исключением некоторых любовных стихов, были историческими и биографическими. *"Хроника"* в трех книгах, посвященная всеобщей истории, была написана, вероятно, до 52 года до н. э. *"Экземпляр"* в пяти книгах - история римских нравов и обычаев. Три другие работы - *"Жизнь Катона (старшего)"*, *"Жизнь Цицерона"* и трактат по географии. Его последней работой, опубликованной, по-видимому, между 35 и 33 годами до н. э., было большое собрание биографий выдающихся людей (*De Viris Illustribus*), посвященное Аттику. Дополнение к жизни Аттика было сделано между 31 и 27 годами до н. э. Этот труд содержал не менее шестнадцати книг и был разделен на разделы по две книги в каждом, так что каждый раздел содержал одну книгу о римлянах и одну об иностранцах. В разделах рассказывалось о царях, полководцах, государственных деятелях, ораторах, поэтах, философах, историках и грамматиках.

Из всех сочинений Непоса до нас дошла только книга об иностранных полководцах, а из книги о римских историках - жития Катона Старшего и Аттика, а также фрагменты писем Корнелии, матери Гракхов. Качества произведений Непоса. Книга об иностранных полководцах содержит биографии двадцати греческих полководцев, краткий очерк о царях, которые также были полководцами, и биографии Гамилькара и Ганнибала. Непос черпает факты из хороших источников, таких как Фукидид, Ксенофонт, Теопомп, Полибий и труды Ганнибала, но он небрежен и некритичен, и не использует все важные источники информации по каждому предмету. Он допускает ошибки в вопросах истории и географии,

плохо организует свой материал и отводит тривиальным анекдотам место, которое лучше было бы посвятить более важным вопросам. Его стиль, хотя в целом ясен, лишен элегантности. Структура его предложений проста, а тема интересна. По этим причинам, а не из-за каких-либо литературных достоинств, его "*Житие*" часто использовалось в качестве учебника для начинающих изучать латынь.

Одним из самых продуктивных и ученых писателей эпохи Цицерона был Марк Теренций Варро, который родился 116 году до н. э. в Реате, в стране сабинян. Он учился в Риме у Луция Юлия Стило, а в Афинах - у Антиоха Аскалонского. Варро. В 76 г. до н. э. служил в армии в Испании, в 67 г. до н. э. отличился в войне с пиратами. Возможно, он продолжал служить под началом Помпея в войне с Митридатом. В гражданской войне он был на стороне Помпея и был вынужден сдать Цезарю легион под его командованием. После этого он находился в Эпире, на Корсире и в Диррахии. После победы Цезаря Варро принял новое правительство и стал заведовать публичными библиотеками. После смерти Цезаря он был проскрибирован Антонием, но его жизнь была спасена благодаря преданности друзей, и он провел оставшиеся годы в мире, продолжая литературную деятельность до конца. Он умер на девяностом году жизни, в 27 году до нашей эры.

Произведения Варро. Работы Варро были многочисленны и разнообразны. Известно около семидесяти четырех названий, а общее количество отдельных книг составляет около шестисот двадцати. Среди них были поэмы, труды по грамматике, истории, географии, праву, риторике, философии, математике, истории литературы и образования, различные эссе, оратории и письма. Из всех этих произведений сохранился один полный труд "*О сельском хозяйстве*" (*De Re Rustica*) в трех книгах, шесть (v-x) из первоначальных двадцати пяти книг трактата "*О латинском языке*" (*De Lingua Latino*), многочисленные короткие фрагменты "*Мениппевых сатур*" (*Saturæ Menippeæ*) и несколько фрагментов некоторых других произведений. Сборник афоризмов, который проходит под именем Варро, вероятно, является подделкой.

Сохранившиеся произведения Варро. *Сатуры Мениппа* написаны прозой, перемежающейся стихами, в подражание произведениям киника Мениппа, жившего около 300 года до н. э., и, вероятно, относятся к раннему периоду жизни Варро. В них в сатирическом ключе рассматриваются почти все отношения человеческой жизни. Сохранившиеся стихи демонстрируют некоторую способность к метрической композиции и не мало юмора. Однако очевидно, что Варро не был великим поэтом, и утрата других его стихотворений не вызывает особого сожаления. В трех книгах "*О сельском хозяйстве*" в форме диалога дается систематическое изложение собственно сельского хозяйства, скотоводства, а также птицеводства, дичи и рыбы. Диалог строгий, а расположение различных частей предмета искусственное. Труд ценен содержащейся в нем информацией, но его литературная форма непривлекательна. Сохранившиеся книги трактата "*О латинском языке*" посвящены в основном производным словам и склонениям. Синтаксис рассматривается в книгах xiv-xxv. Этимологии Варро часто неверны, а его идеи относительно склонений ненаучны; но работа содержит много ценного для изучающих латинский язык и римскую древность. Стиль работы сухой и часто скучный. По сути, это едва ли литературное произведение, а скорее технический трактат. Варро был человеком большой образованности и огромной работоспособности, но не литературным художником. Антиквитаты и имагины. Среди его утраченных произведений наиболее важными, вероятно, были "*Древности человеческие и божественные*" (*Antiquitates Rerum Divinarum Humandarumque*), в сорока одной книге, и "*Портреты*" (*Hebdomades*, или *Imagines*), в пятнадцати книгах. Последний труд содержал краткие рассказы в прозе и стихах о семистах

знаменитых греках и римлянах с их портретами. Работы Варро были огромными сокровищницами информации, но нет оснований полагать, что они обладали какими-либо выдающимися литературными качествами.

Остальные прозаики этого периода могут быть обойдены кратким упоминанием. Аттикус. Многие из них для нас не более чем имена, а произведения всех утрачены. Один из самых интересных - Тит Помпоний Атик (109-32 гг. до н. э.), биография которого была написана Корнелием Непосом. Это был состоятельный человек, который воздерживался от общественной жизни и посвятил себя литературе, публикуя чужие произведения и оказывая дружескую помощь литераторам, а также занимаясь писательской деятельностью. О его дружбе с Цицероном уже упоминалось. Его работы были историческими, самая важная из них - *Анналы (Liber Annalis)*, хронологический очерк римской истории от основания города до 49 года до н. э. Другие его работы - биографии или генеалогии, а также описательные стихи, написанные для сопровождения портретов выдающихся людей.

Оратор Квинт Гортензий Гортал (114-50 гг. до н. э.) известен главным образом благодаря Цицерону. Он был защитником Верреса, когда Цицерон вел судебное разбирательство, выступал против Манилийского закона, который Цицерон поддерживал, и в нескольких судебных процессах его привлекал тот же клиент, который заручился услугами Цицерона. Гортензий был главным представителем витиеватого и орнаментального "азиатского" стиля ораторского искусства в Риме. Среди ораторов, принявших простой аттический стиль, наиболее значимыми были Марк Калидий, который был претором в 57 году до н. э. и умер в 47 году до н. э.; Гай Лициний Кальв (87-47 гг. до н. э.), который упоминался выше (стр. 62) как поэт; Марк Юний Брут, лидер заговорщиков, убивших Цезаря; и Квинт Корнифиций, который также был поэтом (см. стр. 64).

Квинт Туллий Цицерон (102-43 гг. до н. э.), брат Марка, также был литератором, хотя и значительно уступал своему брату. Квинт Цицерон. В 54 году до н. э., когда он был лейтенантом Цезаря в Галлии, он написал несколько трагедий, очевидно, переведенных с греческого, а также был автором анналов и эпической поэмы, посвященной экспедиции Цезаря в Британию. Единственные ныне существующие сочинения Квинта Цицерона - три письма к Тиру и одно к Марку Цицерону, а также "*Эссе о кандидатуре на должность консула*", написанное в форме письма Марку, когда он был кандидатом на эту должность в 64 году до н. э. Оно дает интересную информацию о методах римских политиков, но не представляет большого литературного интереса. Первое из писем Марка Цицерона к Квинту - аналогичный трактат об управлении провинцией, написанный, когда Квинт начинал свой третий год в качестве пропретора Азии, в 59 году до н. э. Тиро. Другим писателем, тесно связанным с Цицероном, был его вольноотпущенник и друг Тиро, который написал биографию Цицерона, составил издания его речей и писем, собрал его остроты, а также написал грамматику и изобрел систему стенографии.

Грамматические, теологические и научные труды Публия Нигидия Фигула, который был претором в 58 году до н. э. и умер в изгнании в 45 году до н. э., имеют мало общего с литературой и утрачены. Писатели на специальные темы. Нет необходимости уделять хотя бы небольшое место грамматическим и риторическим трудам Аврелия Опилия, Антония Гнифо, Марка Помпилия Андроника и других, чьи учения послужили источником информации для некоторых великих писателей и ораторов того времени, но чьи труды не сохранились. Филологом, историком и поэтом, чьи труды считались важными, был Сантра, который, кажется, был несколько моложе Варро, но мы сейчас не можем определить, в чем заключалось их значение. Среди юристов этого периода наиболее выдающимся был Сервий Сульпиций Руф, два письма которого сохранились в переписке Цицерона (*Ad Familiares*, iv, 5,

и iv, 12). Они дают представление о его стиле, но являются единственными остатками его сочинений. Все отрасли знания, насколько они существовали в то время, рассматривались различными писателями, но обсуждение их утраченных произведений не имеет места в краткой истории литературы.

Последние годы республики прославлены великими именами Лукреция, Катулла, Цицерона и Сезара. В эпоху Августа поэзия достигла еще большего совершенства благодаря Вергилию и Горацию, но век Цицерона - это золотой век латинской прозы.

КНИГА II

АВГУСТОВСКИЙ ПЕРИОД

ГЛАВА VIII

ПОКРОВИТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ - ВЕРГИЛИЙ

Влияние империи на литературу - Август, 63 г. до н. э. - 14 г. н. э. Д.-Агриппа, 63-12 до н. э. - Поллион, 67 до н. э. - 5 н. э. - Мессалла, 64 до н. э. - 8 н. э. - Мекена, 70 (?) - 8 до н. э. - Вергилий, 70-19 до н. э. - Его жизнь - Эклоги - Георгики - Энеида.

Влияние империи на литературу. После битвы при Акциуме Римской республике пришел конец. Юлий Цезарь, конечно, собрал всю власть государства в свои руки, но продержался он там недолго; Октавий - после 27 года до н. э. Август - удерживал всю полноту власти до самой смерти и оставил ее в неприкосновенности своим преемникам. Переход от свободного правительства, каким бы развращенным и упадочным оно ни было, к неограниченной монархии не мог не повлиять на литературу. Отныне великий оратор мог надеяться выиграть дело в суде, но он уже не мог изменить политику нации; историк мог перебирать записи прошлого и описывать деяния тех, кого уже не было в живых, но если он писал историю своего времени, он должен был постоянно держать перед глазами страх перед хозяином; поэт мог без помех петь о любви, вине и природе, но стихи национального и политического значения вряд ли могли быть написаны иначе, чем теми, кто сочувствовал империи. Император мог использовать свое влияние, чтобы подавить все неугодные ему литературные выражения, не поощряя при этом литературу любого рода, или он мог поощрять определенные виды литературы и определенных писателей, не обращаясь с суровостью даже с теми, чьи произведения были ему неприятны, или он мог в одно и то же время поощрять одних и подавлять других. При императоре литературное творчество не могло быть таким свободным, как во времена республики, но степень сдерживания в любой момент зависела от характера императора. Именно благодаря просвещенной либеральности Августа период его правления стал самой яркой эпохой римской литературы.

Август (63 г. до н. э. - 14 г. н. э.) получил в юности тщательное образование и испытывал искреннее и разумное восхищение литературой. Август. Его собственные литературные произведения включают эпическую поэму "*Сицилия*", несколько коротких эпиграмм, незаконченную трагедию "*Аякс*", оратории, мемуары и письма. Перед смертью он распорядился, чтобы отчет о его деяниях (*Index Rerum Gestarum*) был выгравирован на

бронзовых табличках и прикреплен к его гробнице. Вероятно, он сам составил этот отчет, и его копия, найденная на стене храма Августа и Рима в Анцире (*Monumentum Ancyranum*), содержит простым и достойным языком запись его жизни, его политических мер и его военной деятельности. Он свидетельствует о хорошем вкусе первого римского императора, ведь тот, кто стал правителем цивилизованного мира, не стал восхвалять себя или рассказывать в экстравагантных выражениях о своих деяниях, а составил летопись своей замечательной жизни в таких простых и достойных выражениях, которые внушали почтение. Однако не благодаря своим сочинениям, а благодаря своему влиянию Август прославил свое имя в истории литературы. Он поощрял Вергилия, Горация и других поэтов, присутствовал на чтениях авторов, желавших представить свои новые произведения просвещенной публике, и окружил себя друзьями, которые с удовольствием помогали и чествовали тех, чей гений мог прославить их покровителей и придать блеск империи.

Агриппа. Среди этих друзей литературы был Марк Випсаний Агриппа (63-12 гг. до н. э.), который создал первую карту мира в *porticus Polæ* и сам был автором географических трудов. Более значимым был Гай Асиний Поллион (67 г. до н. э. - 5 г. н. э.), который основал первую публичную библиотеку в Риме. Поллион. Его примеру последовал Август, который основал две библиотеки, одну в портике Октавии, другую - в храме Аполлона Палатинского, под присмотром ученого Варро. Поллион был солдатом, государственным деятелем и оратором, а также написал трагедии и историю 60-42 годов до н. э., в которой смело критиковал высказывания Юлия Цезаря, приемного отца Августа. Поллион первым начал проводить и поощрять публичные и частные чтения новых литературных произведений. Месалла. Менее тесно с императором был связан Марк Валерий Мессалла (64 г. до н. э. - 8 г. н. э.), который первоначально был приверженцем Брута, но заключил мир с Августом. Он, как и Поллий, был оратором, но занимался также античными и грамматическими исследованиями, а в ранние годы делал переводы с греческого и писал греческую прозу и стихи. Его дом был местом сбора молодых поэтов того времени.

Но из всех покровителей литературы при Августе самым выдающимся был Гай Мекенас, друг Августа, Вергилия и Горация. Мекенас. Он родился около 70 года до н. э., а умер в 8 году до н. э. Выходец из древней и знатной этрусской семьи, он получил тщательное образование и развил в себе самый изысканный литературный вкус. Благодаря своей привлекательной и убедительной личности он оказал большую услугу Октавию в его переговорах с Антонием и Секстом Помпеем, а после установления власти Августа Мекенас стал близким другом и постоянным советником императора. Несмотря на тонкий литературный вкус, он был лишен писательского таланта, и его произведения, как проза, так и стихи, подвергались резкой критике как современниками, так и более поздними читателями. Не приходится сожалеть, что его труды, как и труды других упомянутых меценатов литературы, утрачены. И все же имя Мекенаса всегда будет занимать почетное место в истории литературы, ведь именно он сделал возможными поэмы Вергилия и Горация.

Величайший из римских поэтов - Вергилий. Публий Вергилий Маро родился от скромных родителей, в Андах, деревне на территории Мантуи, 15 октября 70 года до н. э. Мекенас. Его родители не могли быть бедными, так как дали ему хорошее образование, сначала в Кремоне, затем в Милане, а позже в Риме. Он обучался в основном риторике и философии, но единственным учителем, чье влияние, по-видимому, было продолжительным, был эпикурейский философ Сиро. К ораторскому искусству Вергилий не проявил никакого вкуса. После битвы при Филиппах (42 год до н. э.) триумвиры вознаградили своих ветеранов раздачей сельскохозяйственных земель, и ферма Вергилия досталась новому владельцу. В то время Асиний Поллион, который восхищался поэзией Вергилия и побудил его написать

"*Буколики*" или "*Эклоги*", был правителем области за По, и благодаря его влиянию поэт был восстановлен в своих владениях. Но летом следующего года было произведено новое распределение земель, и Поллио больше не был правителем провинции. Вергилий лишился собственности и был вынужден укрыться на вилле своего учителя Сиро. Благодаря влиянию Корнелия Галла и Мекенаса Август добился того, что поэт возместил ему убытки, и с этого времени Вергилий находится в близких отношениях с императорским кругом. В дальнейшем он жил в Риме и в поместье под Неаполем, которое получил от Августа.

В 37 или 36 году до н. э. и в последующие годы он написал *Георгики* в честь Мекенаса, а *Энеида*, написанная по просьбе Августа, была начата в 29 году до н. э. Когда поэма была закончена и поэт достиг своего пятидесяти первого года, он отправился в Афины, намереваясь посвятить три года окончательной доработке своего произведения, а затем предаться изучению философии. Но в Афинах он встретился с Августом, который как раз собирался вернуться в Рим с Востока, и пригласил его присоединиться к императорской партии. Вергилий уже был болен от жары во время посещения Мегары, но принял приглашение. Во время путешествия его болезнь усилилась, и через несколько дней после прибытия в Брундизий он умер, 21 сентября 19 года до н. э. Его похоронили в Неаполе, где он провел большую часть своих последних лет.

Бесспорных произведений Вергилия три: "*Эклоги*", называемые из-за их пасторального характера "*Буколиками*", "*Георгики*" и "*Энеида*". *Эклоги* - это серия из десяти идиллий, написанных в подражание поэмам греческого поэта Феокрита. Греческое слово "идиллия" означает "маленькая картинка", а поскольку все идиллии Вергилия, кроме четвертой, и большинство идиллий Феокрита изображают жизнь пастухов в деревне, это слово обычно применяется к пасторальным поэмам. Произведения Вергилия. *Эклоги*. *Эклоги* Вергилия - это небольшие картины пасторальной жизни, содержащие множество аллюзий на обстоятельства жизни самого поэта, а также его друзей и покровителей - Поллиона, Галла, Вара, Мекена и Августа. Пасторальные поэмы, написанные для культурного круга императорского двора, неизбежно искусственны, и *эклоги* не являются исключением из этого правила. Однако очарование их дикции, отточенность стиха, искренняя любовь к природе и восхищение сельской жизнью, которые они демонстрируют, обеспечили этим поэмам заслуженное место среди самых известных произведений римской литературы. В "*Эклогах*" Вергилий еще больше, чем в других своих поэмах, зависит от греческих оригиналов. Не только отдельные строки, но и целые отрывки являются почти дословными переводами из идиллий Феокрита, встречаются и менее заметные адаптации из других поэтов. Иногда версия Вергилия менее прекрасна, чем оригинальная поэма, из которой он заимствует, и некоторые из наиболее восхитительных отрывков не являются его собственными изобретениями; но даже в "*Эклогах*", самых ранних из его подлинных произведений, написанных, когда ему было около тридцати лет, на фоне бедствий, сопровождавших его изгнание из своего небольшого поместья, Вергилию удастся сделать из греческих оригиналов новые и великие поэмы истинно римского характера. От первого до последнего Вергилий - национальный поэт.

Поэма, которая стоит первой в этом ряду, но которая не была первой по порядку написания, имеет форму диалога между двумя пастухами, Мелибеем и Титиром. В ней поэт выражает свою благодарность Августу, которого он называет богом. Стихотворение начинается так:

Мелибей. Раскинувшись в тени широкого бука, ты

Репетируешь, Титирус, на тонкой трубе

Свою лесную музыку. Мы отчизну нашу

Покидаем, мы должны покинуть поля, которые любим:

А ты, Титирус, в тени спокойной,

Просишь лес назвать Амариллис "прекрасной".

Титирус. О Мелибей! Это бог создал

Для меня этот праздник: за бога я буду вечно

Считать его; много молодых ягнят из моего лона

Запятнает его алтарь. Благодаря ему, мои коровки

Разбегаются, как видишь ты: благодаря ему я играю

Что песни перечисляю на пастушьей трубе".[52](#)

В следующем диалоге Титирус, представляющий самого Вергилия, рассказывает о своем визите в Рим и встрече с Августом:

Там, Мелибей, я увидел того юношу.

Для которого каждый год двенадцать дней дымятся мои алтари.

Так ответил он на мою еще не услышанную молитву,

"Кормите еще, мои парни, своих коней и запрягайте своих быков".[53](#)

Четвертая *эклога*, адресованная Поллиону и написанная в год его консульства (40 г. до н. э.), пророческим и возвышенным языком празднует рождение ребенка. По мере того как ребенок растет, мир становится лучше, пока снова не наступит золотой век мира и доброй воли среди людей. Эта поэма, как ни странно, долгое время считалась вдохновенным пророчеством о пришествии Христа. Кто на самом деле был этим ребенком, точно неизвестно, но есть некоторые свидетельства, что имеется в виду Гай Асиний Галл, сын Поллиона. Возвышенный тон задается с самого начала поэмы:

Музы Сицилии, песнь возвышенной

Проснитесь! Некоторые устали от кустарников и миртов низких.

Леса - наша тема? Тогда княжескими будут леса.

Наступают последние дни, о которых пела Сибилла;

Могучий марш веков начинается заново.

Пришла дева, Сатурн снова царствует;

С высоких небес спускается дивный род.

Ты на новорожденном младенце, который первым завершит

Век железный, золотой рассвет

Улыбнись, целомудренная Люцина:
Теперь царствует твой Аполлон. И Поллио, ты
Станешь нашим принцем, когда тот великий век
Откроется, и покатаются ввысь могучие луны:
Ты, растоптав отпечатки наших преступлений,
Освободишь народы от вечного страха.
Пока он к блаженству пробудится; с блаженными
Увидит смельчаков и станет их свидетелем,
Править тем миром, где рука его отца пролила мир.⁵⁴

Но в целом атмосфера "Эклоги" - деревенская, а форма - диалогическая, с состязательными песнями пастухов. Примером могут служить начальные строки пятой *эклоги*. Персонажи - Меналкас и Мопсус:

Меналкас. Мопсус, предположим, что сейчас встретились два хороших человека.

Ты за флейтой, как за стихами я...

Мы присядем здесь, где вяз и орешник смешались.

Моп. Меналкас, познакомься, я повинуюсь

Моему старцу. Вести, иль в тень - что меняется

По прихоти ветра, или (может быть, лучше всего)

В какую-нибудь пещеру. Видите, вот пещера, над которой

Дикая виноградная лоза распускает свои хрупкие листья.

Мужчины. На этих холмах с вами один - Эминтас.

Швабра. А если бы он вздумал перепеть самого Фибуса?

Мужчины. Мопсус, начинай. Если ты знаешь о пламени

Что Филлис разжигает, что Алкон стоит,

Или о плохом настроении Кодруса, тогда начинай;

А Титирус тем временем присмотрит за пасущимися детьми.

Швабрин. Да, я спою песню, что на днях

На коре зеленого бука я вырезал; и забил

И музыку написал. Выслушайте ее и попросите

Аминты состязаться со мной.

Мужчины. Как ива стройная

Уступает бледной оливе; Как пунцовым лолам

Розы уступают скромной лаванде,

Так, на мой взгляд, Аминтас уступает тебе.⁵⁵

Эклоги были опубликованы не позднее 38 года до н. э. В 29 году до н. э. были завершены четыре книги *Георгики*. Георгики. Одной из важнейших задач нового правительства после окончания гражданской войны было обеспечить сохранение спокойствия, расселив ветеранов по стране и поощряя сельское хозяйство, которое в Италии долгие годы находилось в печальном запустении. Поэтому именно с практической целью Мекенас предложил Вергилию написать поэму о сельском хозяйстве. Это была тема, к которой Вергилий подходил с особым успехом, и поэма, которой он посвятил семь лет, является самым совершенным из его произведений. Она очень свободно подражает "*Трудам и дням*" Гесиода, содержит много отрывков, заимствованных у Аратуса и других греческих поэтов, но по своей композиции и поэтической красоте она не зависит ни от кого, кроме собственного гения Вергилия. Она посвящена Мекенасу. В первой книге рассказывается о возделывании земли, о начале земледелия, об орудиях труда, необходимых земледельцу, о работах, соответствующих разным временам года, и о знаках погоды, а заканчивается она великолепным отрывком, описывающим предзнаменования во время смерти Сезара, и молитвой о том, чтобы Август положил конец войнам и беспорядкам того времени. Этот отрывок тесно связан с предыдущими строками, в которых описываются признаки погоды по появлению солнца. Он начинается так:

И наконец, что приносит вечер, и когда ветер

Несет безмятежные облака, а также с какими мыслями

Влажный южный ветер движется, обо всем этом

Солнце даст тебе знаки. Кто осмелится сказать.

что солнце лживо? Оно даже предупреждает иногда

Что вражда невидимая и измена близки

И скрытые войны разгораются.

Он даже, жалея Рим за падение Сезара,

В кромешной тьме скрыл свою сияющую голову;

Нечестивый век боялся бесконечной ночи. И все же

Земля и воды моря

И непристойные псы, и злобные птицы

подавали знаки. Как часто мы видели кипение

Из пылающей печи циклопов

Волны Этно над плодородными полями.

И катились ее огненные шары и расплавленные камни!

Германцы слышали по всему небу звуки
оружия; Альпы с непривычки задрожали.
И тогда многие в тихих рощах
раздался могучий голос, и бледные формы
дивным образом появлялись в сумраке ночи,
И немые звери заговорили (о, ужас!), и ручьи
Замерли, и земля разверзлась, и печальный
Резная слоновая кость плакала в священных веерах,
И пот лился со статуй, выточенных из бронзы.
Эридан, царь рек, мчался
По лесам бешеными вихрями,
А через поля неслись стойла со стадами.⁵⁶

Вторая книга посвящена культуре деревьев и виноградной лозы, а также содержит описание свойств различных видов почвы. Среди ее прекрасных отрывков один - восхваление Италии,⁵⁷ другой - описание благ жизни земледельца, начинающееся так: "О блаженные земледельцы, если бы они только могли

О благословенные земледельцы, если бы они только могли
Их благословения знать! Для кого щедрая земля
Сама, вдали от раздоров сцепившихся рук,
Дает легкое пропитание.⁵⁸

Третья книга посвящена уходу за лошадьми и крупным рогатым скотом. Прекрасный отрывок, расположенный в начале книги, выражает любовь поэта к родной Мантуе и его почтение к Августу. Первые строки этого отрывка звучат следующим образом:

Я первый, если жизнь будет дана, вернусь,
Поведу муз с аонийских высот
В свой край; я первый приведу к тебе,
Мантую мою, пальмы Идумеи, и в
В твоих зеленеющих лугах воздвигну мраморный купель
У воды, где могучий поток
Минция, медленно блуждает извилинами.
И нежным тростником устилает берега реки.
Там посредине для меня будет стоять Сезар

И держать храм. Тогда к нему я

Как победитель, одетый в тирийский пурпур,

К потоку подвезу сто четырехконных повозок".⁵⁹

Четвертая книга посвящена разведению пчел. Она содержит несколько отрывков необыкновенной красоты, один из самых поразительных - описание жизни улья.⁶⁰ Поэма заканчивается эпическим описанием визита Аристея, мифического основателя культуры пчел, к своей матери, морской нимфе Киринее. Сюда входит рассказ о борьбе Аристея с морским богом Протеем и о смерти Эвридики, жены Орфея. По преданию, поэма первоначально заканчивалась отрывком, восхваляющим Галлуса; но перед публикацией Галлус умер в опале, и нынешняя концовка была заменена. В своем окончательном виде завершение *"Георгик"* показывает, что Вергилий уже склонялся к тому, чтобы стать эпическим поэтом.

По просьбе Августа в 29 году до н. э. Вергилий приступил к созданию своего величайшего произведения - *"Энеиды"*, в которой он рассказывает о мифическом происхождении римского рода и о величии и славе Рима, который должен был возникнуть и достичь своего расцвета под руководством рода Юлиев, претендовавшего на прямое происхождение от Энея. Энеида. Еще в VI веке до н. э. сицилийский поэт Стесихор воспевал приход Энея в Италию. Невий и Энний связывали Энея с возникновением Рима и зафиксировали некоторые детали этой истории. На подготовленном таким образом фундаменте Вергилий возвел великолепную структуру своей поэмы. В *"Эклогах"* он в основном следовал по стопам Феокрита; *"Труды и дни"* Гесиода послужили прототипом *"Георгик"*, хотя здесь Вергилий был настолько далек от рабского подражания, что его произведение превосходит *"Труды и дни"* во всех отношениях. В *"Энеиде"* постоянно прослеживается подражание *"Илиаде"* и *"Одиссее"* Гомера, а некоторые отрывки явно заимствованы у Еврипида, Софокла и Аполлония Родосского; но *"Энеида"* ни в коем случае не является простым подражанием. В некоторых отношениях она значительно уступает гомеровским поэмам. Ей не хватает простоты, стремительности движений, свежей жизнерадостности; она не может сравниться с ними ни по силе повествования, ни по яркости образов. В этих качествах Гомеру нет равных. Но как национальный эпос, как выражение в пророческой форме национального величия и глубокой страсти поэта к славе своей страны, *"Энеида"* не имела прототипа, как не имела и преемника. Вергилий - не Гомер; он рефлексивен, наполнен глубокими мыслями, которые столетия умозрительных размышлений заронили в серьезные умы его эпохи; и его великая поэма - нечто большее, чем просто повествование. По исполнению *"Энеида"* неровная. Временами она отшлифована до высочайшей степени, временами опускается до уровня, едва ли превышающего посредственность; некоторые отрывки дышат непревзойденным поэтическим пылом, в то время как другие с таким же успехом могли бы быть написаны в прозе. Сам Вергилий настолько осознавал неровность и несовершенство своего произведения, что после смерти пожелал сжечь его и с трудом уговорил оставить его судьбу в руках друзей. Его смерть наступила до того, как он довел поэму до совершенства, и самые совершенные ее части показывают, какой он хотел ее видеть и какой она могла бы стать, если бы его жизнь была пощажена. Несмотря на отсутствие окончательной редакции мастера, она остается величайшей поэмой римской эпохи и одной из величайших поэм всех веков.

"Энеида" должна была стать для римлян тем, чем для греков были *"Илиада"* и *"Одиссея"* вместе взятые. Первые шесть книг написаны в основном по мотивам *"Одиссеи"*. Подражание Гомеру. Как в *"Одиссее"* рассказывается о странствиях и приключениях Одиссея до того, как

он достигнет своего дома, так и в этих книгах "*Энеиды*" повествуется о приключениях Энея во время его путешествия из Трои в Италию, и не один отрывок показывает, как постоянно *Одиссея* была у поэта в голове. Последние шесть книг рассказывают о борьбе Энея и его последователей с воинами, которые противостояли их поселению в Италии; здесь имитируются, иногда даже в деталях, сражения, описанные в "*Илиаде*". В финальной борьбе Эней - второй Ахилл, а храбрый, но несчастный Турнус - итальянский Гектор.

В первой книге, после краткого вступления, поэма начинается в самом разгаре повествования. Флот Энея находится у берегов Сицилии, когда Юнона вызывает у бога ветра Эола бурю. Троянские корабли разбиваются о скалы, а море взбудоражено до самых глубин. Тогда Нептун, разгневанный тем, что воды его моря без его согласия колеблются, упрекает Эола и умиряет волны:

Он сказал, и прежде чем его слова были исполнены,

Успокоил прилив, вернул солнце:

Тритон и стремительный Кимофей оттаскивают

Корабли с остроконечной скалы:

А он, трехрукий, каждый груз унылый тащит,

Сквозь огромные мели проход прорубает,

Сглаживает взъерошенную волну и едет

Спокойно по поверхности приливов и отливов.

Когда часто бушует смута

В каком-нибудь большом городе вульгарное стадо,

И уже летят клейма и камни.

Ибо у ярости всегда мало оружия.

Тогда должен появиться достойный человек.

Чью добродетель все почитают,

Они затихнут, замолкнут: его ясный голос властвует.

Их мятежные воли, их гнев остывает:

Так океан сразу перестал бушевать,

Когда, спокойно взирая на волны,

Окинув взором лазурный небосвод,

Отец велит колеснице лететь.⁶¹

Троянцы достигают африканского побережья, где Эней встречает свою мать, Венеру, и направляется в город Карфаген, который только что основала финикийская принцесса Дидо. Эней и его товарищ, верный Ахат, входят в город, окутанные облаком, которое делает их невидимыми. Когда они показываются Дидо, она принимает их с радостью и ведет в свой дворец. Эней посылает на корабли за своим сыном Асканием, которого также называют

Иулом, но Венера подменяет его богом любви Купидоном, который наполняет сердце Дидоны любовью к Энею. Во второй книге Эней начинает рассказ о своих приключениях с превосходного повествования о падении Трои, о своей доблестной, но безрезультатной борьбе с греками и о своем последнем бегстве. В третьей книге он продолжает свой рассказ до момента прибытия в Карфаген. Четвертая книга посвящена любви и судьбе Дидоны. Эней и Дидо со своими последователями отправляются в лес на охоту; начинается буря, и двое, отделившись от остальных, укрываются в пещере, где только лесные нимфы становятся свидетелями их любовного союза. Дидо надеется на совместное правление троянцев и тирийцев. Но Эней по приказу Юпитера предупреждает Меркурия, чтобы тот исполнил свое предназначение и отплыл в Италию. Дидо осыпает его любовными упреками, но напрасно: он остается непоколебим в своем послушании божественной воле. Тогда Дидо решает умереть. Она сооружает погребальный костер, кладет на него память о своем бывшем муже Сихее и садится на него, чтобы покончить с жизнью. Но перед смертью она насылает проклятия на Энея и его род:

Око мира, величественное Солнце,
Видящее все, что делается на земле,
Ты, Юнона, тоже толковательница
И свидетель сердечных волнений,
И Геката, огромная сила,
В полночный час завыва на перекрестках,
Мстители и боги смерти.
Которые вдыхают дыхание умирающей Дидо,
Склоните свои великие силы К бедам, которые молят
К небесам, и к моей просьбе прислушайтесь.
Если нужно, чтобы этот несчастный был отвратителен.
Достигните порта и высадитесь на берег;
Если такова судьба небесного владыки,
И так стоят бездвижные столбы;
Бичеван диким врагом,
Изгнанник из объятий сына,
Так пусть он взыскует помощи и видит
Свой народ убитым у него на глазах;
И когда к смиренному миру наконец
Он опустится на землю и жизнь, и землю,
Но пусть он падет в мужской силе
И без гроба на песке валяется.

Я возношу эту молитву к небесам,
Последнее возлияние с моей кровью.
И, тирийцы, вы в грядущие времена
Его семя со смертельной ненавистью преследуйте:
Пусть это будет ваш дар могиле Дидо.
Нет любви, нет союза между расой и родом.
Восстань из моего пепла, бич преступлений,
Рожденный преследовать дарданскую орду.
Сегодня, завтра, во все времена,
Пока наши руки могут орудовать мечом,
Сражаться на берегу с берегом, на море с морем,
Сражаться со всеми, кто есть или когда-либо будет!⁶²

Эти строки - поэтическое и мифологическое обоснование долгих и катастрофических войн между Римом и Карфагеном. В пятой книге троянцы достигают Сицилии и устраивают в Эриксе погребальные игры в честь Анхиза, отца Энея, который умер там за год до этого. В шестой книге они достигают Кумеса в Италии. Эней спускается в Аид, чтобы посоветоваться с тенью Анхиза. Здесь он видит сказочных чудовищ нижних областей и тени многих ушедших героев. Затем перед ним проходят формы тех, кто еще не родился. Это дает поэту возможность прославить великих людей Рима, среди которых Юлий Цезарь и Август. Здесь он видит облик юного Марцелла, сына Октавии, сестры Августа. Когда эта книга была написана, Марцелл недавно умер на двадцатом году жизни. Вергилий прочитал свои строки⁶³ о Марцелле Августу и Октавии, и убитая горем мать была так тронута, что упала в обморок. Описание царства мертвых у Вергилия в некоторых местах необычайно красиво, и особенно интересно, потому что не только по дате, но и по многим другим параметрам оно находится на полпути между одиннадцатой книгой *"Одиссеи"* Гомера и *"Божественной комедией"* Данте.

Последние шесть книг *"Энеиды"*, повествующие о борьбе троянцев в Италии, содержат много прекрасных отрывков, но по большей части менее интересны для современного читателя, чем предыдущие книги. Последние шесть книг. Во многих частях они закончены с самым изысканным искусством, даже видно, что технические способности Вергилия возрастали по мере того, как поэма приближалась к своему завершению, но многие другие отрывки свидетельствуют об отсутствии окончательной доработки. Для римлянина древние легенды о зарождении римской державы должны были представлять огромный интерес, но большинство современных читателей помнят среди сменяющих друг друга сцен борьбы только героического Турна, прекрасную Лавинию, воинственных дев Камиллу и Ютурну, а также храбрых и преданных друзей Ниса и Эвриала, которые были убиты, пытаясь ночью пронести послание через вражеский лагерь к отсутствующему Энею:

Благословенная пара! Если только мои стихи помогут,

Ни один день не заставит память о вас исчезнуть

Из сердца времени,

Пока Капитолий стоит на месте,

Обитель энейской расы,

И престол на этом бездвижном основании

Отец Рима восседает возвышенно.[64](#)

Завершается "Энеида" смертью Турна, главного противника троянцев в Италии. Вергилий в Средние века. Несмотря на очевидные недостатки, это величайшая поэма на латинском языке; ни одна более поздняя эпическая поэма ни на одном языке не сравнялась с ней по совершенству и даже не приблизилась к ней вплоть до появления "*Божественной комедии*" Данте. Не стоит удивляться тому, что на протяжении всего Средневековья Вергилий считался олицетворением всего великого в поэзии; Не странно, что поэт, чьи стихи дышат такой неопишуемой, сладкой грустью, кто поет возвышенным, вдохновенным языком о том римском величии, которое всегда присутствовало в воображении средневековья, кто описывает жилища мертвых и даже, как считалось, предсказывает приход Мессии, должен был стать в средневековых легендах обладателем всей мудрости и всей магической силы. Вполне естественно, что Данте выбрал Вергилия своим проводником через ад и чистилище и с радостью принял бы его в рай, если бы его теология позволяла ему это сделать.

ВЕРГИЛИЙ И ДВЕ МУЗЫ.
Мозаика в музее Бардо, Тунис.

ГЛАВА IX

ГОРАЦИЙ

Квинт Гораций Флакк, 65-8 гг. до н. э. - Вергилий и Гораций - Жизнь Горация - Первая книга сатир - Эподы - Вторая книга сатир - Первые три книги од - Первая книга посланий - Литературные послания - *Carmen Saeculare* - Четвертая книга од - Заключение.

На протяжении всего Средневековья Вергилий считался несравненно величайшим из римских поэтов. В наше время его величие ставится под сомнение, а некоторые ученые даже заходят так далеко, что отрицают, что он вообще был великим поэтом. Вергилий и Гораций. Разница во многом объясняется тем, что в Средние века поэмы Гомера, Феокрита и других греческих поэтов, которым подражал Вергилий, были неизвестны, а Вергилий считался

великим эпическим и пасторальным поэтом древности. То, что Вергилий подражал греческим поэтам, очевидно, но в последней главе было сказано достаточно, чтобы показать, что его поэзия содержит качества, которых нет в произведениях греков, и что, хотя его поэмы во многих отношениях не равны поэмам Гомера, он все равно должен считаться одним из величайших поэтов мира. Рост знаний, который привел к неоправданному обесцениванию Вергилия, привел к тому, что второй великий поэт эпохи Августа стал цениться более высоко. Оды Горация, наиболее известные и популярные из его стихотворений, являются подражанием поэзии греческих лириков, Алкея, Сапфо, Анакреона и их последователей, но греческие оригиналы по большей части утрачены, так что Гораций не может страдать от сравнения с ними. Кроме того, современному вкусу меньше нравится эпический, чем лирический стих, а тонкие, высоко отделанные и очаровательные оды Горация очень нравятся современному культурному читателю. В своих сатирах и эпистолах Гораций, чем бы он ни был обязан Луцилию и другим, также проявляет несомненную оригинальность. Поэтому вполне естественно, что его иногда называют величайшим из римских поэтов. Но Вергилий писал на более значительные темы; он был великим национальным поэтом, воспевавшим в великих, пророческих тонах величие Рима и его судьбы, в то время как Гораций обращался к более узкому кругу культурных читателей. И все же Гораций в своей области непревзойденный поэт и заслуживает всего того восхищения, которое ему было оказано.

Квинт Гораций Флакк родился в Венусии, в Апулии, недалеко от границы Лукании, 8 декабря 65 года до н. э. Его отец был вольноотпущенником, владельцем небольшой фермы, но он решил дать своему сыну наилучшее образование. Школа в Венусии оказалась неудовлетворительной, и отец Горация вместе с семьей переехал в Рим, где зарабатывал на жизнь в качестве *коактора* или сборщика денег, предлагаемых участниками аукционов. Жизнь Горация. В Риме этот бизнес был довольно важным и, должно быть, прибыльным, так как Гораций посещал лучшие школы, где общался с сыновьями богатых и знатных родителей. Его отец лично следил за воспитанием мальчика, сопровождая его в школу и обращая его внимание на то, что происходит вокруг, указывая на дурные последствия плохого поведения и давая практические советы. В школе, под руководством строгого учителя Орбилия, который не жалел розги, Гораций читал перевод "*Одиссеи*" Ливия Андроника, а также "*Илиаду*", причем последнюю, возможно, в оригинале на греческом языке. Из Рима он отправился в Афины, чтобы изучать философию, и был там, когда в 44 году до н. э., после смерти Цезаря, туда прибыл Брут. Как и многие другие патриотически настроенные молодые римляне, он присоединился к армии Брута, в которой ему было присвоено звание *tribunus militum*. Он принял участие в битве при Филиппах и последовавшем за ней бегстве. При распределении земель между солдатами победоносных армий хозяйство Горация было конфисковано, и молодой человек, отец которого умер во время его отсутствия, вернулся в Рим, где, возможно, на последние остатки отцовских сбережений, получил небольшую должность клерка квесторов.

Эта должность давала ему средства к существованию и немного свободного времени для поэзии. Бедность, по его словам,⁶⁵ побудила его писать стихи, и, несомненно, его стихи принесли ему процветание, поскольку они заставили Вергилия и Вария представить его Мекену весной 38 года до н. э., а следующей зимой Мекен ввел его в круг своих знакомых друзей. Гораций, с его невысоким ростом, остроумной, приятной беседой и поэтическим гением, стал очень близок с Мекенасом, не будучи, однако, его доверенным лицом в политических делах. Когда Мекен отправился в Брундизий, чтобы заключить соглашение

между Августом и Антонием, Гораций вместе с Вергилием, Варием, Плотием и греческим ритором Гелиодором был в его сопровождении.⁶⁶ В 34 или 33 году до н. э. Мекенас подарил ему загородное поместье на Сабинских холмах недалеко от Тибура (Тиволи), настолько большое, что в нем было пять хозяйственных построек. Здесь поэт провел большую часть своих оставшихся лет. Мекенас также представил его Августу, который хотел сделать его своим личным секретарем, но Гораций отказался от этой чести, вероятно, потому, что предпочел сохранить свою свободу. Император не обиделся на отказ, но продолжал считать его своим другом. Почитаемый Августом и его окружением, Гораций жил в комфорте и покое. Он умер 27 ноября 8 года до н. э. и был похоронен рядом с гробницей Мекены на Эсквилине. Своим наследником он сделал Августа.

Вернувшись в Рим после битвы при Филиппах, Гораций посвятил свой досуг написанию стихов. К этому периоду относятся "*Эподы*" и первая книга "*Сатир*". Эти стихи изначально не предназначались для публикации, а читались друзьям автора. Около 35 года до н. э. десять "*Сатир*" были собраны и опубликованы. Сам Гораций называет эти стихи не *сатирами*, а *проповедями* или "*беседами*". Он даже отказывается от звания поэта, хотя его "*Беседы*" написаны гекзаметрами. Первая книга Сатир. Первая *сатира* обращена к Мекенасу и служит для посвящения всего сборника главному покровителю поэта, хотя ее тема - общее недовольство каждого человека своим жребием и глупость накопления богатства. В целом "*Сатиры*" не являются, как у Луцилия, нападка на отдельных людей, а скорее критикой глупости и безрассудства времени. Во второй *сатире* говорится об опасностях, которым подвергают себя прелюбодеи; в третьей высмеиваются те, кто ругает и критикует своих соседей; в четвертой восхваляется остроумие, но резко критикуется стиль Луцилия, недостатки которого объясняет быстротой, с которой Луцилий писал большие объемы стихов. В той же *Сатире* Гораций защищает себя от обвинений в злословии, утверждая, что его стихи гораздо менее злобны, чем частные сплетни, и описывает, как его отец обучал его в юности:

Но если я все еще кажусь личным и дерзким,

Возможно, вы простите меня, когда я расскажу свою историю.

Когда мой добрый отец учил меня быть хорошим,

он делал пугала из живой плоти и крови.

Поэтому, если он предупреждал меня не тратить, а беречь.

Умеренными средствами я обязан его мудрой заботе,

то говорил: "Посмотри, какую жизнь ведет сын Альбиуса!

Обратите внимание на этого Барруса, гнуснейший из злостных сорняков!

Это маяки для беспечной молодежи, чей вкус

Может привести их к расточительству":

Если бы незаконная любовь была тем, чего он велел мне избегать,

"Избегайте трясины Скатаниуса", - гласили бы его слова:

"Мудрые люди, - добавит он, - причину объяснят.

Почему вы должны следовать этому и тому воздержанию:

Ведь я, если смогу обучить вас тем путям.

Проторенными достойными людьми прежних дней,

И, пока ты нуждаешься в руководстве, сохранить твое имя

И жизнь незапятнанной, я достиг своей цели:

Когда зрелые годы укрепили мозг и конечности,

Ты отбросишь пробки и, как Тритон, поплывешь".⁶⁷

Пятая *сатира* - это рассказ о путешествии в Брундизий в поезде Мекенаса с Вергилием, Варием и другими; шестая, снова обращенная к Мекенасу, рассказывает о том, как поэт познакомился с великим человеком, вспоминает о внимательном отношении к нему отца и заявляет, что у Горация нет причин стыдиться своего происхождения или быть недовольным своей участью. Седьмая рассказывает о шутке в тяжбе между Публием Рупилием Рексом и банкиром Персием; восьмая - о прерванных магических обрядах перед статуей бога Приапа; девятая - о безрезультатных попытках поэта избавиться от зануды, который прилип к нему, пока его не оттащил в суд истец. В десятой "*Сатире*", которая служит эпилогом к сборнику, Гораций возвращается к критике Луцилия, утверждая, что сказанное им в четвертой "*Сатире*" на самом деле не было слишком суровым, и в то же время высказывает свое мнение о некоторых других римских поэтах и о своих собственных способностях:

Ни одна рука не сравнится с Фунданусом по части

Где раб и госпожа обрывают руно старика;

Поллио в бушлате воспеваает деяния царей;

Варий на крыльях Гомера всех нас обгоняет;

Муза, что любит лес и ферму.

Вергилию дарит свой самый яркий, самый нежный шарм.

Для меня эта прогулка сатира, тщетно пытавшаяся

Атацином и некоторыми другими,

Лучше всего подходит к моей походке; но я охотно уступаю

Тому, кто первым ступил на это поле,

И не пытаюсь лишить его бухты.

Который так красиво смотрится на его седых локонах.⁶⁸

Эподы были написаны в тот же период, что и первая книга *Сатир*, и, как и они, посвящены различным темам. Эподы. Около 31 года до н. э. Гораций поддался на уговоры Мекенаса и опубликовал сборник из семнадцати произведений, написанных им в разное время с 40 года

до н. э. Первые десять написаны в *эподическом* метре, то есть ямбическом триметре, за которым следует ямбический диметр, как в строках:

Beatus ille, qui procul negotiis

Ut prisca gens mortalium,

Paterna rura bobus exercet suis,

*Solutus omni fenore,*⁶⁹

следующий перевод которого примерно передает ритм оригинала:

О блажен тот, кто далек от бед, страхов и забот,

Как ранний смертный род,

С волами своими по полям предков идет,

И не знает ростовщичества позор.

Более короткая строка называется *эподом*, или приложением, к более длинной, и именно от нее сборник стихов получил свое название. Последние семь стихотворений сборника написаны в разных метрах, хотя большинство из них - чередование длинных и коротких строк. Сам Гораций называет эти стихи просто *ямбиками*. В них он подражает греческому поэту Архилоху, но хотя некоторые из стихотворений несколько агрессивны, все они лишены того интенсивного и яростного тона инвектив, который древние приписывали Архилоху, и от которого, однако, в сохранившихся фрагментах "Архилоха" осталось мало следов.

В дошедших до нас фрагментах Архилоха мало следов. В одном из своих *Посланий*⁷⁰ Гораций утверждает, что он первым ввел ямб Архилоха в латинскую литературу, но это не совсем верно, поскольку Катулл и его современники писали инвективы ямбом. Гораций, однако, ввел в обиход *эподический* метр, а также первым использовал ямб для обличения глупостей своего времени, а не отдельных людей. По тематике *Эподы* варьируются от восхваления сельской жизни (ii) и призыва жить легко и приятно (xiii) до ругательств в адрес богатого выскочки (iv) или женщины, торгующей ядами (v, xvii), и упреков в адрес римлян, стремящихся разжечь гражданскую войну (xvi). Последний *Эпод* (xvii) имеет форму диалога между поэтом и отравительницей Канидией, остальные же представляют собой простое выражение чувств поэта, часто в форме письма или обращения к другу. Этим они отличаются от "*Сатир*", которые имеют форму диалога либо между двумя лицами, упомянутыми по имени, либо между поэтом и каким-то неопределенным лицом, возможно, читателем.

Вторая книга *Сатир*, законченная около 30 года до н. э., содержит восемь произведений, большинство из которых имеют форму диалога между поэтом и одним человеком. Вторая книга Сатир. Наиболее забавным является пятый, диалог между Улиссом и Тиресием, в котором Тиресий рассказывает Улиссу, как он может поправить свое состояние, оказывая знаки внимания богатым людям и заставляя их упоминать его в своих завещаниях. Эта *сатира* направлена против класса людей, которых слишком много в Риме. Другие сатиры посвящены различным темам, например, серьезному изучению обедов (viii, iv), некоторым стоическим доктринам (iii, vii), критике предыдущих *сатир* (i) или радостям простой жизни фермера (ii). Почти в каждом случае высказанные мысли и теории вложены в уста кого-то другого, кроме поэта, тогда как в первой книге "*Сатир*" поэт выражал свои мнения сам.

Сатиры Горация отличаются от сатир Луцилия тем, что они менее горьки и менее политичны, более тщательно составлены и написаны, а также гораздо более доброжелательны. Добродушный, джентльменский дух этого человека виден повсюду. Его "беседы" - это остроумный, забавный разговор светского человека, часто затрагивающий серьезные темы, но всегда в легкой и непринужденной манере. Они полны сентиментальных замечаний, которые часто цитируются со времен Горация до наших дней.

Катулл и его современники подражали почти исключительно стихам александрийцев, греческих поэтов, то есть тех, кто процветал после того, как Греция потеряла свою независимость. Оды Гораций в своих "*Эподах*" пошел дальше и подражал Архилоху, а в своих "*Одах*", не пренебрегая александрийцами, он в основном следует по стопам Алкея, Сафо и Анакреона. Среди его од есть несколько, которые частично являются переводами сохранившихся фрагментов этих поэтов, и наверняка, если бы стихи ранних греческих лириков не были почти полностью утрачены, мы могли бы узнать многие из них в латинской версии в одах Горация. В одах также встречаются строки, напоминающие аналогичные отрывки из стихотворений Еврипида, Вакхилида и других греческих поэтов, но как по форме, так и по содержанию они по большей части являются подражанием трем великим ранним лирикам. Большинство од разделено на строфы по четыре строки в каждой, и во всех такое деление возможно, за одним исключением. Первые три книги "*Оды*" были опубликованы в 23 году до н. э., но их составление частично относится уже к 30 году до н. э. Первая книга содержит тридцать восемь стихотворений, вторая - двадцать, третья - тридцать. Первая ода первой книги служит посвящением Мекенасу, а в следующих за ней одах почти все метры, используемые в трех книгах, применяются один за другим. На протяжении всех трех книг разнообразие метра регулирует расположение. Вторая книга открывается одой, обращенной к Поллиону, а в начале третьей книги находятся шесть од, воспевающих в различных тонах славу Рима. Последняя ода третьей книги, начинающаяся словами

Exegi monumentum ære perennius,

Я воздвиг памятник бронзовый, более долговечный,
служит эпилогом к завершенному сборнику.

Темы од настолько разнообразны, что затрагивают почти все обстоятельства человеческой жизни и все настроения человеческого чувства. Дружба, любовь, боги, патриотизм, общение, удовольствия сельской жизни, события дня, философские размышления - все находит свое место. По тону оды серьезны и веселы, живы и безмятежны, иногда фантастичны, чаще задумчивы или, по крайней мере, разумны. Не раз в той или иной форме звучит мысль о том, что жизнь коротка и надо срывать ее цветы, пока они не увяли. Мастерство исполнения од удивительно в своем совершенстве. Гораций не из тех, кто считает, что совершенная поэзия приходит исключительно по вдохновению, без труда. Он не пишет ни одного слова, не будучи уверенным, что это лучшее слово на своем месте. Его метр соответствует мысли, которую он хочет выразить, а совершенство метра делает прекрасными даже простые или обычные мысли. Оды - это не пылкие излияния страстного духа, как некоторые стихи Катулла, а тщательно продуманное выражение мыслей и чувств мягкого, доброго, задумчивого, но веселого и юморного человека. Они не будоражат нашу кровь, но вызывают восхищение, удовлетворяют наш вкус и радуют нас своим тоном культурных и изысканных чувств. Разнообразие их содержания невозможно передать в подборках, как и все качества оды в переводе. Одна из самых коротких, но не менее привлекательных од - следующая, обращенная к своему виночерпию:

Пышность Персии, мой мальчик, я ненавижу;
Никаких короналов из цветов редких
Для меня на голых липовых косах,
И не ищи ты, где
Где пышная роза задерживается.

С неприхотливым миртом вьется,
И больше ничего! Он подходит к твоим бровям
Присутствуя при мне; она украшает мои.
Когда я в счастливой легкости резвлюсь
Под толстолистной лозой.⁷¹

Следующая ода отличается большим разнообразием и, возможно, более репрезентативна:
Одна ослепительная масса твердого снега,
Соракт стоит; гнутые леса боятся
Под их грузом, и, острым морозом
Морозом, ручьи перестали течь.

Навалите огромных печей и разбейте
Лед; пусть влияние более благотворное
Войдет с вином, хранившимся четыре года,
Налитым в громоздкий сабинский кубок;

Все остальное предоставьте богам. Когда они
Дали покой ветрам, что воют
Над страстными морями, больше
Серые ясени и кипарисы качаются и качаются.

Не спрашивайте, что принесут будущие солнца;
Считай сегодняшний день прибылью, какой бы она ни была
И, юноша, не пренебрегай танцем,

И не считай милую Любовь пустым занятием,

Пока время апрельскую юность не сменило
На кислинку. Парк и общественная прогулка
Привлекают тебя сейчас, и разговоры шепотом
На заранее назначенных встречах в сумерках.

Услышьте милый смех, который расскажет
В каком тусклом уголке таится твоя любовь,
И снимите браслет или перчатку
С запястья или руки, что едва ли восстанет.⁷²

Первая книга "Посланий". После публикации трех книг *од* в 23 году до н. э. Гораций вернулся к прежней манере стихосложения гекзаметрами, но придал сборнику из двадцати стихотворений, который он опубликовал в 20 году до н. э., форму писем или *Посланий*. Иногда это настоящие письма к друзьям, иногда сатиры или "беседы" в форме писем. Темы этих стихотворений столь же разнообразны, как и *сатиры*, но очевидно, что поэт больше обращается к философии. Он советует своим друзьям принимать вещи такими, какие они есть, не позволяя себе тревог и волнений (vi), учит стоической доктрине, что добродетели достаточно, чтобы сделать человека счастливым (xvi), выступает за спокойствие и избегание забот, призывает Тибулла (iv, 13) жить так, как будто каждый день для него последний. Но он также воспекает хвалу вину (v, 16 и далее) и спокойной жизни в деревне (x, xiv). В двух посланиях он дает практические советы по общению с высокопоставленными лицами, и различные практические предложения можно найти в других стихотворениях. В письме к Мекенасу (xix) он высмеивает своих подражателей и издевается над своими критиками. Двадцатое стихотворение - это обращение к своей книге, когда он отправляет ее в мир. В нем он предсказывает различные судьбы книги, а в конце сообщает свой возраст, говоря, что он четыре раза видел одиннадцать декабрей в год консульства Лепида и Лоллия. В этих письмах Гораций раскрывает свой характер полнее и деликатнее, чем в других своих произведениях. *Оды* - это произведения, по которым его всегда будут знать лучше всего, и которым он обязан своей великой славой поэта, но нигде так полно, как в *Посланиях*, он не раскрывает свои добрые и гениальные, но серьезные взгляды на жизнь, которые созревали с годами.

В седьмом *Послании* первой книги Гораций отказывается, по крайней мере в настоящее время, от приглашения Мекенаса, мотивируя это слабым здоровьем и тем, что ему необходим отдых в деревне и на морском берегу. В то же время он объясняет, как он хочет, чтобы его отношение к своему покровителю было понято. Он не паразит и открыто говорит, что должен сохранять свою свободу и не может быть подчинённым даже Мекенасу. В первом *Послании* (строки 4 и 10) он отказывается писать новые оды, потому что уже не молод и обращается к философии. Вторая книга *Посланий*. Такое же отношение раскрывается во втором *Послании* второй книги (строки 25 и 141 и далее). Поэт хотел уйти на покой и заняться философией; но у него был большой опыт в литературных делах, и в трех письмах,

написанных, вероятно, между 19 и 14 годами до н. э., он рассказывает о результатах этого опыта. Первое письмо адресовано Августу, второе - Юлию Флору. Эти два письма составляют вторую книгу "*Посланий*". *Ars Poetica*. Третье письмо, адресованное Пизонам, отцу и двум сыновьям, первоначально было опубликовано вместе с остальными, но вскоре было отделено от них и известно как *Ars Poetica*. Это не систематический трактат о поэзии, но взгляды Горация, почерпнутые частично из его собственного опыта, частично из прочитанного, изложены в легком стиле письма или беседы. Он настаивает на том, что в каждом стихотворении должна быть последовательная основная идея или сюжет, что персонажи драмы должны говорить так, как подобает их возрасту и положению, и должны быть взяты из жизни, советует быть осторожным в выборе темы, указывает, что никому нет дела до посредственных поэтов и что то, что однажды опубликовано, не может быть отозвано. На протяжении всего письма или трактата он постоянно внушает читателям свою убежденность в том, что хорошая поэзия - это результат упорного труда. В "*Ars Poetica*", как и в двух других письмах, разбросано множество критических и исторических замечаний.

Несмотря на свое желание оставить сочинение стихов и посвятить себя философии, Гораций не завершил свою карьеру лирического поэта, написав три книги од. В 17 году до н. э. было решено, что сивиллины требуют празднования *ludi saeculares*, которые должны были повторяться в конце каждого *saeculum*, или периода в сто десять лет. Важной частью празднования было исполнение гимна в честь Аполлона и Дианы. Его должен был исполнять хор из юношей и девушек чистого римского происхождения, у которых оба родителя были живы, а матери выходили замуж только один раз. Гораций получил просьбу Августа сочинить этот гимн и не смог отказаться от этой чести, благодаря которой он стал официальным поэтом-лауреатом Римской империи. *Carmen Saeculare*. Гимн, названный *Carmen Saeculare*, представляет собой несколько формальное стихотворение, как и подобает торжественному случаю, по которому он был впервые исполнен, но в нем проявляется настоящее религиозное чувство, смешанное с гордостью и уверенностью в римском величии. Это работа искусного художника и вдохновенного поэта.

Помимо того, что Август поручил ему написать "*Кармен Сэкуларе*", он потребовал от Горация песню или песни в честь своих пасынков, Тиберия и Друза. Четвертая книга "Оды". Гораций не смог отказаться и сочинил оды в честь побед Друза (IV, iv) и Тиберия (IV, xiv), к которым добавил еще тринадцать стихотворений, составив четвертую книгу из пятнадцати од, написанную, очевидно, в 17-13 годах до н. э. Четвертая книга од ничуть не уступает своим предшественникам ни в разнообразии форм, ни в совершенстве исполнения, и содержит большую долю возвышенных, патриотических стихов. Шестая ода, обращенная к Аполлону, кажется проэпием к *Carmen Saeculare*, или, во всяком случае, имеет некоторую связь с *ludi saeculares*. Пятая ода, адресованная Августу и призывающая его вернуться в Рим, и пятнадцатая, также адресованная Августу, о восстановлении мира, прославляют величие Рима и его правителя. Гораций, как и Вергилий, хотя и по-другому, был поэтом Римской империи.

Оглядываясь на литературную деятельность Горация, мы видим, что вначале он обращался к сатирам в гекзаметрах и эподам в простом эпическом метре. Литературная деятельность Горация. Затем он обогатил римскую литературу одами в подражание ранним греческим лирикам, чтобы впоследствии вернуться к своему первоначальному стилю в более изысканной форме эпистол. Только по приказу Августа он вновь стал сочинять сложные лирические произведения. Его лирические поэмы - это не естественные излияния чувств, а сознательные попытки приумножить красоту римской литературы и тем самым славу Римской империи. Именно этим стихам он обязан своей славой. Они не имеют себе равных

по достоинству, но являются самыми совершенными произведениями римской лирической поэзии. Как таковые они были признаны еще при жизни Горация, и как таковые они вызывали восхищение и любовь на протяжении всех последующих веков, никогда более чем в последние времена. Бесчисленные ученые, поэты и литераторы читали их с восторгом, и было много попыток передать их неповторимое очарование в переводах. Но их тонкая красота не поддается искусству переводчика. Никто, кроме самого Горация, не смог выразить его тонкое чувство и поэтическую фантазию в столь совершенной форме. *Сатиры* и *Послания* полны блестящих и остроумных изречений, критических и исторических замечаний; они бросают свет на общественную и литературную жизнь того времени и знакомят нас с характером поэта; но *Оды* - это "памятник более прочный, чем бронза", свидетельствующий о гении, промышленности, хорошем вкусе и, в некоторых случаях, о патриотическом духе самого совершенного из римских лирических поэтов.

ГЛАВА X

ТИБУЛЛ - ПРОПЕРЦИЙ - МЛАДШИЕ ПОЭТЫ

Римское общество - Амурная элегия - Корнелий Галл, 70-27 гг. до н. э. - Гай Вальгий Руф, консул 12 г. до н. э. - Альбий Тибулл, около 54 - около 19 гг. до н. э. - Лигдам, родился в 43 г. до н. э. - Сульпиций - Секст Проперций, около 50 - около 15 гг. до н. э. Домиций Марс, около 54 - около 4 гг. до н. э. - Альбинован Педо-Понтикус-Макер-Граттий-Рабирий-Корнелий Северус-Гай Мелисс и Фабула Трабеата-Манилий-Приапей-Поэмы, приписываемые Вергилию и Овидию.

За последнее столетие республики Рим из могущественного итальянского города превратился в хозяйку мира, и этот рост могущества сопровождался многими изменениями. Богатство правящих классов выросло в огромной степени. Греческое искусство и греческая литература стали привычными в виде оригинальных произведений и римских подражаний, а с ростом богатства и роскоши рука об руку шел рост безнравственности. Уже упоминалось о раннем распутстве Сезара и Саллюста, а также о любви Катутла к замужней женщине. Это были не единичные случаи, а лишь примеры того, что было слишком распространено. На самом деле человек, чья жизнь была чистой, был исключением в последние дни республики. Состояние общества. Женщины из богатых слоев также не были лучше мужчин. Римская матрона, которую обручили в двенадцать, а выдали замуж в четырнадцать лет, естественно, во многих случаях оказывалась в браке с человеком, к которому не испытывала симпатии и чье неприятное общество с радостью променяла на общество тайного любовника. Разводы были многочисленны и не сопровождались особым позором. Когда Август установил свою власть, он провел множество реформ в управлении городом и провинциями и издал законы, призванные обеспечить святость брака и семейной жизни, но его успехи в преодолении безнравственности были незначительными. Конечно, жизнь его избранных друзей и придворного круга в целом была чистой и даже, пожалуй, пуританской; но дух времени был настолько развращен, что даже его собственная семья не избежала этого. Аморальность его дочери Юлии стала, наконец, настолько печально известной, что она была изгнана из Рима и закончила свою жизнь в изгнании. Ее дочь Юлия походила на нее характером и встретила такую же судьбу. В последние годы правления Августа изгнания по моральным

соображениям были многочисленны, но навести порядок в жизни общества, в котором безнравственность перестала быть позорной, было невозможно.

Именно в этом обществе и для него римские элегики сочиняли свои стихи. Элегический стих использовался в седьмом и шестом веках до нашей эры Мимнермом, Тиртеем, Солоном и другими для выражения всевозможных личных чувств, а также в политических целях; но в александрийский период он был использован почти исключительно для любовных стихов. Элегия. Эта александрийская элегическая поэзия была введена в Риме некоторыми современниками Катутла, а в эпоху Августа она достигла замечательного развития. Римские элегики подражают александрийцам и, подобно им, вставляют в свои любовные стихи бесчисленные мифологические аллюзии и даже мифологические истории. Мода требовала, чтобы элегист был сведущ в греческой мифологии. Корнелий Галлус получил от грека Парфения сборник мифологических сказаний, чтобы помочь ему в выборе подходящих аллюзий на мифы. Возлюбленная поэта сравнивается с Юноной, Минервой или Венерой, Антиопой или Еленой; влюбленный смотрит на свою любовницу, как Аргус смотрел на Ио; верные жены сравниваются с Пенелопой или Алкестидой, неверные любовники - с Улиссом, покинувшим Калипсо, и Ясоном, оставившим Медею ради другой жены. Эти и подобные аллюзии смешиваются с фигурами, взятыми из деревенской жизни или с войны. Важную роль в поэмах играют бог Амор и его мать Венера. Амор поражает сердце поэта своими стрелами, ставит ногу на шею поэта, делает его своим рабом. Поэт воспевает красоту своей любовницы, называя ее вымышленным именем, но с той же длиной слогов, что и настоящее имя женщины, к которой обращены стихи. Поэт обычно беден, но преподносит свои песни как самое ценное подношение и приходит в негодование, если его любовнице кажется, что она заботится о богатстве или драгоценностях. Прекрасной женщине не нужны никакие украшения, а любовь к богатству позорна. Горести влюбленных, ложные обещания, неверность, беды любовника, проводящего целые ночи в ожидании у двери, муки, которые любовь причиняет сердцу, - все это повторяется снова и снова. Все это настолько условно, что трудно сказать, какая часть содержания этих стихов имеет хоть какую-то правду. Иногда строка явно предназначена для того, чтобы дать информацию о писателе, и в целом можно с уверенностью сказать, что стихи действительно были адресованы какому-то конкретному человеку, но сколько в выраженном чувстве подлинного, а сколько простого жеманства, определить невозможно. Детали - ночи, проведенные под ветром и дождем перед дверью, ссоры и примирения, путешествия и возвращения - могут быть основаны на реальных событиях из жизни поэта, а могут и не быть. Считать ли их историческими или нет, зависит от контекста; но очевидно, что многие детали чисто вымышленные.

Три главных элегика - Тибулл, Проперций и Овидий. Об Овидии, самом молодом и объемном, а также одном из самых одаренных поэтов Августа, будет лучше рассказать в отдельной главе. Корнелий Галл. Несколько старше Тибулла и Проперция был Корнелий Галл, чьи элегии вызывали восхищение современников, но от которых почти не осталось следов. Галл родился на Форуме Юлиев (Фрежюс) в 70 году до н. э. Он был школьным товарищем Августа, командовал некоторыми войсками в войне против Антония и удерживал город Парэтониум, когда Антоний напал на него. Затем он был префектом Египта, но при этом отпускал оскорбительные замечания в адрес Августа и демонстрировал свою гордость, устанавливая статуи в различных местах Египта и высекая свое имя на пирамидах. Когда Август отозвал его с позором, его кредиторы подали на него в суд, он был приговорен к изгнанию, а его имущество конфисковано. Не в силах вынести своих бед, он покончил с собой в возрасте 43 лет. Больше всего его помнят по дружбе с Вергилием, который выразил свою благодарность ему в шестой и десятой *эклогах* и, возможно, в оригинальном окончании *Георгик*. Элегии Галла в четырех книгах были адресованы Ликорису, актрисе низкого происхождения и

распущенных нравов, чье сценическое имя было Цитерис. Помимо элегий, Галлус написал переводы с греческого Эвфориона. Валгий. Другим автором элегий был Гай Вальгий Руф, друг Горация, который был консулом в 12 году до н. э. От его элегий, посвященных мальчику по имени Мистес, мало что осталось, но о них говорит Гораций и ими восхищается автор панегирика Мессалле. Вальгий также написал несколько научных работ, среди которых трактат по медицине и перевод риторики Аполлодора.

Альбий Тибулл родился близ Педума в Лациуме, вероятно, около 54 года до н. э. и был, если верить "Жизни Тибулла", содержащейся в лучших рукописях его сочинений, всадником. Тибулл. Он унаследовал большое имущество, но потерял большую его часть, возможно, во время конфискаций 41 года до н. э. По всей видимости, оно было возвращено ему Мессаллой, о котором он отзывается с большой любовью. Он последовал за Мессаллой на Восток вскоре после битвы при Актиуме, но был задержан болезнью на Корсире. Он также сопровождал Мессаллу в его кампании в Аквитании. Больше о его жизни ничего не известно, кроме его любви к Делии, которая, судя по всему, была замужней женщиной низкого происхождения (*libertina*), и к Немезиде, которая, по-видимому, идентична Глицере, упоминаемой Горацием (*Od.* I, xxxiii, 2). Тибулл умер около 19 года до н. э. Он был другом Горация, им восхищался Овидий, но нет никаких доказательств того, что они с Проперцием были знакомы.

Тибуллу приписывают четыре книги элегий, но не все они действительно являются его произведениями. По всей видимости, сборник был составлен в литературном кружке Мессаллы, и к стихам Тибулла были добавлены стихи менее известных членов кружка. Элегии к Делии и Немезиде. Десять элегий первой книги, адресованные Делии и юноше по имени Маратх, несомненно, принадлежат Тибуллу и были опубликованы при его жизни. Шесть элегий второй книги, обращенных к Немезиде, были написаны, по-видимому, несколько лет спустя. Они остались незаконченными Тибуллом и были опубликованы после его смерти. Шесть элегий, опубликованных в Книге III, написаны поэтом, который называет себя Лигдамусом. Лигдамус. Ни один поэт с таким именем не известен, и, вероятно, это псевдоним. Кто бы ни был автором этих стихов, он принадлежал к кругу Мессаллы, родился в 43 году до н. э. и был знаком со стихами Тибулла, Горация, Проперция и Овидия. Эти элегии обращены к Неэре, которая, вероятно, была двоюродной сестрой поэта и либо замужем, либо обручена с ним. Они значительно уступают элегиям Тибулла. Им не хватает разнообразия и воображения, а в техническом исполнении они лишены того изящного очарования, которым отличаются подлинные стихи Тибулла. Остальные поэмы, приписываемые Тибуллу, в большинстве изданий печатаются как IV книга, хотя в рукописях они составляют часть III книги. Первая из них - *панегирик Мессалле*, написанный в честь его консульства в 31 году до н. э. Эта поэма, написанная гекзаметрами, демонстрирует отсутствие вкуса и любовь к риторическим преувеличениям, совершенно чуждые Тибуллу. Лигдамус не может быть его автором, ведь во время консульства Мессаллы ему было всего двенадцать лет. Несомненно, она была написана кем-то из окружения Мессаллы и включена в сборник вместе с поэмами Тибулла из-за своей темы. Другие поэмы IV книги посвящены любви племянницы Мессаллы Сульпиции к молодому греку по имени Церинф. Сульпиция. Пять элегий под номерами viii-xii написаны Сульпицией к Церинфу. Это очень короткие стихотворения - ни одно не содержит более восьми строк, но они выражают подлинное чувство в прекрасной форме, хотя и без изысканности и сдержанности. Седьмая элегия, состоящая из десяти строк, скорее принадлежит Тибуллу, чем Сульпицию. Элегии ii-vi и xiii,

очевидно, написаны Тибуллом, а эпиграмма из четырех строк, которой завершается книга, вызывает сомнения в авторстве.

Элегии Тибулла менее образованны, чем элегии его современников. В них много мифологических аллюзий, но они выражены просто и не составляют слишком большой части стихотворений. Выражаемые чувства не мужественные и сильные, а нежные и задумчивые. Тибулл любит жизнь страны и ненавидит войну; он глубоко чувствует горе, которое угнетает влюбленного; мысль о смерти тяготит его; но любовь всегда в его сердце. Его стихи - шедевры экспрессии и стихосложения, хотя им и не хватает огня страстных чувств. Два кратких отрывка [73](#) из третьей элегии первой книги могут дать хотя бы некоторое представление о качестве его чувств:

Пока ты, Мессалла, бороздишь Эгейское море,
О иногда любезно вспомни обо мне;

Меня, несчастного, берега Феакии держат,
Неизвестный, не знающий жалости и угнетенный болью.
Но пощади меня, Смерть, ах, пощади меня и удались;
Здесь нет плачущей матери, чтобы зажечь мой костер;
Здесь нет сестры, с горем сестры,
Богатые сирийские запахи на кучу бросить;
Но нет здесь и главной, нежной спутницы моей души,
Ее локоны, чтоб распустить, и печаль над моим одром.

Так начинается стихотворение. Поэт сетует на вынужденную задержку на Корсире, где его задержала болезнь. Далее следует перечисление дурных предзнаменований, предупреждавших Тибулла не отправляться из Рима, а затем молитва к Исиде о помощи. Вводится краткое описание Золотого века, и поэт молится, чтобы Иов даровал ему жизнь:

Но, если сестры объявили мою погибель,
На моей скромной могиле начертано вот что:
"Здесь лежит юный поэт,
Вдали от Делии и родных небес,
Вдали от любимой Месаллы, за которой, чтобы угодить
Тибулл следовал за ним по суше и морям".

Остальная часть поэмы состоит из описания нижнего мира и обращения к Делии. Ни один перевод не может в точности передать те качества выражения, которые делают Тибулла одним из величайших среди малых римских поэтов. Только после многократного прочтения

его стихов можно оценить легкость прикосновений и техническое совершенство этого сладкого певца нежных тем.

Секст Проперций родился в Умбрии, вероятно, в Асизиуме (Ассизи), около 50 года до н. э., так как он был моложе Тибулла и старше Овидия, чье рождение пришлось на 43 год до н. э. Проперций был родом из Умбрии. Его семья занимала важное положение и, должно быть, была богатой, так как, хотя Проперций, чей отец уже умер, потерял часть своего имущества во время конфискации 41 года до н. э., его хватило, чтобы содержать его и дать ему хорошее образование. Мать отвезла его в Рим, где он некоторое время изучал право, но бросил это занятие ради поэзии. После публикации первой книги своих элегий Проперций был представлен Мекенам, которым впоследствии посвятил два стихотворения (II, i; и III, ix). Однако, судя по всему, он был с ним менее близок, чем с Горацием и Вергилием. Проперций нигде не упоминает Горация, а если Гораций и ссылается на него, то только без упоминания его имени. Он был горячим поклонником Вергилия и другом Овидия. О его жизни известно немного, и только потому, что в его стихах нет ссылок на события, произошедшие позднее 16 года до н. э., предполагается, что его смерть наступила около 15 года до н. э. Из двух отрывков в письмах младшего Плиния, где говорится, что некий Пассен Пауллус происходит от Проперция, следует, что поэт женился и оставил по крайней мере одного ребенка.

Проперций - поэт любви, который, как немногие поэты, выражает нежные чувства сердца. Стихи Проперция. Его стихи страстны и чувственны, в них нет задумчивой меланхолии Тибулла или легкомыслия Овидия. Объект его любви - Синтия, настоящее имя которой Хостия. Она была куртизанкой, но образованной и с утонченным вкусом, красивой и привлекательной. Именно она вдохновила его на первые стихи, и только в последней книге она перестает быть главной темой его стихов. Поэмы дошли до нас в четырех книгах, вторая из которых, однако, состоит из двух неоконченных. Появление первой книги сделало Проперция знаменитым и ввело его в круг Мекенаса. Естественно, Мекенас пожелал, чтобы он воспевал хвалу Августу и Римской империи, и с этого времени Синтия перестает быть исключительной темой его стихов. В четвертой книге (пятой во многих изданиях) есть четыре поэмы о римских древностях, в подражание Αἰτίαι ("Причины") Каллимаха. Однако любовь - это та тема, к которой Проперций естественно обращается. Его стихи полны заученных мифологических аллюзий, а описываемые или изображаемые ситуации, несомненно, по большей части вымышлены, но страстная природа любви поэта проявляется сквозь всю его ученость и выдумку. Даже если он не прошел через все надежды и страхи, смены любви и ненависти, радости и печали, ревности и примирения, которые изображены в поэмах с таким богатством иллюстраций и такой красотой языка, он знал, как мало кто знал, изменчивые страсти влюбленного сердца. Для современного читателя его страсть слишком чувственна, а эрудиция слишком навязчива; но выраженное искреннее чувство делает его стихи прекрасными, несмотря на иногда встречающуюся грубость и постоянную демонстрацию мифологической учености. Проперций отличается звучным богатством своих строк, а в техническом исполнении стиха он аккуратен и точен. В его ранних стихах в конце пентаметра беспрепятственно допускаются слова из трех и четырех слогов, но в поздних стихах пентаметр обычно заканчивается словом из двух слогов, что свидетельствует о том, что Проперций был склонен следовать в этом отношении правилу Овидия. Как и другие римские поэты, Проперций исповедует подражание грекам. Особенно он подражает Каллимаху и Филету, поэтам александрийского периода.

Одним из самых коротких его стихотворений, свободных как от грубости, так и от демонстрации образованности, является следующее, посвященное отсутствию Синтии:

Зачем беспрестанно мою причудливую лень упрекать,

Как до сих пор в сознательном Риме любовь медлит?
Широко, как По от Гипаниса, раскинулось
Расстояние, что отделяет ее от моей постели.
Больше она не обнимает меня ласковыми руками,
И не звучит в ушах моих ее нежный шепот.
Когда-то я был дорог ей; не мог влюбленный сгореть
Такой нежной и верной отдачей.
Да, мне позавидовали, - Может, бог какой-то
Меня раздавил? Или волшебная трава, что любовь разрушает,

Собранная на Кавказе, околдовала мое пламя?
Нимфы меняются на расстоянии; я уже не та, что прежде.
О, что за любовь пролетела, как ветер,
И не оставила следа!
Теперь я грущу, считая долгие ночи в одиночестве;
И мой стон пугает уши.
Счастлив юноша, который плачет, когда его любовница рядом;
Любовь с такими слезами смешала экстаз:
Счастлив тот, кто, будучи презираем, может изменить свой пыл;
Удовольствия переведенных уз сладки.
Я не могу любить иначе, и не уйду;
Ведь Синтия, первая и последняя, Госпожа сердца моего.⁷⁴

В эпоху великих поэтов обязательно найдется множество поэтов послабее. Овидий в одном из своих писем⁷⁵ упоминает двадцать три поэта эпохи Августа, и его список не является исчерпывающим. Малые поэты эпохи Августа. Об этих мелких писателях известно немного, и лишь немногие из их произведений сохранились даже во фрагментах. Домиций Марс, живший примерно с 54 по 4 год до н. э. и принадлежавший к кругу Мекенаса, написал серию эпиграмм под названием *Cicuta* (ядовитый болиголов), которая пользовалась большой известностью, несколько элегий о Меленисе, эпическую поэму об амазонках и трактат *De Urbanitate* (об изысканности выражения). Альбинован Педо был также автором эпиграмм и эпическим поэтом. Один из его эпосов, "*Тесеи*", повествует о деяниях Тесея, другой - о путешествии в океан, вероятно, о путешествии Германика в 16 году до н. э. Фрагмент из двадцати трех строк содержит яркое описание посадки на мель нескольких судов в ночное время, что свидетельствует о том, что автор был поэтом с определенными способностями. Из поэмы об охоте (*Cynegetica*) Граттия сохранился пятьсот сорок один гекзаметр, не

отличающийся особыми поэтическими достоинствами. Лишь несколько коротких фрагментов сохранилось от поэмы о египетской войне

Августа, написанной Рабирием. Корнелий Север написал поэму о римской истории (*Res Romanæ*) и, возможно, другие эпосы. Самый длинный из сохранившихся фрагментов состоит из двадцати пяти строк, посвященных смерти Цицерона, и свидетельствует скорее о риторических, чем о поэтических способностях. Друзья Овидия, Понтик и Мацер, а также некоторые другие, написали мифологические эпосы. Ямбические стихи сочинял Басс, а другие поэты приобрели большую или меньшую известность благодаря различным видам поэзии.

Гай Мелисс, вольноотпущенник Августа из Сполетума, по профессии был библиотекарем. Фабула Трабеата. Он был родоначальником *трабеатской фабулы*, названной так *от трабеи*, отличительного костюма конного сословия. Это была национальная комедия, отличавшаяся от *басни* Титиния и Атты (см. стр. 29) рангом изображаемых лиц, так как в *басне Тогата* герои были выбраны из низших сословий, а *басня Трабеата* была комедией высшей жизни. Ее популярность была недолгой, и она исчезла, не оставив следов своего существования. Мелисс также составил сборник юмористических рассказов (*Ineptiæ*) в ста пятидесяти книгах и, по-видимому, был автором нескольких научных трактатов.

Поэма об астрономии и астрологии (*Astronomica*), приписываемая в некоторых рукописях неизвестному Марку или Гаю Манилию, является дидактической поэмой необычного достоинства. Манилий. В том виде, в котором она сохранилась, она состоит из пяти книг, последняя из которых неполная. Если, что вполне вероятно, когда-то существовала шестая книга, то все произведение содержало около пяти тысяч строк. Даже в своем нынешнем состоянии это самая длинная дидактическая латинская поэма, за исключением "*De Rerum Natura*" Лукреция. Поэма в целом довольно неинтересна, но в ней есть отрывки, отличающиеся большой энергией, независимостью мысли и замечательной силой выражения. Автор легко владеет гекзаметрическим стихом, в чем превосходит Лукреция; но при всем своем мастерстве стихосложения, серьезности, образованности и оригинальности он не может полностью преодолеть прозаический характер своей темы. Поэма неровная, временами прозаическая, временами риторическая, не часто, если вообще когда-либо, поднимающаяся на возвышенные высоты поэтической фантазии, но серьезная и задумчивая. Значительная часть ее посвящена астрологии, в других частях описываются небесные тела. Во вступлениях к нескольким книгам и в отступлениях представлены теории о происхождении мира, природе человека и силе судьбы, показывающие, что автор принимает в основном стоические доктрины в противовес эпикурейским учениям Лукреция. Так, он утверждает, что мир - продукт не слепых сил, а божественной воли:

Кто может поверить, что массы такого размера

Образовались из частиц без помощи Бога,

И что мир возник вслепую?

Если случайность дала нам это, пусть правит случайность.

Но почему же мы видим, как в порядке очереди

Созвездия восходят и, как будто

По приказу, как положено, проходят свой путь,
Не торопясь, не оставляя остальных позади?
Почему одни и те же звезды украшают ночи
Летом всегда, и те же звезды
зимние ночи? И почему каждый день
Возвращает миру его форму и оставляет его неподвижным?⁷⁶

Для оживления поэмы в нее вставлены различные мифологические сюжеты, но автору не хватает мастерства повествования. Самый замысловатый из этих эпизодов, в котором рассказывается история Персея и Андромеды,⁷⁷ демонстрирует, однако, хорошие описательные способности и живую риторику. Манилий не великий поэт, но он не без успеха обращается с новой для римской поэзии темой и показывает себя человеком оригинальной силы ума и серьезной цели. При всех своих недостатках "*Астрономика*" имеет и большие достоинства.

Известны имена многих августовских поэтов, чьи произведения погибли. С другой стороны, сохранилось несколько стихотворений неизвестных авторов. Приапея. Любопытный сборник из восьмидесяти коротких стихотворений в элегическом и лирическом стилях, обращенных к богу Приапу или, по крайней мере, написанных со ссылкой на него, относится в основном к этому периоду. Статуи Приапа, бога садов и плодородия, устанавливались в общественных парках, в садах и других местах, и большинство "*Приапеи*", как называются эти короткие поэмы, предположительно были начертаны на таких статуях или прикреплены к ним. Многие из стихов крайне непристойны, но многие хорошо написаны и остроумны.

Гораздо интереснее "*Приапеи*" стихи, ложно приписываемые Вергилию и содержащиеся в рукописях его произведений. *Culex*. Три из них - "эпиллии", или короткие эпосы, написанные, как и подлинные произведения Вергилия, гекзаметровым стихом. Первая, под названием *Culex*, "Мошка", рассказывает в четырехстах четырнадцати строках о том, как пастух, уснувший в полуденный зной, был готов быть убитым ядовитой змеей, когда его ужалила мошка, и, пробудив его к опасности, спасла ему жизнь. Проснувшись, пастух убил мошку, душа которой после этого явилась ему во сне и упрекнула его. В конце концов пастух воздвигает в честь мошки погребальный курган. Поэма представляет собой шуточный эпос, задуманный как юмористический, но не очень удачный. По стихосложению она имеет большое сходство с подлинными произведениями Вергилия, а также в некоторых отношениях с произведениями Овидия. Поэма под названием *Culex* приписывается Марциалом и Стацием юным годам Вергилия, но метрические качества существующей поэмы показывают, что она не могла быть написана до более позднего времени. Либо, *fore*, Марциал и Стаций ошиблись, либо это не та поэма, на которую они ссылаются.

Второе произведение, озаглавленное "*Цирус*", немного длиннее "*Кулекса*". Цирус. В этой поэме, написанной, очевидно, кем-то из круга Месаллы, рассказывается о Сцилле, которая стала причиной смерти своего отца Ниса и предала родной город из-за любви к Миносу, предводителю армии захватчиков. Ее протащили по воде на корме судна, но боги сжалились над ней и превратили ее в морскую птицу цири. Ее отец был возвращен к жизни и превратился в морского орла. Моретум. Третья поэма, "*Моретум*" (это слово обозначает что-то вроде салата, который едят крестьяне), содержит всего сто двадцать четыре строки. Это

небольшое стихотворение, идиллическое по характеру и прекрасно написанное. В ней описывается, как бедный крестьянин и его рабыня-негрityнка ранним утром готовят *сморчки*. Считается, что эта поэма - подражание греческому оригиналу Парфения. Возможно, хотя и маловероятно, что она написана Вергилием. Копа. Четвертая поэма - "Копа" ("Буфетчица"), состоящая всего из тридцати восьми строк элегического стиха. Она связана с буфетчицей придорожной таверны, умна и интересна, но не обладает ни одним из достоинств поэм Вергилия. Однако она, без сомнения, относится к эпохе Августа. *Дирæ*, которая также включена в рукописи Вергилия, относится, как уже было сказано (стр. 63), к более раннему времени, а *Этна* - к последующему периоду. Этна. Состоит из шестисот сорока шести гекзаметров, в которых описываются извержения вулканов и делается попытка их объяснить. Поэтических достоинств у нее немного, но она показывает, что даже бездарный поэт может написать хорошие гекзаметры. Остальные короткие стихотворения, приписываемые Вергилию, не представляют особого интереса и значения, хотя одно из них - комическая ода в честь старого муловода - является отличной пародией на стихотворение Катулла, адресованное его старой яхте.

Нух. Элегия под названием *Нух* (Ореховое дерево) и *Consolatio ad Liviam* (Утешение Ливии), приписываемые Овидию, являются подражаниями писателям более позднего времени и не имеют особых достоинств. *Нух* - это жалоба дерева на плохое обращение с ним прохожих. *Consolatio ad Liviam* предположительно адресовано Ливии, жене Августа, в связи со смертью ее сына Друза в 9 году до н. э.

ГЛАВА XI

ОВИД

Овидий, 43 г. до н. э. - 18 г. н. э. Его жизнь - Стихи о любви - Фасты - Метаморфозы - Стихи, написанные после его изгнания - Его качества и влияние.

Публий Овидий Насо родился в Сульмо, в стране пэлигнов, в 43 году до н. э., 20 марта. Жизнь Овидия. Он принадлежал к богатой конной семье и вместе со своим старшим братом получил хорошее образование в Риме, занимаясь риторикой под руководством Арелия Фуска и Порция Латро. Он также учился в Афинах и некоторое время путешествовал с поэтом Мацером по Азии и Сицилии. Приняв *тогу вирилиса*, он занимал две мелкие должности, сопутствующие началу senatorской карьеры, и работал третейским судьей в частных делах. Но, несмотря на уговоры отца, он отошел от общественной жизни и посвятил себя поэзии. Это решение, по его собственному утверждению, отчасти объяснялось его хрупким телосложением, но главной причиной, вероятно, была любовь к поэзии и удовольствиям, а также отвращение к серьезным делам. Его положение в обществе было превосходным. Он был близок с Мессаллой и его окружением, у него было много друзей среди столичных литераторов. Вергилия, по его словам, он только видел, но был близок с Тибуллом, Проперцием, Понтиком и Бассом. Он был женат трижды. Его первая жена, на которой он женился в ранней юности, была "ни достойной, ни полезной"⁷⁸, и со второй он тоже вскоре расстался, хотя и не обвиняет ее ни в чем. Третья жена, из семьи Фабиан, осталась верна ему, а он - ей. У него была одна дочь, у которой, в свою очередь, было двое детей. Его легкая и светская жизнь в Риме внезапно оборвалась в 8 году нашей эры. Императорский эдикт

сослал его в Томи, на берег Понта (Черного моря). "Два обвинения, - пишет он, - погубили меня: поэма и ошибка, но я должен умолчать о вине одного из этих деяний. Я не настолько важен, чтобы возобновлять твои раны, Сезар, поскольку более чем достаточно того, что ты уже однажды пострадал. Остается другая часть, в которой я, как автор гнусной поэмы, обвиняюсь в том, что являюсь учителем непристойного прелюбодеяния".⁷⁹ Поэма, о которой идет речь, может быть не чем иным, как *Ars Amatoria*; но она была опубликована за десять лет до изгнания поэта. Истинную причину его приговора следует искать в обвинении, о котором он умалчивает, боясь ранить Августа. Возможно, он был посвящен в интригу между Юлией, внучкой Августа, и Децимом Силаном. Овидий оставался в изгнании в Томи до своей смерти в 18 году н.э. D.

Стихи Овидия делятся на три части: любовные поэмы в элегическом метре, произведения ранних лет; античные и мифологические поэмы (*Фасты* в элегическом стиле и *Метаморфозы* в гекзаметрах), написанные до его изгнания; и поэмы, написанные элегическим стихом в Томи. Стихотворения Овидия. Точный хронологический порядок любовных поэм установить трудно, так как первая серия элегий, "*Аморей*", вышла в двух изданиях, сначала в пяти книгах, затем в трех. Сохранилось более позднее издание. Большинство элегий, вероятно, было написано между 22 и 15 годами до н. э. *Героиды*, письма мифических героинь к отсутствующим мужьям или возлюбленным, были написаны вскоре после *Аморес*, затем последовала поэма *Об уходе за лицом* (*De Medicamine Faciei*), затем *Ars Amatoria* (*Искусство любви*) и *Remedia Amoris* (*Лекарства от любви*). Последние две, по-видимому, были опубликованы между началом 1 года до н. э. и концом 1 года н. э. D., но не обязательно были полностью написаны в течение этих двух лет.

Три книги "*Амореса*" содержат сорок девять элегий, почти все из которых являются любовными стихами. *Аморес*. Среди сравнительно небольшого числа элегий на другие темы наиболее известными и интересными являются элегия на смерть Тибулла (III, ix) и описание праздника Юноны (III, xiii). Любовные стихи в значительной степени обращены к Коринне, которая кажется плодом воображения поэта, а не реальным человеком под вымышленным именем, как Лесбия Катулла, Делия Тибулла и Синтия Проперция. Любовные стихи Овидия - это не выражение его собственных чувств к какому-либо человеку, а средство, с помощью которого он демонстрирует свое удивительное мастерство стихосложения и живое воображение. От начала до конца поэмы демонстрируют полное отсутствие серьезной цели. Все превратности долгого любовного романа рассматриваются с одинаковой легкостью и изяществом. Коринна больна, она уезжает, получает письмо, на которое отвечает неблагоприятно, ее попугай умирает, и возлюбленный оплакивает его в элегии; но нигде не проявляется настоящее чувство. Поэт, кажется, хочет дать полную серию картин чувств и поведения влюбленного при всех возможных обстоятельствах, и его живое воображение легко играет со всеми различными фазами страсти, но это все игра. Некоторые из стихотворений основаны на греческих оригиналах, многие содержат мифологические аллюзии, некоторые отягощены александрийской ученостью, некоторые безобидно спортивны, другие крайне непристойны, но все они одинаково искусны в техническом исполнении и лишены подлинного чувства. В этих, самых ранних стихах Овидий уже является самым блестящим из римских элегиков. Легкое течение его стиха достойно восхищения. Правила, согласно которым каждый дистих должен образовывать законченное предложение или, по крайней мере, выражать самостоятельную мысль, а каждый пентаметр должен заканчиваться словом из двух слогов, придают большое единообразие каденции стихов, но, несмотря на это, разнообразие выражений и искусная риторика сохраняют стихи от монотонности. Только однообразие темы и отсутствие настоящего чувства делают "*Аморес*" утомительными для современного читателя.

Тема *Амореса* продолжена в *Героидах*, но в другой форме. Героиды. Предполагается, что элегии представляют собой письма пятнадцати знаменитых женщин древности - Пенелопы, Бризеи, Федры и других - к своим отсутствующим возлюбленным или мужьям. Форма поэтического любовного письма была известна александрийцам и однажды использовалась (IV, iii) Проперцием, но впервые стала популярной в Риме благодаря Овидию, который также, по-видимому, первым стал писать в образе мифологических личностей. Вскоре после публикации писем Овидия от героинь ответы, по крайней мере, на некоторые, были написаны Сабином.⁸⁰ Эти ответы утрачены, но в конце "*Героиды*" мы имеем три пары писем. Парис, Леандр и Аконтий пишут соответственно Елене, Геро и Цидиппе, и каждая женщина пишет ответ. Эти шесть писем настолько близки к стилю Овидия, что только тщательное изучение привело лучших критиков к мнению, что это не его работа, а искусное подражание какому-то неизвестному современнику. В "*Героидах*", как и в шести упомянутых письмах, тот факт, что авторами являются известные мифологические личности, придает поэмам интерес и драматизм, которого нет в "*Аморесах*", но общий характер произведений остается тем же.

Книга "*Об уходе за лицом*" сохранилась плохо, так как обрывается после ста строк. Во введении сравнивается высокоразвитая культура эпохи Августа с грубой простотой более ранних времен. Об уходе за лицом. Возможно, служанки и матроны древности и не заботились о своей красоте, но римские девушки настоящего времени должны вести себя иначе, поскольку даже мужчины больше не заботятся о своем лице. Конечно, характер важнее личной красоты, ведь характер остается, а красота быстротечна. До этого момента поэма привлекательна, но остальная часть, состоящая из рецептов косметических средств с точными указаниями относительно веса и меры различных ингредиентов, настолько неинтересна, что о потере последней части поэмы вряд ли стоит сожалеть.

Искусство любви" - одна из самых безнравственных поэм на свете. *Искусство любви*". В первой книге юноши получают наставления, как найти и соблазнить желанных любовниц, во второй - как сохранить расположение девушек, а в третьей - как завести любовника. Любовь, о которой пишет Овидий, - это всего лишь чувственная страсть, а не соединение душ, и три книги его систематических наставлений по искусству обольщения были бы совершенно утомительны, если бы их не оживляли некоторые яркие описательные отрывки и мифы, а также душещипательные строки житейской мудрости. Примечательный отрывок в первой книге⁸¹ восхваляет римское величие и Августа, чтобы подвести к упоминанию о триумфальном шествии; а упоминается оно потому, что в толпе зрителей молодой человек может завязать знакомство с девушкой. О римских женщинах в театре Овидий говорит:

Spectatum veniunt, veniunt spectentur ut ipsæ,

Они приходят, чтобы видеть, и чтобы их видели самих,

и многие другие строки демонстрируют острую наблюдательность, знание человечества и не мало юмора; но, несмотря на эти красоты деталей, поэма в целом настолько неинтересна, что ее безнравственность, вероятно, не принесла большого вреда.

Книга "*Лекарство от любви*" предлагает различные способы освобождения от уз страсти. Лекарство от любви. Рекомендуются активная деятельность и путешествия; влюбленному, жаждущему свободы, советуют подумать о недостатках своей любовницы и о расходах, которые она ему причиняет; ему советуют заставить ее показать свои недостатки; его призывают влюбиться в другого, избегать напоминаний о возлюбленной, когда она отсутствует, и избегать поэзии, музыки и танцев. Все это достаточно неинтересно, но эта поэма, как и *Ars Amatoria*, содержит множество прекрасных деталей. *Remedia Amoris* - последняя из поэм Овидия на тему любви. От начала до конца его любовные поэмы

демонстрируют величайшую легкость и беглость выражения, превосходное владение техникой, богатое воображение, остроумие и юмор, но почти абсолютное отсутствие настоящего чувства и серьезной цели.

С появлением "*Фастов*", или календаря римских праздников, поэзия Овидия становится более серьезной. Фасты. Когда была начата эта работа, определить невозможно, но, вероятно, она занимала часть времени поэта в течение нескольких лет. Описание праздника Юноны в "*Амореях*" (III, xiii) свидетельствует об интересе к религиозному ритуалу, и, возможно, Овидий задумал написать "*Фасты*" еще до публикации "*Ars Amatoria*". Как бы то ни было, "*Фасты*" так и не были завершены. По замыслу поэма должна была состоять из двенадцати книг, по одной на каждый месяц года, и была посвящена Августу; но, когда шесть книг были написаны, работа была прервана изгнанием Овидия. После смерти Августа Овидий приступил к пересмотру поэмы и приложил к ней посвящение Германику, но пересмотр не продвинулся дальше первой книги. Поскольку в этой книге содержатся ссылки на события, произошедшие уже в 17 году нашей эры. Д., то все произведение в том виде, в котором мы его имеем, должно быть, было опубликовано после смерти Овидия.

Поэтические описания праздников с рассказами об их происхождении были написаны александрийцами, в частности Каллимахом, а четыре элегии Проперция (см. с. 135) ввели подобные темы в римскую поэзию. Овидий взялся за систематическую обработку всех римских праздников, расположив их в соответствии с днями, в которые они происходили. Такое расположение часто приводит к тому, что связанные мифы оказываются сильно разделенными, а один и тот же миф рассматривается в нескольких местах, что разрушает поэтическое единство произведения. Кроме того, поэт в силу своей темы вынужден рассматривать астрономические и античные аспекты календаря, и этот двойной интерес разрушает гармонию поэмы. Овидий не был внимательным учеником астрономии, и астрономические части его произведения содержат несколько серьезных ошибок; но они интересны своими четкими описаниями, разнообразием выражений и мифами, связанными со звездами. Дни, знаменующие важные события в римской истории, рассматриваются с особой полнотой, и поэт использует любую возможность для выражения патриотических чувств, восхваления Августа и семьи Юлиев. Описания праздников представляют собой живые и красивые картины римской жизни. События времен самого поэта или раннего, мифического периода описываются с большим разнообразием, иногда с подробными деталями, иногда более кратко, но всегда с легким и привлекательным изяществом. Причины или происхождение праздников и обычаев вводятся по-разному: иногда появляется бог и открывает их, иногда о них рассказывает друг или современник поэта, или опять же поэт рассказывает о них, не приводя никаких авторитетов. Греческие мифы, о которых повествует Овидий, заимствованы из многочисленных собраний подобного материала, знакомых римлянам времен Овидия; и даже в том, что касается римских легенд, Овидий, вероятно, не проводил оригинальных исследований. Грамматик Веррий Флакк составил прозаический календарь с объяснениями установленных обычаев, относящихся к каждому дню, и, вероятно, именно из него Овидий почерпнул большую часть своих античных сведений. Книги, из которых Овидий черпал свои сведения, утеряны, а его работа сейчас является одним из главных источников, из которого мы можем почерпнуть знания о римских ритуалах, верованиях, религиозных древностях и даже топографии, поскольку Овидий часто упоминает относительное расположение храмов и других зданий. Поэтому для изучающего римскую жизнь шесть книг "*Фастов*" имеют огромное значение. Не меньшее значение они имеют и для изучающего римскую поэзию, ведь они изобилуют красивыми и живыми

описаниями и интересными историями, а патриотические чувства, красноречиво выраженные в некоторых отрывках, показывают, что Овидий был чем-то большим, чем небрежным, легкомысленным автором продажных любовных стихов. По красоте исполнения, живости описания и беглому изяществу повествования многие части *"Фастов"* не уступают ни одному произведению римской литературы, не считая даже *"Метаморфоз"* самого Овидия.

Пятнадцать книг *"Метаморфоз"* - величайшее достижение Овидия. Когда он начал работу, мы не знаем, но, по его собственному утверждению,⁸² он закончил ее к моменту своего изгнания, хотя и не переработал и не довел до совершенства к своему удовлетворению. В своем горе он бросил рукопись в огонь и сжег ее, но, видимо, было сделано несколько копий, так что произведение сохранилось. Первые строки поэмы объясняют ее цель:

О формах, трансмутированных в тела новые

Мой дух движется, чтобы рассказать. Вы, боги (ибо вы

И изменили их), одарите мою задачу своим благосклонным дыханием,

И к моим временам непрерывным ведите песнь.

Этот великий сборник мифов почти сразу же стал и с тех пор остается главным источником народных знаний о мифологии. Поэты и художники черпали свои представления о древних богах и героях у Овидия даже больше, чем у Гомера. В качестве мифов выбраны те, в которых происходит метаморфоза, или изменение формы. Подобные сборники уже составлялись несколькими александрийскими писателями, но Овидий, по-видимому, был первым, кто расположил эти истории в непрерывном порядке от начала мира до своего времени. Удивительное мастерство, с которым осуществляется переход от одной истории к другой, быстрота и беглость повествования, обилие очаровательных описательных пассажей и неизменное разнообразие выражений делают эту книгу одной из самых замечательных поэм. Количество рассказанных историй настолько велико, что их перечисление было бы утомительным, но краткое упоминание и характеристика некоторых из них, наиболее важных, покажут масштаб и разнообразие произведения.

После описания сотворения мира Овидий рассказывает о четырех веках (золотом, серебряном, бронзовом и железном) гибели человечества и о потопе, после которого выжили только Девкалион и Пирра. Содержание *"Метаморфоз"*. История о попытке Фазтона управлять колесницей Солнца рассказана с большим оживлением, хотя проявление географических познаний поэта несколько неуместно. Повесть об основании Фив Кадмом - яркий пример повествовательного мастерства. Более трагичны по сюжету и более драматичны по композиции истории о Пентее, разорванном на части обезумевшими поклонниками Вакха во главе с его собственной матерью и сестрами, и об Атамасе, которого Юнона сводит с ума и убивает его старшего сына, а его жена Ино бросается в море вместе со своим сыном Меликертом. Между этими двумя историями есть несколько менее драматичных рассказов, среди которых сентиментальная идиллия о Пираме и Этбе, переиначенная в *"Сне в летнюю ночь"* Шекспира. Подвиги Персея, спасение им Андромеды от морского чудовища, их свадьба с возникшей ссорой и превращение в камень врагов Персея с помощью головы ужасной Горгоны описаны с яркими подробностями. История Прозерпины, унесенной Плутоном и разыскиваемой по всему миру своей матерью Церерой, обогащена и дополнена всевозможными географическими, антикварными и мифологическими подробностями. История о гордости и горе Ниобы рассказана с трагическим пафосом. Рассказывая о любви Медеи к Ясону, Овидий в какой-то мере

подражает изображению ее душевных терзаний, данному Аполлоном Родосским⁸³, и в то же время проявляет собственную склонность к риторическим спорам. Приключения Цефала и Прокриды, Нисуса и Сциллы, Дедала и Икара и других рассказаны более просто. История охоты на калидонского вепря и гибели Мелеагра позволяет Овидию продемонстрировать свои способности к описанию, повествованию и психологическому анализу.

Очаровательная идиллия благочестивых и гостеприимных деревенских жителей, Филемона и Бауциса, успокаивает читателя после предшествующих рассказов о насилии. Далее следуют деяния Геракла, затем история Орфея, в которую вставлены многочисленные сказки, будто бы рассказанные самим Орфеем. За рассказом об ужасной смерти Орфея следует история Мидаса, который своим прикосновением превратил все вещи в золото, а его уши были заменены на уши осла, потому что он объявил Пана лучшим музыкантом, чем Аполлон. Превращение Цейкса и Алкионы в морских чаек дает поэту возможность рассказать о супружеской верности и восхвалить ее. О битве кентавров и лапифов рассказывается довольно долго, но при этом слишком много имен и слишком мало единства. В связи с Троянской войной рассказывается множество историй. Среди них важное место занимает борьба Аякса и Улисса за доспехи Ахилла.

Ахилл занимает важное место, и Овидий проявляет свою риторическую склонность, вводя в повествование речи двух соперников в поддержку своих притязаний. После падения Трои и бегства Энея поэма начинает затрагивать скорее римские, чем греческие темы. Ранние приключения Энея и других после падения Трои, конечно, все еще заимствованы из греческих источников, но истории о сражениях в Италии и об основании Рима уже не являются греческими. Ближе к концу поэмы пифагорейская доктрина о переселении душ излагается довольно подробно. Далее следует несколько римских историй, и, наконец, рассказ о восхождении Юлия Цезаря к богам и пророчество о подобной судьбе для Августа. Затем поэма заканчивается строками:

И вот мой труд завершен, и не гнев Юпитера,
Ни огонь, ни меч, ни всепоглощающий век
Не смогут уничтожить. Пусть наступит тот день, когда он наступит,
Который только над этим телом властен,
Завершит неопределенное пространство моей жизни;
И все же лучшая часть меня будет нестись
Над высокими звездами сквозь бесчисленные годы,
И вечно нерушимым будет имя мое.
Там, где римская власть над завоеванными землями
Протянется, меня будут читать на многих языках,
И во все века, если есть хоть доля правды
В пророчествах бардов, слава моя будет жить".

Безусловно, Овидий написал замечательную поэму. Временами недостаток серьезности, столь заметный в его ранних произведениях, проявляется и в "*Метаморфозах*", но часто он

увлекается своей темой и произносит истинно сильные и пафосные слова. Его гексаметры не обладают таким размашистым величием, как у Вергилия, но в них есть беглая стремительность и легкое изящество, которых не достигал ни один другой латинский писатель. Ни один другой римский поэт не сравнится с Овидием в искусстве рассказывать историю. Он мастер прямого, простого повествования и четкого, яркого описания, а также превосходит его в драматическом изложении и анализе человеческих мыслей и чувств.

В *"Метаморфозах"* сила Овидия достигает своего апогея. Его поздние поэмы, написанные после изгнания, демонстрируют постоянное ухудшение во всех отношениях, даже в технике. Длинный ряд сетований на свое изгнание утомителен и утомителен. Пять книг *"Tristia"* состоят из элегий, адресованных по большей части никому, в то время как четыре книги *"Письма с Понта"* (*Ex Ponto*) имеют форму настоящих писем к друзьям поэта. Вторая книга *"Тристий"* представляет собой одно длинное письмо-обращение к Августу. Короткая поэма под названием *"Ибис"* представляет собой сложное нагромождение проклятий и наговоров на врага, которому дано вымышленное имя Ибис, а *"Галиэвтика"* - фрагмент (134 строки) поэмы о рыбах. Среди всех этих стихотворений наибольший интерес представляют те, в которых Овидий обращается к собственным обстоятельствам. Именно из них⁸⁴ мы черпаем большую часть информации о его жизни. В некоторых из этих элегий очевиден тон искреннего чувства, которого не хватает в ранних стихотворениях:

Когда в моей голове той ночью возникает скорбное видение,

Которая стала концом моей жизни, проведенной в Риме,

Когда я вспоминаю ту ночь, когда я расстался со всем, что было мне дорого,

С грустью слезы падают и сейчас из глаз моих".⁸⁵

Так Овидий поет о своем отъезде из Рима. Его письма к жене⁸⁶ и письмо к дочери Перилле⁸⁷ - одни из самых привлекательных среди этих стихотворений о горьком изгнании и печали. Но даже на них отбрасывает свою тень горечь жребия изгнанника. Более великий поэт или поэт с более сильным характером мог бы возвыситься над своим горем и разочарованием; но Овидий утомляет нас своими постоянными жалобами.

Несколько произведений Овидия были утеряны. Самым важным из них, вероятно, является его трагедия *"Медея"*, которая считалась одной из величайших римских трагедий. Сохранилось только два фрагмента этой пьесы, из одного из которых мы узнаем, что Овидий представлял Медею в состоянии возбуждения, граничащего с безумием. От сочинения в гексаметрах о созвездиях под названием *Phænotena* и серии эпиграмм сохранилось несколько коротких фрагментов. Не сохранилось даже фрагментов свадебной песни (Epithalamium) для Фабия Максима, элегии на смерть Месаллы, поэмы на триумф Тиберия (16 января 13 г. н. э.), поэмы на смерть Августа, попури на плохих поэтов, составленное из строк *"Темпастиха"* Мацера, и поэмы на гетском языке в честь императорской семьи.

Единственный недостаток Овидия как поэта - отсутствие характера. Ни один другой римлянин не писал более отточенных стихов, ни один другой не использовал латинский язык более эффективно для своих целей; но недостаток нравственной искренности и силы делает Овидия, при всей его гениальности, наименьшим среди великих римских поэтов. Его слабость наиболее заметна в ранних и поздних произведениях, поэтому *"Метаморфозы"* и *"Фасты"* - самые замечательные из его поэм. Овидия читали на протяжении всего Средневековья, и мифологические аллюзии в произведениях эпохи Возрождения и современности по большей части связаны с ним. Он был одним из любимых авторов

Мильтона, и несколько отрывков в "Потерянном рае" свидетельствуют о его влиянии. Шекспир тоже был знаком, прямо или косвенно, с "Метаморфозами", и многочисленные отголоски стихов Овидия слышны в творчестве других английских поэтов.

ГЛАВА XII

ЛИВИЙ - ДРУГИЕ АВГУСТОВСКИЕ ПРОЗАИКИ

Ливий, 59 г. до н. э. - 17 г. н. э. D.- Его качества как историка и писателя-Помпей Трог, около 20 г. до н. э.-Юстин, второй или третий век после Христа-Фенестелла, 52 г. до н. э.-19 г. н. э. D.- Оратория-Сенека Старший, около 55 года до н. э. - около 40 года н. э.- Веррий Флакк, около 1 года н. э. D.- Фест, третий или четвертый век после Рождества Христова-Гигин, около 64 года до н. э. - около 17 года н. э. D.- Сохранившиеся работы под именами Гигин-Лабео и Капито-Витрувий, около 70 г. до н. э. - после 16 г. до н. э.

Августовский период - золотой век латинской поэзии. Проза достигла наибольшего расцвета в эпоху Цицерона и начала приходить в упадок вскоре после его смерти. Проза уступает поэзии этого периода. Одна из причин этого - большое развитие поэзии, которое привело к внедрению поэтических слов и фраз в прозу; другая - модная в то время риторика, которая стремилась не к простоте и ясности, не к достоинству и величию, а к новым или ярким выражениям, искусственному расположению и тонкости мысли. Влияние риторических школ прослеживается в поэзии Овидия и Манилия, но гораздо более очевидно в прозе этого и последующих периодов.

Единственным великим прозаиком эпохи Августа является Ливий. Ливий. Тит Ливий родился в Патавиуме (Падуге) в 59 году до н. э., а умер в родных местах в 17 году н. э. О его жизни мало что известно. О его жизни известно немного, но тон его сочинений указывает на то, что он был не беден и принадлежал к семье с определенным положением. Говорят, что он написал философские труды, вероятно, популярные трактаты в форме диалогов, а также трактат по риторике в форме письма к своему сыну. Эти работы утеряны и не могли иметь большого значения по сравнению с великой историей, которой Ливий посвятил более сорока лет своей жизни. Около 30 года до н. э. Ливий переехал в Рим, где прожил большую часть времени до самой смерти. Вероятно, он не раз посещал свою родную Падугу, а также путешествовал по другим местам Италии. В принципе, он был республиканцем, но безропотно принимал правление Августа. Фактически, он был личным другом Августа, который в шутку называл его помпеянцем за его критику Юлия Цезаря и восхищение старой республикой. В своих работах Ливий предстает как человек консервативных взглядов, готовый жить при любом правительстве, если оно не было слишком деспотичным, готовый принять государственную религию со всеми ее верованиями в знаки и приметы, признавая при этом, что некоторые, по крайней мере, приметы, о которых сообщалось, были выдумкой. Его единственным большим энтузиазмом было величие Рима. Именно это чувство побудило его посвятить свою жизнь написанию великой истории Рима с древнейших времен до наших дней.

История Ливия называлась *Libri ab Urbe Condita* ("Книги от основания города"). История Ливия. Она состоит из 142 книг, первая из которых была написана между 29 и 25 годами до н.

э., а последние двадцать две были опубликованы после смерти Августа. Последняя книга закончилась со смертью Друза в 9 году н.э. Неизвестно, намеревался ли Ливий продолжить свой труд. Деление на книги принадлежит Ливию, но деление на декады, или группы по десять книг, было сделано позже, хотя, возможно, оно было предложено первоначальной публикацией некоторых книг в группах. Для ранних частей произведения было доступно сравнительно мало материала, поэтому история первых лет существования Рима менее подробна, чем история более поздних периодов. В пятнадцати книгах повествование ведется от основания города до начала Пунических войн, то есть почти пятьсот лет, в то время как война с Ганнибалом занимает десять книг, а десять книг посвящены восьми годам от смерти Мария до смерти Суллы (86-78 гг. до н. э.).

Из этого огромного труда сохранилось только тридцать пять книг: книги I-X, от начала до третьей Самнитской войны (753-293 гг. до н. э.), и XXI-XLV, от второй Пунической войны до македонского триумфа Луция Эмилия Павла (218-167 гг. до н. э.). В книгах XXI-XLV имеются многочисленные пробелы. Содержание остальных книг известно нам благодаря ряду выдержек, сделанных не непосредственно из Ливия, а из эпитомы. Такая эпитама существовала уже во времена Марциала, через несколько лет после смерти Ливия.

Ливий черпал материал у более ранних историков, таких как Фабий Пиктор, Валерий Антиас, Лициний Мацер, Клавдий Квадригарий и Полибий, следуя иногда одному и иногда другому, но редко пытаясь примирить противоречивые высказывания своих авторитетов. Качества "Истории" Ливия. Когда они не совпадали, он обычно принимал то утверждение, которое казалось ему наиболее вероятным. Он не пытался открыть новые истины путем изучения первоисточников, таких как надписи и другие памятники, не проводил тщательных исследований полей сражений, маршрутов походов и тому подобного. Он не пытался, как большинство современных историков, установить факты путем независимых исследований, но работал над рассказами своих предшественников, намереваясь представить всю римскую историю в привлекательной литературной форме. В этом он настолько преуспел, что его история вскоре стала единственным источником, из которого черпали информацию все последующие авторы. Недостаток военных знаний делает его описание сражений и других военных вопросов несколько недостоверным, а ранняя часть его работы страдает от его неспособности понять постепенный рост римской цивилизации, но эти недостатки с лихвой компенсируются восхитительными литературными качествами его истории. Кроме того, он правдив настолько, насколько знает правду, и любые неверные утверждения объясняются скорее недостатком знаний, чем желанием скрыть или извратить истину. В своих рассказах о взаимоотношениях римлян с другими народами он пристрастен к римлянам, но это потому, что его искреннее восхищение римским величием заставляет его верить, что римляне были правы и действовали правильно, и его пристрастность к Сципионам следует объяснить аналогичным образом.

Из сказанного выше очевидно, что Ливий далеко не идеальный историк, однако его история в основном правдива и основана на широком знании и понимании глубинных принципов человеческого характера и человеческих поступков. Его интересует не столько точность деталей, сколько более широкая и общая правда и драматическое изложение. Речи Ливия. Так, в речах, которыми он оживляет свой труд, он не претендует на повторение того, что говорили ораторы на самом деле, и даже не в каждом случае вкладывает в их уста слова, выражающие их индивидуальные характеры, но скорее говорит в хорошей риторической форме то, чего, как ему кажется, требуют обстоятельства. В этом он следует Фукидиду, и его речи, как и речи Фукидида, служат не только для придания разнообразия повествованию, но и для того, чтобы ярко представить нам и объяснить обстоятельства и мотивы, которые

привели к описываемым действиям. Эти речи - самая яркая часть его работы. В них он демонстрирует плоды своего обучения в риторических школах и тщательного изучения Демосфена и Цицерона; но его риторика не ограничивается простым декламированием. Речи написаны не только для того, чтобы продемонстрировать его риторическую подготовку, но и для того, чтобы объяснить и просветить.

На протяжении всей своей работы Ливий предстает как враг крайностей. Восхищение Помпеем не приводит его враждебности к правящей семье; он выступает как против царской власти, так и против разнузданной демократии. В то же время он относится к своему предмету с симпатией и теплотой чувств и делает этическую сторону истории заметной, стремясь представить в ярком свете такие действия, которые могут служить образцом для поведения, а не просто дать запись событий.

Ливий не имеет себе равных как рассказчик и художник слова. Его стиль ясен и понятен, хотя периоды часто бывают длинными и иногда усложняются вставкой в предложение множества подчиненных идей, часто выраженных в форме причастий. Стиль Ливия. Как и естественно для того, кто писал в период расцвета римской поэзии, он вводит поэтические слова, чуждые прозе Цицерона и Цезаря, а некоторые его фразы имеют поэтическую окраску. Но его латынь чиста, и трудно понять, что имел в виду Асиний Поллион, обвиняя его в "патавинитас" или падуанстве. У более поздних прозаиков стремление к поэтическому эффекту становится неприятной манерностью, но те следы поэзии, которые можно найти у Ливия, являются результатом не сознательных усилий, а литературной атмосферы того времени. Его стиль не везде отличается одинаковым совершенством; ведь неизбежно, что в таком длинном историческом труде различные качества предмета и преклонный возраст писателя влияют на способ изложения, но нет ни одной части работы, в которой стиль был бы скучным или лишенным очарования. Пожалуй, лучше всего он проявляется в книгах, посвященных Пуническим войнам.

Работа Ливия еще при его жизни считалась самым совершенным образцом исторического письма. Младший Плиний рассказывает, что один гражданин Кадиса проделал весь путь до Рима только для того, чтобы увидеть Ливия, а увидев его, сразу же вернулся в Кадис, решив, что другие достопримечательности Рима больше не представляют интереса. Влияние Ливия на последующих римских писателей было чрезвычайно важным, и его работы послужили образцом для более чем одного историка более позднего времени. Его энтузиазм в отношении всего доброго и благородного, восхищение великими людьми Рима и поклонение самому Риму придают его работам тот возвышенный характер, который присущ хвалебным гимнам или панегирикам. Его великая история, подобно "Энеиде" Вергилия, служила для того, чтобы придать постоянное литературное выражение величию прошлых дней римского содружества.

Слишком много места заняла бы попытка привести образцы всех разновидностей стиля и композиции Ливия. Его описания сражений, среди которых особого упоминания заслуживает описание поражения Антиоха при Магнезии⁸⁸, являются шедеврами словесной живописи, даже если они выдают недостаток военных знаний, а его краткие описания характеров важных персон достойны восхищения. Введение к истории войны с Ганнибалом, с описанием осады Сагунтума, колебаний в Риме и сцены в карфагенском сенате, является непревзойденным. Речь Ганно. Речь Ганно, который один среди карфагенских сенаторов желал сохранить мир, отказавшись от Сагунтума и передав Ганнибала в руки римлян, - один из самых примечательных отрывков этой замечательной истории:⁸⁹

Вы послали в армию, добавив, так сказать, топлива в огонь, юношу, который горит желанием править и видит только один путь к своей цели, если он будет жить, обвешанный оружием и легионами, сея из войн семя войн. Поэтому ты питаешь этот огонь, которым ты сейчас горишь. Сейчас ваши войска окружают Сагунтум, к которому договор запрещает им приближаться; вскоре римские легионы окружат Карфаген под предводительством тех же богов, которыми в прошлой войне были отомщены нарушенные договоры. Неужели вы не знаете ни врага, ни себя, ни судьбы двух народов? Ваш добрый полководец отказался принять в свой лагерь посланцев, прибывших от союзников в интересах союзников; они, тем не менее, хотя им и отказано в приеме там, куда не запрещено входить даже посланцам врагов, пришли к нам; они требуют возмещения в соответствии с договором; чтобы не было обмана со стороны государства, они просят выдать виновного и обвиняемого. Чем мягче они действуют, чем медленнее начинают, тем упорнее, боюсь, они будут бушевать, когда начнут. Поставьте перед глазами острова Эгат и Эрикс и то, что вы терпели на суше и на море в течение двадцати четырех лет. И этот вождь был не мальчик, а сам его отец Гамилькар, второй Марс, как утверждают его сторонники. Но мы не отрывали рук от Тарентума, то есть от Италии, повинувшись договору, как сейчас не отрываем их от Сагунтума. Поэтому боги одержали верх над людьми, и в вопросе о том, кто из людей нарушил договор, случай войны, как справедливый судья, отдал победу той стороне, на которой стоял правый. Именно против Карфагена Ганнибал сейчас выдвигает свои заслоны и башни; он сотрясает стены Карфагена своим тараном. Руины Сагунтума (да окажусь я лжепророком!) падут на наши головы, и война, начатая против сагунтийцев, должна быть продолжена против римлян. "Неужели мы откажемся от Ганнибала?" - скажет кто-то. Я знаю, что в его случае мое влияние не имеет большого веса из-за моей вражды с его отцом; Но я рад, что Гамилькар мертв, потому что если бы он был жив, мы бы уже воевали с римлянами, и я ненавижу и ненавижу этого юношу как ярость и пламя этой войны, как того, кто должен быть не только отдан в качестве искупления за нарушенный договор, но, если никто не требует его, должен быть унесен на крайние берега моря и суши, удален на такое расстояние, чтобы его имя и слава не могли дойти до нас и он не нарушал состояние нашего спокойного государства. Я предлагаю следующее: Немедленно отправить послов в Рим, чтобы дать удовлетворение сенату; других посланников объявить Ганнибалу, чтобы он вывел свою армию из Сагунтума, а самого Ганнибала передать римлянам во исполнение договора; третье посольство я направляю, чтобы вернуть сагунтинцам их имущество".

Эта речь, написанная мощной риторикой и помещенная в драматическую обстановку, служит не только для того, чтобы показать нам бесплодное поручение римских посланников в Карфагене, но и для того, чтобы подчеркнуть справедливость римского дела и предсказать конечный успех римлян, на чьей стороне были боги, следящие за договорами. Это пример ораторского мастерства Ливия, его драматической силы, стремления показать, что исторические события являются следствием моральных причин, и его убежденности в том, что римская власть основана на праве и справедливости.

Великий труд Ливия стал первой полной историей Рима, написанной в изящной литературной форме. Время для такого труда было подходящим. Римский народ распространил свою власть на весь цивилизованный мир, а мир и порядок, установленные Августом, сделали естественным желание людей прочитать историю долгой борьбы республики, которая привела к нынешнему миру империи. История Ливия, таким образом, обратилась непосредственно к широкому кругу читателей. Но, распространяя свою власть на весь мир, римский народ вступал в контакт с различными народами, и было естественно, что история этих народов должна была интересовать римлян. Задачу написать эту историю взял на себя Помпей Трог. По происхождению он был вонтийцем из провинции Галлия

Нарбоненсис, но его дед получил римское гражданство от Помпея, а отец служил при Цезаре в Галлии. Помпей Трог. Помпей Трог упоминается как автор зоологических трудов, но самым важным его произведением была всеобщая история под названием *Historiæ Philippicæ*, состоящая из сорока четырех книг. Трог начал с истории восточных империй, Ассирии, Мидии и Персии, переходя от персов к скифам и грекам. Большую часть его труда занимает рассказ о Македонской империи, основанной Филиппом, и о царствах, возникших на ее основе после смерти Александра Македонского. История каждого из этих царств продолжается до его вхождения в состав Римской империи. Именно от этой части произведения (книги VII-XL) и получил свое название весь . Сорок первая и сорок вторая книги содержали историю парфян, сорок третья рассказывала о зарождении Рима и касалась дел в Галлии, а сорок четвертая книга содержала историю Испании, заканчивающуюся победой Августа над испанцами.

История Трога сохранилась не в оригинальном виде, а лишь в кратком изложении, составленном во втором или третьем веке после Рождества Христова неизвестным Марком Юнианом Юстином. Краткое изложение Юстина. Очевидно, что Трог не был оригинальным исследователем, и его работа, вероятно, была не более чем переводом греческого оригинала, возможно, написанного Тимагеном Александрийским, который прибыл в Рим во время гражданских войн. Тем не менее, работа была важной, так как основывалась на достоверных источниках. Она так и не стала столь популярной, как история Ливия, но, очевидно, была использована более поздними авторами, а краткое изложение Юстина читалось в Средние века. О стиле Трога трудно судить, но, насколько можно судить по сокращению Юстина, он был ясным и живым, с большим количеством риторических украшений. Даже сокращение является ценным трудом из-за важности его содержания.

Известны имена еще нескольких историков эпохи Августа, но их труды утеряны и оставили мало следов. Фенестелла. Самым важным из этих писателей был, вероятно, Фенестелла, живший с 52 г. до н. э. по 19 г. н. э. Он написал "Анналы" в нескольких местах. Д. Он написал "Анналы" по меньшей мере в двадцати двух книгах, а также, вероятно, множество работ на античные темы.

Ораторское искусство этого периода значительно уступало ораторскому искусству эпохи Цицерона. Ораторское искусство. По большей части оно не имело серьезной цели, и произведения ораторов были не более чем школьными упражнениями, призванными продемонстрировать их мастерство и послужить образцом для учеников. Мессалла, Поллион и некоторые другие продолжили более ранний стиль ораторского искусства в эпоху Августа, но они нашли мало подражателей и преемников. Среди других ораторов эпохи Августа был Тит Лабий, который писал не только речи, но и историю. Он так яростно выступал против правления Августа, что его труды были сожжены по решению сената. Кассий Север в своих речах и сочинениях так яростно нападал на аристократию, что был изгнан Августом, а при Тиберии его имущество было конфисковано. Он умер в большой бедности в Серифе в 32 году н. э. Другими ораторами, чьи речи были почти исключительно школьными упражнениями, были Марк Порций Латро, Гай Альбуций Силус, Квинт Хатерий, Луций Юний Галлион и два азиатских грека, Ареллий Фуск и Луций Цестий Пий. Сенека Старший. О каждом из этих людей почти ничего не известно, кроме того, что почерпнуто из трудов Аннея Сенеки, отца философа Луция Аннея Сенеки и деда эпического поэта Лукана. О жизни старшего Сенеки известно немного. Он родился в Кордубе, в Испании, вероятно, еще в 55 году до н. э., и провел часть своей жизни в Риме. Он дожил до глубокой старости, поскольку его единственное сохранившееся произведение было написано уже в 37 году н. э. Это серия воспоминаний о знаменитых ораторах и риториках, написанная по просьбе сыновей автора,

Новата, Сенеки и Мелы. Изначально она содержала десять книг "*Спорных рассуждений*" (*Controversiæ*) и одну книгу "Речей" (*Suasoriæ*), советующих определенную линию поведения. Наиболее важными частями произведения являются введения, содержащие много информации по истории ораторского искусства. В десяти книгах *Controversiæ* рассматривались семьдесят четыре темы, в книге *Suasoriæ* - семь. Начало *Suasoriæ* теперь утрачено, а из *Controversiæ* сохранилось только тридцать пять. Тематика везде тусклая и скучная. Обсуждаются такие вещи, как: "Один человек и его жена поклялись, что если с одним из них что-нибудь случится, то другой умрет. Мужчина отправился в путешествие и послал жене сообщение, что он умер. Жена бросилась вниз с высокого места. Когда она снова пришла в себя, отец приказал ей уйти от мужа. Она отказалась". Высказывания мастеров риторики по подобным вопросам приводит Сенека, чья потрясающая память позволила ему повторить их почти, если не совсем, в оригинале. Наиболее интересной отдельной темой является шестая суазория, в которой дается ответ на вопрос, должен ли Цицерон просить Антония пощадить его жизнь. В ответах содержится несколько суждений о Цицероне, в том числе от Асиния Поллиона и Ливия. Но глупость и пустота ораторского искусства, с которым нас знакомит Сенека, не может не впечатлить каждого читателя. Сам Сенека выражает свое отвращение. Его замечательная память позволила ему передать последующим эпохам образцы ораторского учения, которое еще в эпоху Августа начало портить латинский стиль. Стиль самого Сенеки не так уж далек от стиля Цицерона, и Сенека, хотя он писал при Калигуле, вероятно, приобрел свой стиль в начале эпохи Августа. Сохранившиеся образцы показывают, однако, что влиятельные учителя его раннего периода обладали гораздо меньшим вкусом, чем он сам.

Среди ученых, писавших на специальные темы, одним из самых значительных был Веррий Флакк, о жизни которого известно немного, кроме того, что он был избран Августом для воспитания своих внуков Гая и Луция, и что он умер в преклонном возрасте во время правления Тиберия. Веррий Флакк. Из его многочисленных работ по грамматике и античности только одна, "*О значении слов*" (*De Verborum Significatu*), частично сохранилась в сокращении Помпея Феста, который, по-видимому, жил в третьем или четвертом веке после Рождества Христова. Сохранилась только часть этого сокращения, но этот важен благодаря содержащейся в нем информации о римских древностях и ранних латинских словах. Еще одно сокращение "Феста" было сделано в восьмом веке Паулусом, и даже оно представляет ценность, хотя и является всего лишь скелетом оригинальной работы Веррия Флакка. Другим ученым был Гай Юлий Гигин, вольноотпущенник Августа и библиотекарь Палатинской библиотеки. Гигинус. Его жизнь длилась примерно с 64 г. до н. э. до 17 г. н. э. Он создал труды по сельскому хозяйству и земледелию. Он написал труды по сельскому хозяйству, истории, географии и античности, а также комментарии к Вергилию и поэме Цинны "Асинию Поллиону". От всех этих трудов ничего не осталось, но сохранились две работы под именем Гигинуса. Одна из них - трактат по астрономии, включающий мифы, связанные со звездами, другая - мифологический справочник под названием *Fabulæ*, к которому приложена серия генеалогий. Справочник ценен прежде всего тем, что мифы, рассказанные в нем, взяты по большей части из греческих трагедий, и через них мы узнаем сюжеты многих утраченных произведений греческих авторов. Однако эти дошедшие до нас произведения написаны не библиотекарем Гигинусом, а более поздним автором, жившим, вероятно, во втором веке после Рождества Христова. Лабео и Капито. От юридических трудов Марка Антия Лабео и Гая Атея Капито ничего не осталось. Каждый из них был главой школы писателей и преподавателей юридических дисциплин. Лабео пытался объяснить изменения и рост в юридических вопросах, как и в грамматике, принципом аналогии или сходства, в то время как Капито считал более важным аномалию или различие.

Трактат "*Об архитектуре*" (*De Architectura*) в десяти книгах, написанный Витрувием Поллио, не отличается литературным совершенством, но представляет большую ценность благодаря содержащейся в нем информации. Витрувий. Витрувий был архитектором-практиком, построившим базилику в Колонии Фанестрис и отвечавшим за строительство военных машин при Августе.⁹⁰ Его книги были написаны между 16 и 13 годами до н. э. и посвящены Августу. Они представляют собой единственный систематический трактат по архитектуре, сохранившийся до нас от античности, и по этой причине имеют огромное значение для архитекторов и археологов. Стиль, однако, незелегантен и неясен, хотя его неясность отчасти объясняется необходимым использованием технических выражений. Витрувий, очевидно, не обладал большим литературным образованием и способностями, однако он мог быть способным архитектором.

Эпоха Августа отмечена наивысшим развитием римской поэзии. Вергилий, Гораций, Тибулл, Проперций и Овидий, каждый по-своему, являются величайшими римскими поэтами. Только Катулл и Лукреций могут сравниться с кем-то из них. Единственный великий прозаик этого периода - Ливий. Его стиль все еще чист и, безусловно, очень очарователен; но даже Ливий несколько отходит от достоинства и красоты *sermo urbanus*, латыни Цицерона и Цезаря. Сохранившиеся у Сенеки отрывки показывают, что риторическое учение того времени было искусственным и безвкусным и вело к упадку, к так называемой серебряной латыни императорской эпохи.

КНИГА III

ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ АВГУСТА

ГЛАВА XIII

ТИБЕРИЙ - ВЕСПАСИАН

Императоры (Тиберий, 14-37 гг. н. э.; Калигула, 37-41 гг. н. э.; Клавдий, 41-54 гг. н. э.; Нерон, 54-68 гг. н. э.)-Федр, около 40 г. н. э.-Германик, 15 г. до н. э.-19 г. н. э. Д.-Веллий Патеркул, 30 г. н. э.-Валерий Максим, около 47 г. до н. э. - около 30 г. н. э.-Цельс, около 35 г. н. э.-Вотиен Монтан, умер 27 г. н. э.-Асиний Галл, 40 г. до н. э.-33 г. н. э. А. Д.-Мамеркус Скаурус, умер 34 А. Д.-Публий Вителлий, умер 31 А. Д.-Домиций Афер, 14 до н. э.-59 А. Д.-Кремуций Корд, умер 25 А. Д.-Ауфидий Басс-Реммий Палемон-Юлий Аттик-Юлий Гракхин-Марк Апиций-Философы-Луций Анней Сенека, около 1 А. Персий, 34-62 гг. н.э.- Лукан, 39-65 гг. н.э.- Кальпурний, около 60 г. н.э.- Помпоний Секунд, около 50 г. н.э.- Петроний, умер в 66 г. н.э.- Квинт Курций, около 50 (?) г. н.э.- Колумелла, около 40 г. н.э.- Мела, около 40 г. н.э.- Другие писатели.

Со смертью Августа завершается величайший период римской литературы. Литература после Августа. С этого времени ее история - это летопись упадка, не регулярно прогрессирующего, конечно, и не всегда проявляющегося одинаково, но почти постоянного, почти не прерываемого даже появлением нескольких писателей подлинного таланта. С установлением мира во всей Римской империи, а также с легкостью и безопасностью

путешествий из провинции в провинцию, люди из всех частей империи приезжали в Рим на время и возвращались к себе домой, возможно, впитав что-то из столичной культуры, в то время как другие постоянно проживали в императорском городе. Некоторые люди из каждого класса посвятили себя литературе. Старший Сенека принадлежит к одному из этих классов, младший Сенека, безусловно, к последнему. Влияние провинциалов на римскую литературу не могло не быть большим. В руках таких испанцев, как Сенеки, латынь вряд ли могла остаться городской речью, *sermo urbanus*, времен Цицерона. О дурном влиянии даже самого лучшего риторического учения времен Августа уже говорилось, и с течением времени риторическое учение постоянно ухудшалось. Кроме того, обстоятельства империи, а особенно Рима, не способствовали развитию литературы. Мир, последовавший за волнениями гражданских войн, привел во времена Августа к большой литературной активности, но продолжение мира в последующие годы, когда умы людей уже не волновали воспоминания о бурных событиях, привело к омертвлению воображения и иссушению источников литературной жизни. В начале первого века после Рождества Христова осталось мало значительных писателей на греческом или латинском языках. В самом городе характер императора оказывал сильное влияние на литературу.

Тиберий (14-37 гг. н. э.) был учеником греческого ритора Теодора из Гадары и был знаком с греческой и латинской литературой. Отношения императоров к литературе. Он писал греческие стихи в ученой александрийской манере, латинскую поэму на смерть Луция Цезаря и автобиографические мемуары в прозе; но его собственный литературный интерес не сделал его покровителем литературы. Его подозрительная натура заставляла его выискивать и наказывать все реальные или мнимые намеки на себя в произведениях современных авторов, в результате чего авторство стало слишком опасным занятием, чтобы быть популярным. Калигула (37-41 гг. н. э.) обладал некоторыми ораторскими способностями и желал считаться оратором, но его безумие привело к желанию уничтожить произведения Гомера и удалить из публичных библиотек труды и бюсты Вергилия и Ливия на том основании, что один из них не обладал гением и образованностью, а другой был рассеянным и небрежным. Хотя он и не подавлял литературу систематически, его короткое правление, безусловно, не способствовало ее развитию. Клавдий (41-54 гг. н. э.), вступивший на престол в возрасте пятидесяти лет, был скучным и ученым педантом. Он начал писать историю со смерти Цезаря, но остановился в конце второй книги из-за возражений матери и бабушки. Затем он написал историю в сорока одной книге, начиная, вероятно, с присвоения Октавиану титула Августа (27 год до н. э.) и продолжая сорок один год. Он также написал историю этрусков в двадцати книгах и историю Карфагена в восьми книгах. От всех этих работ ничего не осталось. Некоторое представление о его стиле можно получить из двух надписей, найденных в Лионе и Тренте. Первая - это речь, произнесенная в сенате в 48 году н. э., в которой он выступает за распространение на галльскую знать *ius honorum*, или права занимать должности, вторая - декрет, возобновляющий предоставление гражданства жителям областей в Ретийских Альпах около Трента и регулирующий их дела. В обоих случаях стиль сбивчив и совершенно лишен элегантности и достоинств. Клавдий также написал защиту Цицерона против Асиния Галла, сына Асиния Поллиона, который утверждал, что Поллион был более выдающимся оратором. Добавление Клавдием трех букв в латинский алфавит показывает его интерес к лингвистическим вопросам, но не имело постоянного эффекта. При этом правителе литература несколько оживилась после гонений при Тиберии. Нерон (54-68 гг. н. э.), ученик Сенеки, написал несколько коротких стихотворений и эпос "Троика", посвященный Троянской войне. Из-за своей ревности он был врагом других поэтов, но мало обращал внимания на литературные нападки на себя. В целом литература не подавлялась во время его правления, хотя после разоблачения заговора Пизона в 65 году н. э. его гнев обрушился на философов и литераторов.

Литература времен Тиберия и Калигулы менее значительна, чем литература последующих лет. Фэдрус. Единственным значимым поэтом является Фэдрус, вольноотпущенник Августа, который писал басни ямбическим стихом. По большей части они не принадлежат Фэдру, а являются так называемыми баснями Эзопа, сказками восточного происхождения, которые в письменной или устной форме перекочевали в Европу. Греки считали их выдумкой Эзопа, но современные исследования доказали, что они относятся к мигрирующему фольклору Индии. После первой книги своих басен Федр вводит свои собственные басни и сказки среди тех, что приписываются Эзопу. Весь сборник теперь состоит из девяноста трех басен, разделенных на пять книг; но первоначально он содержал большее количество, особенно в книгах II и V. Басни до сих пор, многие из них, по крайней мере, знакомы большинству детей. Таковы истории о Волке и Ягненке, о Лягушке, которая пыталась стать такой же большой, как бык, о Лисе и Журавле и многие другие. Фэдрус рассказывает басни хорошо составленными стихами, но иногда перебарщивает с любовью к краткости, чтобы не быть понятным. Он также слишком прямо указывает на мораль своих басен, не оставляя ничего для воображения читателей. Его язык - это простая и легкая латынь эпохи раннего Августа, без риторических изысков, популярных в последующие годы. Однако из ссылок в прологе к третьей книге следует, что, хотя Сеян был могущественным после появления первых двух книг, третья была написана после его падения, то есть после 31 г. н. э. Вероятно, Федр писал по крайней мере до 40 г. н. э. О его личной истории известно немного. Он родился в Пиерии, в Македонии, но в раннем возрасте отправился в Италию и, вероятно, в Рим. Что-то в первых двух книгах басен навлекло на поэта гнев Сеяна, но насколько серьезными были его последствия, неизвестно. Евтихий, к которому обращена третья книга, - это, вероятно, возница, который был важной персоной в последние годы правления Калигулы. *Particulus* и *Philetas*, к которым Фэдрус обращается в эпилоге и последней басне пятой книги, неизвестны. *Басни* Федра часто использовались в качестве учебного пособия, поскольку они интересны для юных читателей и написаны на простой классической латыни.

К первым годам после смерти Августа относится поэма "*Аратея*", написанная Германиком, сыном Друза (15 г. до н. э. - 19 г. н. э.). Германик. Это перевод и адаптация *Phaenomena* Аратуса, и он показывает, что автор был не только талантливым автором гекзаметров, но и хорошо образованным астрономом. Эта поэма содержит 725 строк. От поэмы о звездах и созвездиях в их связи с погодой и т. п., озаглавленной *Prognostica*, сохранилось лишь несколько фрагментов. Кроме этих астрономических поэм Германика, к этому периоду относится последняя книга Манилия (см. с. 138). К этому же периоду относятся некоторые поэмы, ошибочно приписываемые Вергилию и Овидию, и, если уж на то пошло, поздние поэмы самого Овидия.

Единственные прозаики до Клавдия, чьи произведения сохранились до наших дней, - это Веллий Патеркул, Валерий Максим и Цельс. Веллеус Патеркул. Гай Веллий Патеркул был офицером, служившим при Тиберии; он был *военным трибуном* в 1 г. н.э. и избранным претором. D. и избранным претором в 14 г. Самая поздняя дата, упомянутая в его "*Римской истории*", - консульство Виниция, 30 г. н. э. Даты его рождения и смерти неизвестны. *Римская история* состоит из двух книг, первая из которых сохранилась плохо. Веллий не ограничивается исключительно римскими делами, а начинает свой труд с краткого очерка об основании греческих городов в Италии. Ранняя часть работы представляет собой простое резюме, но по мере приближения повествования к временам самого автора появляется все больше деталей; однако даже в последней части это ни в коем случае не исчерпывающая история. На протяжении всей работы Веллеус высказывает свои собственные мнения и руководствуется своими предрассудками; поэтому его история не заслуживает особого доверия. Его восхваление Тиберия настолько чрезмерно, что не может быть оправдано даже

энтузиазмом ветерана по отношению к своему старому генералу, а почти столь же преувеличенное восхваление Сеяна не имеет и тени оправдания. Примечательной особенностью является то, что Веллеус уделяет внимание истории греческой и римской литературы, чего вряд ли можно было ожидать в столь коротком произведении. Стиль неуклюж, но в нем заметно стремление к риторическому эффекту. Лексика относится к эпохе Августа, но претенциозная риторика и явное стремление к разнообразию характерны для более позднего времени. Главный интерес Веллея заключается в характере людей, о которых он пишет, и во всей его работе есть что-то личное, что отличает ее от простого отчета о событиях. В ранней части работы он следует хорошим авторитетам, хотя часто не соглашается с Ливием, возможно, из-за республиканских симпатий Ливия. В поздней части истории он не заслуживает доверия из-за своей пристрастности к Тиберию и тем, кто с ним связан.

Девять книг "*Памятных дел и изречений*" (*Facta et Dicta Memorabilia*) Валерия Максима были написаны недалеко от 30 г. н. э. и посвящены Тиберию. Валерий Максим. О писателе мало что известно, кроме того, что он сопровождал Секста Помпея в Азию около 27 года до н. э. Он родился, вероятно, в 47 году до н. э. и вряд ли мог жить долго после завершения работы над своими книгами. Многие анекдоты, содержащиеся в его работах, интересны, но стиль искусственный, напыщенный и скучный. Тиберий, Юлий Цезарь и Август удостоились самой раболепной лести. Анекдоты охватывают широкий круг тем - религия, древние обычаи, все разновидности характера, судьба, старость, примечательные смерти и многое другое. Естественно, произведение содержит и ценную информацию, но она распределена по девяти книгам неравномерно. Тем не менее, труд был популярен в Средние века и сохранился во многих рукописях. Книга о словах, особенно об именах (*De Prænomibus, etc.*), содержащаяся в рукописях Валерия Максима, написана каким-то неизвестным автором и не представляет особой ценности.

Аулус Корнелий Цельс написал энциклопедию, в которой содержались трактаты по сельскому хозяйству, медицине, военному искусству, ораторскому искусству, юриспруденции и философии. Цельс. По крайней мере, часть этого великого труда была написана при Тиберии, но другие части могли быть написаны позже, поскольку нет точных указаний на дату рождения или смерти автора. Сохранился только трактат о медицине (книги VI-XIII из всего произведения). Это свидетельствует о том, что Цельс хорошо разбирался в медицине своего времени, а медицинская наука в то время достигла высокого совершенства. Цельс пишет в простом, понятном стиле, без искусственной риторики и поэтической фразеологии, характерной для прозаиков послеавгустовского периода. Его труд пользовался заслуженной популярностью среди желающих получить научные знания в Средние века, был одной из первых книг, напечатанных после изобретения печатного станка, и использовался в качестве учебника для студентов-медиков вплоть до недавнего времени. Были ли другие части энциклопедии столь же хороши, как трактат по медицине, сейчас уже не определить. Трактат о сельском хозяйстве с уважением упоминает Колумелла, а о Цельсе Квинтилиан отзывался свысока, возможно, из-за недостатков в риторических частях его труда.

Имена нескольких ораторов этого периода передаются, главным образом, в воспоминаниях старшего Сенеки. Наиболее примечательны, пожалуй, Вотиен Монтан, который был изгнан Тиберием и умер в 27 году н. э.; Асиний Галл (40 г. до н. э. - 33 г. н. э.), сын Асиния Поллио; прозаики, чьи произведения утрачены. Мамеркус Скаурус, которого Тиберий заставил покончить жизнь самоубийством в 34 году н. э.; Публий Вителлий, который добился осуждения Пизона за убийство Германика в 19 году н. э. Д. и умерший в 31 году н. э.;

Домиций Афер из Немауса (14 г. до н. э. - 59 г. н. э.), который занимал важные посты при Тиберии, Калигуле и Нероне. Среди этих ораторов Домиций Афер был наиболее известен как судебный оратор, а Монтан - как учитель ораторского искусства и оратор-декламатор. Среди историков, чьи труды утрачены, были Аулус Кремуций Корд и Ауфидий Басс. Первый опубликовал при Августе исторический труд, в котором восхвалял Брута и говорил о Кассии как о "последнем из римлян". За это его книги были сожжены по указу сената в 25 году н.э. Д., и он покончил жизнь самоубийством, уморив себя голодом. Бассий написал современную историю в риторическом стиле, вероятно, охватывающую правление Августа и Тиберия и, возможно, конец республики. Среди грамматиков этого времени наиболее значимым был Квинт Реммий Палемон, чья грамматика (*Ars Grammatica*) много пользовался более поздний писатель Харисий. Было также несколько авторов по специальным предметам, например, Цепион и Антоний Кастор, писавшие о ботанике, Юлий Аттик и Юлий Гракхин, писавшие о культуре винограда, и Марк Апиций, писавший о кулинарии, хотя сохранившаяся поваренная книга, приписываемая ему, является работой третьего века. Эти имена показывают, что даже при Тиберии прозаизм, хотя и не столь важный, как в другие времена, не был полностью игнорирован.

В это время в Риме, как и на протяжении по меньшей мере столетия, культивировалась философия, но философские учителя при Тиберии и Калигуле писали по большей части на греческом языке, если вообще писали. Философия. Среди них были Секстий и Сотион, чья деятельность пришлась на поздние годы правления Августа и ранние годы правления Тиберия, Луций Анней Корнут и Гай Мусоний Руф, оба из которых были изгнаны Нероном в 65 году нашей эры. Эти люди, а также другие, менее известные, чьи доктрины были в основном стоическими, оказали большое влияние на римскую мысль, но поскольку их учения были в основном устными, а письменные работы написаны на греческом языке, их следует обойти кратким упоминанием, отнюдь не соразмерным их реальной значимости. Сотион был одним из учителей младшего Сенеки, самого значительного писателя времен Нерона, Корнут - учителем сатирика Персия, а Мусоний - влиятельного этического проповедника Эпиктета.

Луций Анней Сенека. Луций Анней Сенека, сын ритора Сенеки, чей труд об ораторских учителях эпохи Августа и последующих лет уже упоминался, родился в Кордубе, в Испании, около начала христианской эры, но получил образование в Риме, где учился у Сотиона, стоика Аттала и последователя Секстия Папирия Фабиана, а также посещал школы риторики. Его мать, Гельвия, была дамой знатного происхождения, сестра которой вышла замуж за Витрасия Поллио, который несколько лет был правителем Египта. Сенека, по-видимому, провел некоторое время в Египте со своей теткой, благодаря влиянию которой он получил квесторство после возвращения в Рим, в период между 42 и 37 гг. н. э. Речь, которую он произнес в сенате, едва не стала причиной его смерти, вызвав ревность Калигулы в 39 г. н. э. В 41 г. он был изгнан на Корсику под влиянием Мессалины по обвинению в слишком большой близости с Юлией Ливиллой, младшей сестрой Калигулы. Подобные истории ходили обо всех членах императорской семьи, и сейчас мы не можем знать, была ли доля правды в обвинении Сенеки и Ливиллы. Вероятно, истинной причиной изгнания Сенеки была его связь с фракцией Агриппины. Во всяком случае, Агриппина вызвала его с Корсики восемь лет спустя, после казни Мессалины, получила для него преторство и сделала его воспитателем своего сына Домиция Нерона. Его влияние на юного ученика было столь велико, что, когда Нерон вззошел на престол, Сенека с помощью своего друга Афрания Бурра, командира преторианской гвардии, руководил императорским правительством. Он сдерживал свирепость Нерона и обуздывал честолубие и мстительность Агриппины. Благодаря его влиянию первые годы правления Нерона надолго запомнились как период покоя и мира в Риме. Но Сенека приобрел и сохранил свое влияние в значительной степени

благодаря тому, что давал согласие на желания Нерона, даже когда они противоречили его здравому смыслу или совести. Он, вероятно, был посвящен в убийство Клавдия, благодаря которому Нерон стал императором, нет никаких указаний на то, что он противился убийству Германика в 55 году н. э., и, вероятно, имел какое-то отношение к убийству Агриппины в 59 году н. э. Естественно, что, несмотря на свои замечательные интеллектуальные и социальные дарования, он не смог сохранить свое моральное превосходство над императором. Со смертью Бурра, в 62 году, власть Сенеки была сломлена. Он осознал этот факт, удалился, насколько мог, от придворной жизни и в 64 году предложил отказаться от своего огромного богатства. Но отставка не спасла его от жестокости Нерона, и в 65 году он был обвинен в участии в заговоре Пизона и вынужден был покончить жизнь самоубийством.

Философия Сенеки не запрещала ему иметь долю мирских богатств и почестей. На пике своего процветания он был чрезвычайно богат, владел поместьями в Италии и за границей, а деньги выдавал под проценты даже в Британии. Его общее состояние оценивалось более чем в 15 000 000 долларов. Он занимал все регулярные должности, достигнув консулата в 57 году н. э. О его личной жизни известно немного. Он был дважды женат, Его первая жена родила ему по меньшей мере двух сыновей, один из которых умер незадолго до изгнания отца. Его вторая жена, Помпея Паулина, на которой он женился в 57 году н. э., хотела покончить с собой во время смерти мужа, но ей помешал Нерон.

Сенека был чрезвычайно объемным писателем, и хотя многие его произведения утрачены, те, что остались, по объему превосходят сохранившиеся работы почти любого другого античного писателя. Трагедии Сенеки. Они состоят из трагедий, философских трактатов, сатиры на смерть Клавдия и нескольких эпиграмм. Точные даты написания отдельных произведений можно установить лишь в сравнительно небольшом количестве случаев, поэтому здесь не будет предпринята попытка рассмотреть их в хронологическом порядке. Однако, поскольку трагедии, скорее всего, относятся к более раннему периоду его творчества, их можно упомянуть в первую очередь. Девять из них сохранились до наших дней.⁹¹ Все сюжеты взяты из греческой мифологии, и все они использовались греческими драматургами в качестве сюжетов трагедий. Поэтому в трагедиях Сенеки не следует ожидать оригинальности сюжета. Не отличается оригинальностью и трактовка. Сенека подражает Еврипиду и некоторым более поздним греческим трагическим поэтам, не просто переводя их произведения, но придумывая мало новых ситуаций, а то и вовсе не придумывая их, и отличаясь от греческих драматургов главным образом большим реализмом и декламационной риторикой. По сути, его трагедии - это череда речей, едва прерываемая хоровыми песнями, которые отличаются от речей актеров главным образом метром. Сами по себе эти трагедии - слабое подражание и извращение своих греческих прототипов, хотя в них, как и в других своих произведениях, Сенека демонстрирует большое мастерство языка и энергичность выражения; но их реальное значение для современного читателя обусловлено их огромным влиянием на английских драматургов XVI века и на весь ход развития французской классической драмы. Во времена, когда латынь была гораздо более привычной, чем греческий, эти трагедии считались высшим проявлением античного драматического искусства, их изучали и им подражали драматурги современных народов.

Самой известной среди них является, пожалуй, *"Медея"*. В этой пьесе, как и в *"Медее"* Еврипида, рассматривается та часть мифа, в которой Ясон бросает свою жену Медею, чтобы жениться на Крюсе, дочери Креона, царя Коринфа. Медея. Медея посылает двух своих сыновей к Крюсе, чтобы они дали ей отравленный халат, который становится причиной ее смерти и смерти ее отца Креона. Затем Медея, желая причинить боль Ясону, убивает обоих детей. Следующий отрывок взят из ответа Медеи своей кормилице, которая уговаривает ее

бежать, когда приходит весть о том, что Креон и Крюса погибли от отравленного халата, который она послала:

Мне бежать? I? Если бы я уже ушла.

Я бы вернулась, чтобы увидеть

Эти новые обручения. Ты не хочешь остановиться, душа моя?

Эта радость - лишь начало мести.

Ты должна любить, если ты довольна.

Вдову Ясона. Ищи новых наказаний;

Честь ушла и девичья скромность...

Легкую месть чистые руки могли бы дать.

Укрепляй свой упавший дух, возбуждай гнев,

Вылей из сердца твоего всю древнюю силу,

Твои деяния до сих пор называют честью; проснись и действуй,

Чтоб увидели они, как легки, как малоценны,

Все прежние преступления - прелюдия мести!

На что могли отважиться мои начинающие руки?

Что за безумие было в дни моей юности?

Теперь я Медея, в горести сильная.

Радуйся, ибо через тебя погиб брат твой;

Радуйся, ибо через тебя его конечности были разорваны,

Через тебя отец твой потерял золотое руно;

Радуйся, что вооруженные тобою его дочери убили

Старый Пелиас! Отомстите! Не новичок ты

Ты к преступленью не приложил; Что ты сделаешь, какой дротик

пустишь против ненавистного врага?

Я не знаю, что замышляет мой обезумевший дух,

И сам себе не смею признаться!

По глупости я поспешил - лишь бы враг мой

Имел детей от другого! Мои - его.

Мы скажем, что их родила Крюса! Этого достаточно;

Через них мое сердце, наконец, обретет полную месть.
Моя душа должна быть готова к этому последнему преступлению.
Вы, которые когда-то были моими детьми, больше не мои,
Вы платите неустойку за преступления вашего отца.
Благоговение поражает мой дух и сковывает мою руку;
Сердце бьется безудержно; любовь матери изгоняет
Ненависть к мужу; неужели я пролью их кровь -
Кровь моих детей? Безумный, не бушуй,
Пусть будет далеко от тебя это преступление! В чем их вина?
Разве Ясон не их отец? Достаточно вины!
И еще хуже, что Медея считает их своими сыновьями.
Они не мои сыновья, так пусть же они умрут!
Нет, пусть лучше они погибнут, раз уж они такие!
Но они невиновны, как и мой брат!
Ты боишься? Уже ли слезы омрачают твою щеку?
Ярость и любовь, как противоположные приливы.
То здесь, то там? Как когда ветры воют,
И дикие волны друг с другом бьются,
Мое сердце бьется; долг изгоняет страх,
Как гнев изгоняет долг. Гнев умирает в любви".⁹²

Философские труды Сенеки естественным образом делятся на три части: официальные трактаты на этические темы, двадцать книг *"Этических писем"* (*Epistolæ Morales*), адресованных Луцилию⁹³, и *"Исследования природы"* (*Quæstiones Naturales*), состоящие из семи книг. Философские труды Сенеки. Последнее из упомянутых произведений, адресованное Луцилию и написанное между 57 и 64 гг. н. э., ни в коем случае не является полным трактатом о природе. Две книги посвящены астрономии, две - физической географии и четыре - метеорологии, причем четвертую книгу следует разделить на две книги: одну - по физической географии, другую - по метеорологии. Эти предметы рассматриваются с точки зрения стоиков, без каких-либо оригинальных исследований со стороны Сенеки, который черпает свои сведения исключительно из книг. Работа была очень популярна в Средние века, но не представляет научной ценности. Главным интересом Сенеки была этика, и в качестве текстов для своих этических воззрений он использует явления природы. В официальных трактатах по этике обсуждаются такие темы, как *"Гнев"* (*De Ira*, в трех книгах), *"Краткость жизни"* (*De Brevitate Vitæ*), *"Клеменция"* (*De Clementia*). *Счастливая жизнь* (*De Vita Beata*), *утешение* (*De Consolatione*, три независимых трактата, адресованных разным людям) и *дарование и получение благ* (*De Beneficiis*, подробный трактат в семи книгах). В *"Письмах"* схожие темы рассматриваются в несколько менее формальном ключе. Эти работы

показывают, что Сенека с большим усердием изучал труды предыдущих авторов на подобные темы, особенно стоиков, хотя труды эпикурейцев отнюдь не были обойдены вниманием. Нравственное учение в основном здоровое и мудрое, но оригинальности мысли мало. Стиль энергичен и эффективен, хотя искусственен и риторичен; но эти последние качества были настолько естественны для Сенеки, как и для других писателей его времени, что они не умаляют искренности выражаемых чувств. Сенека является наиболее полным выразителем стоической философии в том виде, в каком она развивалась в Риме. Он не столько умозрительный мыслитель, сколько дает практические советы по ведению жизни. Как и большинство, если не все, римских стоиков, он проповедник и учитель, и как таковой он представляет огромный интерес и важность. Его произведения читали в его собственное время и в последующие годы, хотя Квинтилиан и другие, кто хотел возродить латынь Цицерона, находили недостатки в их стиле. Их популярность не ослабевала на протяжении столетий, а их высокий нравственный тон привел к убеждению, что Сенека был христианином. Эта вера укрепилась после того, как в сравнительно ранний период была составлена серия из четырнадцати писем, которыми, как предполагается, обменялись Сенека и апостол Павел. Однако эти письма являются явной подделкой и не обладают никакими литературными достоинствами. Влияние Сенеки не умерло вместе с гибелью античной цивилизации, но сохранилось даже до наших дней и очень заметно в трудах Ральфа Уолдо Эмерсона.

В "*Апокосинтосе*" Сенека предстает как политический сатирик. Название можно перевести как "*Тыквофикация*", поскольку слово образовано от греческого *apotheosis*, а слово "тыква" заменено на слово "бог". Однако в самом памфлете эта шутка не встречается. Апокосинтоз. Только что умерший император Клавдий должен прибыть на Олимп и потребовать допуска к богам. Боги проводят собрание, на котором Август выступает против принятия Клавдия, и в итоге его отправляют в Аид, где его встречают те, кого он несправедливо предал смерти. Это единственный сохранившийся образец полной *сатиры Мениппея*, произведения, написанного по большей части прозой, но содержащего и метрические части. По этой причине она представляет определенный интерес, но ее литературные достоинства невелики. Эпиграммы Сенеки также не имеют большого значения. Это всего лишь стихи, которые может написать любой культурный литератор, подобный Сенеке, когда представится случай.

Век Сенеки не породил великих поэтов, и лишь немногие из них дошли до нас. Персий. Самый ранний из них - Аулу Персий Флакк, который родился в Волатерре 4 декабря 34 года н. э. и умер в возрасте двадцати восьми лет 24 ноября 62 года н. э. В возрасте двенадцати лет Персий уехал из родного города в Рим, где посещал различные школы, в том числе школу грамматика Реммия Паллемона. В шестнадцатилетнем возрасте он привязался к стоику Корниту и стал восторженным приверженцем стоической школы. Он был знаком со многими выдающимися людьми того времени, среди которых были Сенека и эпический поэт Лукан. Он был родственником Аррии, жены Пета Фрасея, и близость с Фрасеем и его семьей, несомненно, укрепила его интерес к стоической философии; ведь Фрасей был одним из многих знатных римлян, которые нашли в стоических доктринах моральную поддержку среди порока и разврата их вырождающегося времени. Персий принадлежал к конной семье и после своей смерти оставил большое имущество. Свою библиотеку он оставил Корниту, который отредактировал его стихи, состоящие из шести *сатир*. Персий написал несколько путевых заметок и трагедию, называемую *praetexta*, но они не были опубликованы. В первой сатире он нападает на литературную продукцию того времени и преобладающую любовь к славе. Это настоящая сатира, подражающая сатирам Луцилия или, скорее, Горация. В остальных стихотворениях Персий рассуждает на темы, почерпнутые из доктрин

стоиков. Вторая сатира посвящена молитве, третья - противоречию между нашими поступками и тем, что мы считаем правильным, четвертая - самопознанию; в пятой Персий с благодарностью хвалит Корнута, который обучил его стоической философии, и переходит к описанию истинной свободы, избавляющей людей от тирании страстей; в шестой он обращается к своему другу, поэту Сесию Бассу, рассказывает о своей приятной жизни в уединении в Луне и рассуждает о том, как правильно использовать блага этого мира.

Поэмы Персия вызывали восхищение у его современников, а последующие поколения, даже в Средние века, читали их и писали к ним комментарии. Это восхищение было вызвано морально-этическим содержанием поэм, хотя стиль также, несомненно, угодил извращенному вкусу самого поэта. Но ни содержание, ни стиль не заслуживают восхищения. Качество стихов Персия. Персий был молодым человеком, не отличавшимся оригинальностью и выражавшим в своих стихах только то, что он усвоил от своих учителей. Стоические доктрины, которые он излагает, банальны, даже примеры, которые он приводит, взяты из книг, а не из его собственного опыта; а стиль имеет все недостатки того времени. Персий прилежно изучал Горация, и его стихи полны гораццианских слов и фраз, но в них нет ничего от изящества и очарования Горация. Персий стремится к ярким выражениям и новизне формы. Поэтому он по возможности избегает всего естественного, использует необычные слова в неестественном порядке и преуспевает в том, чтобы быть неясным, не будучи глубоким. Немногие авторы так незаслуженно снискали себе долговременную славу.

Гораздо более ярким поэтом был Марк Анней Лукан, племянник Сенеки. Он родился в Кордубе в 39 году н. э., но был увезен в Рим, когда ему было всего восемь месяцев. Лукан. Там он получил хорошее образование, особенно в области риторики, и приобрел репутацию оратора на греческом и латинском языках. Одним из его учителей был философ Корнут, а среди его друзей был Персий, которым он очень восхищался. Он отправился в Афины, чтобы завершить свое образование, и был вызван обратно в Рим Нероном, который сделал его одним из своих друзей. В 60 году н. э. он написал поэму в честь Нерона, что привело к его политическому продвижению. Но благосклонность Нерона была недолгой: то ли Лукан был виновен в невежливости при публичных выступлениях, то ли Нерон завидовал его репутации поэта и запретил ему писать и декламировать. Лукан присоединился к заговору Пизона и был вынужден покончить с собой 30 апреля 65 года н.э.

Лукан написал несколько произведений, в основном в стихах, но единственным из них, сохранившимся до наших дней, является эпическая поэма в десяти книгах под названием *De Bello Civili* (*О гражданской войне*), обычно называемая *Pharsalia*, в которой он рассказывает историю гражданской войны до того времени, когда Сезар был осажден в Александрии. Фарсалия. Повествование прозаично и несколько скучновато, но скуку разбавляют яркие описания и по-настоящему красноречивые речи. Главным историческим источником является Ливий, хотя, судя по всему, обращались и к другим авторам. Некоторые неточности снижают историческую ценность поэмы. Дикция в основном вергилианская, хотя очевидно, что Лукан изучал Горация и Овидия. Географические и мифологические сведения иногда излишне выпячиваются, а риторическая подготовка и способности автора слишком очевидны. В книгах I-III Лукан по-прежнему дружелюбен к Нерону, которому он льстит в книге I, 33-66, хотя на протяжении всего произведения Сезар, основатель империи, является постоянным объектом враждебности поэта. В первых трех книгах героем является Помпей, а о Катоне и Бруте говорится с восхищением. Однако оппозиция к Сезарю не означает у Лукана враждебности к империи и желания вернуться к республиканской форме правления; на самом деле участие Лукана в заговоре Пизона, целью которого было свержение Нерона и назначение на его место хорошего императора, показывает, что он принимал имперскую

форму правления как единственно возможную. В качестве примера духа Лукана и речей, которые придают блеск его страницам, можно привести обращение Катона к римским солдатам армии Помпея в Египте после смерти Помпея, когда армия была на грани присоединения к Сезарю:

Значит, ни за какие высшие цели вы не вели своих войн?

Вы тоже, юноши, сражались за господ, и вы были

Не римские войска, а лишь отряд Помпея?

Не ради царской власти вы трудитесь сейчас,

Не для себя, а для своих вождей.

Вы живете и умираете не ради кого-то.

Вы стремитесь завоевать мир, ведь теперь для вас

Завоевывать безопасно, от войн вы отступаете,

И ищете ярмо, чтобы сжать свои пустые шеи,

И не знаете, как жить без короля!

Но теперь у вас есть дело, ради которого стоит рисковать людьми.

Ваша кровь могла бы пролиться потоками за Помпея,

А вы теперь отказываетесь от призыва своей страны

За жизни и мечи, когда свобода близка?

Из трех владык Фортуна оставила только одного.

О позор! Царский дворец на Ниле

И лук парфянского солдата больше, чем ты.

Римские законы хранили. Иди же, презри

Заслуги Птолемея, завоеванные оружием!

Дегенеративные солдаты! Кто подумает, что когда-то

Ваши руки были красны от крови битвы?

Он поверит, что вы быстро повернулись спиной

В бегстве перед ним; он подумает, что вы

Бежали первыми с ужасного поля фракийцев Филиппа.

Так идите же спокойно! Вы спасли свои жизни,

По суду Сезара, не покорились оружием,

и не осадой. О низкие, нелюдимые рабы!

Ваш бывший хозяин мертв, идите к его наследнику!

Почему вы не заслужите больше, чем жизнь, и больше.

чем помилование? Пусть несчастная жена великого Помпея

И пусть потомство Метелла по волнам

В цепях нести; сыновей Помпея в плен взять;

Пусть заслуг у Птолемея будет меньше, чем у тебя!

И моя собственная голова, кто принесет и отдаст

Ненавистному тирану, не жалко награды.

Те люди узнают по цене моей головы, что они

Служили не по чину, когда шли за мной.

Тогда идите, и великой резней Добудьте пустыни.

Простое бегство - низкое преступление.⁹⁴

Лукан, безусловно, является главным поэтом времен Нерона. Менее значим Тит Кальпурний Сикул, автор семи *эклог*, написанных в подражание Вергилию и Феокриту. Кальпурний. Раньше ему приписывали одиннадцать *эклог*, но теперь очевидно, что он был автором только семи, а остальные, вероятно, являются работой Немезиана, жившего в первой половине третьего века. *Эклоги* Кальпурния являются близким подражанием *эклогам* Вергилия, но значительно уступают своим прототипам. Они привлекательны, но настолько менее привлекательны, чем *эклоги* Вергилия, что их мало читают. Поэма "*В похвалу Пизону*" (*De Laude Pisonis*) с большой долей вероятности приписывается Кальпурнию. Пизон, которому поется хвала, - это, несомненно, Кальпурний Пизон, богатый и влиятельный человек, возглавивший заговор против Нерона и покончивший с собой в 65 году н. э. В поэме много подражаний Вергилию, Овидию и Горацию. Другие поэмы. К этому периоду следует отнести поэму "*Этна*" (см. с. 141) и многие анонимные стихотворения, сохранившиеся в рукописях, некоторые из которых не лишены достоинств. *Предисловие* под названием "*Октавия*", сохранившееся среди трагедий Сенеки, несомненно, относится к более позднему времени, поскольку в нем фигурируют Сенека и Нерон. По стилю она может быть почти написана Сенекой, хотя риторика в ней несколько менее эффективна, чем в трагедиях Сенеки. Пьеса интересна прежде всего тем, что это единственная сохранившаяся пьеса такого рода. От трагедий выдающегося полководца Публия Помпония Секунда сохранилось лишь несколько малозначительных фрагментов.

Уникальным произведением является роман Петрония. Петроний. Этот автор, без сомнения, идентичен Гаю Петронию, который был проконсулом Вифинии, а затем консулом, которого Нерон признал своим другом и считал *arbiter elegantiae* или судьей хорошего вкуса, но который был обвинен Тигеллином в 66 году н. э. и покончил с собой, чтобы избежать казни. Роман, известный под названием *Satirae*, первоначально состоял примерно из двадцати книг и содержал рассказ о приключениях греческого вольноотпущенника Энколпия, рассказанный им самим. Приключения были связаны друг с другом без сюжета, за исключением того, что гнев бога Приапа (пародия на гнев Посейдона в "*Одиссее*" Гомера), возможно, в некоторой степени служил сюжетом. Сохранившиеся части относятся к

пятнадцатой и шестнадцатой книгам. По форме они напоминают мениппеевскую сатиру, сочетая прозу и стих, но более длинные части написаны исключительно в прозе.

Главная из них - *Cena Trimalchionis* ("*Банкет Тримальхиона*"), описание изысканного развлечения, устроенного богатым и гордым кошельком вольноотпущенника Тримальхиона. Банкет Тримальхиона. Местом действия банкета является Кумæ, или Путеолы. Дом велик и полон дорогих вещей, но демонстрирует полное отсутствие вкуса. Сам Тримальхион - толстый старик, который приходит на ужин после того, как все гости уже давно сидят. Он сообщает, что ему неудобно прийти, но он не хочет их разочаровывать. Сначала он играет в шашки со слугой, но затем принимает участие в пиршестве и беседе. Первым блюдом становится деревянная птица, сидящая на яйцах, которые оказываются сделанными из пасты и содержат прекрасно приготовленную птицу. Когда серебряное блюдо падает на пол, Тримальхио приказывает подмести его вместе с мусором. Другое блюдо состоит из большого кабана, из которого, когда его разрезает раб в охотничьем костюме, вылетают живые дрозды. Снова разрезают жареного поросенка, и из него вываливаются всевозможные колбасы. Развлечение имеет не только гастрономические сюрпризы: появляется труппа гомеровских актеров и разыгрывает сцены Троянской войны, говоря на греческом языке. В конце представления приносят вареного тельца, и актер, исполняющий роль Аякса, разрубает его мечом, имитируя нападение Аякса в безумии на скот в Трое, и предлагает изумленным гостям кусочки мяса на острие меча. Приходят и акробаты, и когда один из них падает с лестницы на Тримальхиона, его тут же освобождают из рабства, чтобы не говорили, что такой великий человек, как Тримальхион, пострадал от раба. Вскоре потолок разваливается, и вниз спускается большой обруч, на котором кувшины с духами на память гостям. Все эти удивительные представления еще более забавны из-за наивной гордости Тримальхио, который много гордится своим огромным богатством и демонстрирует свое невежество, пытаясь показать свою образованность. Один из гостей рассказывает историю о призраке, другой - о приключении с оборотнем. Еще большее волнение вызывает драка между маленькой толстой собачкой, которую привел друг Тримальхиона, камнерез Хабиннас, и большой собакой, принадлежащей Тримальхиону. Затем рабы принимают участие в пире, Тримальхиону зачитывают его завещание, и все плачут. После ванны компания переходит во вторую столовую. Здесь Тримальхион яростно ссорится с женой, которая ревнует его к любимому мальчику-рабу. Наконец, Тримальхио приносят погребальную одежду, и он ложится как мертвый, приказав своим рогачам играть траурную музыку. Шум стоит такой, что полиция, решив, что дело неладно, врывается в дом, после чего гости убегают. Все это, а также многие другие подробности пышных и безвкусных трат, гордыни вульгарного Тримальхио и нелепых особенностей банкета, описаны с большим сатирическим юмором. Язык повествования изысканный, явно принадлежащий высокообразованному человеку. Однако Тримальхио и некоторые другие персонажи говорят на народном диалекте южной Италии, который содержит множество слов, незнакомых литературной латыни. Их речь не лишена грамматических ошибок и полна пословиц, как речь Санчо Пансы в "*Дон Кихоте*".

Среди стихотворений, содержащихся в романе, самое длинное, озаглавленное *De Bello Civili* ("*О гражданской войне*"), состоит из двухсот девяноста пяти гекзаметров, в подражание Лукану, с оттенками пародии; следующее по длине - *Troiæ Halosis* ("*Взятие Трои*"), в шестьдесят пять сенариев, вероятно, пародия на одноименную поэму Нерона. Роман Петрония местами крайне непристойный, но интересен тем, что содержит образцы народной речи, и еще тем, что является единственным известным примером сатирического романа на латыни. Кроме того, он полон остроумия и юмора, демонстрирует острую

наблюдательность и глубокое знание человеческой природы, а также литературы. Утрата большей части произведения вызывает большое сожаление.

Единственным сохранившимся историческим трудом этого периода является "*История Александра Македонского*" (*De Gestis Alexandri Magni*) Квинта Курция Руфа, о личности которого ничего не известно, но который, похоже, писал при Клавдии. Квинт Курций. Первоначально сочинение состояло из десяти книг, первые две из которых утрачены. Стиль написания основан на стиле Ливия, по большей части он ясен и прост, хотя и не полностью свободен от обычного для того времени налета эlegantности. Некоторые из описаний и речей исключительно прекрасны. Курций не является критическим историком и следует греческим авторитетам, выбранным без особого внимания к их точности. От других исторических трудов этого периода ничего не осталось. Мемуары. Мемуары, написанные различными более или менее важными персонами, также утрачены. Среди них можно упомянуть мемуары императрицы Агриппины и полководцев Гнея Домиция Корбула, который был консулом в 39 году н. э. и был предан смерти Нероном в 86 году н. э., и Суетония Паулина, который дважды был консулом, один раз вскоре после 42 года, а другой раз в 66 году н. э.

В это время, как и в предыдущий период, было написано множество научных трактатов, но сохранились только два: трактат "*О сельском хозяйстве*" (*De Re Rustica*) Луция Юния Модерата Колумеллы и "*География*" (*Chorographia*) Помпония Мелы. Колумелла. Колумелла родился в Гадесе (Кадис), служил в армии в Сирии. Он владел землями в Италии, и в своем труде он главным образом имел в виду сельское хозяйство Италии. Труд состоит из двенадцати книг и является наиболее полным из сохранившихся древних трактатов по сельскому хозяйству - более полным, чем труды Катона и Варро. Он написан простым и достойным стилем, больше похожим на прозу эпохи Августа, чем на искусственную риторику большинства современных трудов. В этом отношении Колумелла является предвестником классического возрождения при императорах Флавиев. Десятая книга, посвященная садоводству, написана гекзаметрами, чтобы служить пятой книгой "*Георгик*" Вергилия, поскольку Вергилий почти не затрагивал эту область своей темы.⁹⁵ Вся работа посвящена Публию Сильвину, и именно благодаря предложению его и еще одного друга десятая книга была написана в стихах. Стихи Колумеллы просты и классичны, но значительно уступают стихам Вергилия и менее восхитительны, чем его проза. Мела. Мела, как и Колумелла, был испанцем. Его родиной была Тингентера. Его три книги по географии были написаны вскоре после 40 года н. э. и представляют собой самый ранний из сохранившихся систематических трактатов на эту тему. Его стиль значительно уступает стилю Колумеллы, поскольку Мела пишет в аффектированной манере своего времени. Труд оживлен описаниями народов, мест и обычаев и ценен как источник информации, поскольку основан на достоверных авторитетах.

Исторические объяснения пяти ораций Цицерона, написанные Квинтом Асконием Педианом (около 3-88 гг. н. э.), сохранились во фрагментарном состоянии. Различные авторы. Они отличаются большой тщательностью и усердием и написаны в простом классическом стиле. Из других произведений Аскония сохранились фрагменты в комментариях Сервия к Вергилию. Работы ораторов этого периода полностью утрачены, как и юридические труды Прокула и Гая Кассия Лонгина (консул 30 г. н. э.), который продолжил школы Лабео и Капито. Самым значительным грамматиком этого времени был Марк

Валерий Проб из Берита, которому Иероним приписывает дату 56 г. н. э. Он подготовил и опубликовал издания Теренция, Лукреция, Вергилия, Горация и Персия, обращая внимание на различные чтения, пунктуацию и т. п., а также комментируя текст. Он также писал грамматические трактаты, хотя грамматика, сохранившаяся под его именем, не является его работой. Его единственными сохранившимися работами являются список сокращений и части комментариев к Вергилию.

ГЛАВА XIV

ФЛАВИАНСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ - СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Веспасиан, 69-79 гг. н. э.- Тит, 79-81 гг. н. э.- Домициан, 81-96 гг. н. э.- Валерий Флакк, умер около 90 г. н. э.- Силий Италик, 25-101 гг. н. э.- Стаций, с 40 по 95 г. н. э.- Отец Стация, около 15-80 гг. Д.-Салей Басс, около 70 г. н. э.-Куриаций Матерн, около 70 г. н. э.-Марциал, от 40 до 104 г. н. э.-Плиний Старший, 23-79 г. н. э.-Фронтин, претор 70 г. н. э.-Квинтилиан, от 35 до 100 г. н. э.

После смерти Нерона последовал год беспорядков, в течение которого Гальба, Отхо и Вителлий последовательно возвышались до высшей власти, были свергнуты и убиты. Флавианские императоры. Но ужас, царивший в Риме в последние годы правления Нерона, прошел с приходом императоров династии Флавиев. Веспасиан (69-79 гг. н. э.) и Тит (79-81 гг. н. э.) были твердыми, но мягкими правителями. Оба были известны прежде всего как храбрые солдаты и умелые полководцы, но ни один из них не был бескультурен или лишен литературных интересов. Веспасиан писал мемуары, а Тит в 76 году н. э. сочинил поэму о комете. Однако их интерес к литературе и интеллектуальным занятиям проявлялся не столько в их собственных произведениях, сколько в другом. Веспасиан был либерален к поэтам и художникам; он уделял внимание драматическим представлениям; три тысячи бронзовых табличек, уничтоженных при сожжении Капитолия, он заменил копиями; он предусмотрел оплату риториков, или преподавателей ораторского искусства, за счет государства, став первым, кто создал систему государственного образования. Изгнание философов и астрологов во время его правления было связано с реакционной политикой философов, а не с каким-либо противодействием философии с его стороны. Домициан (81-96 гг. н. э.) был совсем другим человеком. До прихода к императорской власти он проявлял вкус к поэзии, что заставляло писателей того времени льстить ему, будто он один из величайших поэтов; но когда он стал императором, то отказался от всех литературных занятий. Не упоминается ни одного его произведения, кроме поэмы о битве, произошедшей в Капитолии в 69 году н. э., и трактата об уходе за волосами, которым он интересовался по причине своей лысины. Тем не менее он восстановил сожженные библиотеки и учредил публичные игры, в которых принимали участие драматические артисты, поэты и ораторы. Но его ревность и жестокость превзошли его литературные интересы. Дважды, в 89 и 93 годах нашей эры, философы и астрологи были изгнаны из Рима, и хотя эти действия можно оправдать политической целесообразностью, нельзя найти оправдания жестокости, которая заставляла его преследовать авторов и предавать их смерти под самыми ничтожными предлогами. Последние годы его правления были периодом ужаса для литераторов даже в большей степени, чем для других его подданных.

При Веспасиане безумный террор правления Нерона сменился периодом спокойствия. В литературе также больше достоинства и лучшего вкуса сменяет преувеличенная риторика предшествующих лет. Писатели флавийского периода - так называемого Серебряного века римской литературы - возвращаются к манере великих писателей эпохи Августа. Только Тацит развивает стиль, отличающийся заметной оригинальностью, и Тацит - единственный действительно великий писатель этого периода. Остальные, среди которых выделяются Квинтилиан, Стаций и старший Плиний, демонстрируют образованность и рассудительность, но не гениальность.

Самый ранний поэт флавийской эпохи - Гай Валерий Флакк, единственное известное произведение которого - эпическая поэма *"Аргонавтика"*, посвященная приключениям Ясона и его товарищей в поисках золотого руна. Ссылка на взятие Иерусалима Титом показывает, что ранняя часть поэмы была написана вскоре после 70 г. н. э., а упоминание об извержении Везувия доказывает, что Валерием Флакком она была завершена не ранее 79 г. н. э. Поэт умер незадолго до 90 г. н. э. Кроме этого, о его жизни ничего не известно. История экспедиции аргонатов была рассказана в *"Аргонавтике"* греческого поэта Аполлония Родия в III веке до н. э., и Валерий Флакк подражает Аполлонию в общей трактовке темы, иногда даже переводя его слова; но он усиливает некоторые сцены, которые Аполлоний описал кратко, и добавляет некоторые новые элементы в рассказ, а с другой стороны, он опускает много излишней учености, проявленной Аполлонию, и кратко рассказывает части истории, которые греческий поэт рассказал более подробно. В целом, когда Валерий меняет отношение к Аполлонию, изменения происходят к лучшему. Например, в латинской поэме, когда Ясон достигает Колхиды, он находит Ээта, на которого насаждает вражеская армия, и получает от него обещание золотого руна в обмен на помощь в войне. Когда враг повержен, Эет нарушает свое обещание, и Ясон, таким образом, оправдывается, принимая помощь Медеи и ее магических искусств. Ничего из этого нет у Аполлония, и римский поэт внес явное дополнение в сюжет истории. Валерий уделяет больше внимания обрисовке характеров, чем Аполлоний, и особенно удачно выделяет характеры Ээта и Ясона. Его описание душевных терзаний Медеи, разрывающейся между любовью к Ясону и долгом перед отцом и страной, гораздо эффективнее, чем у Аполлония или даже чем описание любви Дидоны к Энею у Вергилия, которое основано на Аполлонию. В дикции Валерий подражает Вергилию, хотя его стиль гораздо менее прост и ясен, чем у Вергилия, а в трактовке многих эпизодов поэмы он копирует трактовку Вергилием схожих тем; в произведении также заметно влияние Овидия и трагедий Сенеки. В своем нынешнем виде *"Аргонавтика"* обрывается на восьмой книге, оставляя рассказ незавершенным; но потеряна ли оставшаяся часть поэмы или она никогда не была написана, определить невозможно.

Силий Италик, чье полное имя было Тиберий Каттий Силий Италик, выбрал для сюжета своего эпоса римскую тему, вторую Пуническую войну. Силий Италик. Он родился в 25 году нашей эры. Он умер от голода из-за неизлечимой болезни в 101 г. н. э. Говорят, что при Нероне он был доносчиком (*delator*), но в 68 г. н. э. получил должность консула, а затем был наместником Азии при Веспасиане. Последнюю часть жизни он провел в почетной отставке в Кампании. Здесь он посвятил себя литературе и написал семнадцать книг *"Пуники"*, в которых повествует о второй Пунической войне до решающей битвы при Заме в 202 году до н. э. Его исторические сведения взяты из Ливия, и поэтому они верны во всех существенных вопросах. События войны описываются в хронологическом порядке. Стиль - подражание Гомеру и Вергилию, причем подражание распространяется не только на стиль, поскольку традиционный эпический механизм богов, пророчеств, героев и т. п. используется так же свободно, как если бы вторая Пуническая война была такой же мифической, как приключения Энея. Так, Юнона стремится подарить Ганнибалу победу, а Венера помогает

римлянам. Морской бог Протей предсказывает карфагенскому флоту ход войны, а Ганнибал в гребневом шлеме, с мечом и копьем, "смертоносным для тысяч", неистовствует у стен Сагунтума, как Ахилл при осаде Трои. Короче говоря, Силий, не обладая собственным поэтическим вдохновением и воображением, использует в своем рассказе о Пунической войне те методы, которые были уместно применены к мифам прежних времен Гомером и Вергилием. В результате *Punica*, хотя и написана хорошим гекзаметром, безнадежно скучна и неинтересна. Так называемый *Homerus Latinus*, или *Ilias Latina*, эпитома "Илиады" в тысяче семидесяти гекзаметрах, относят к ранним годам Силия Италика. Она завоевала значительную популярность, но является произведением невысокого достоинства.

Самым выдающимся поэтом этого периода был Публий Папиний Стаций. Стаций. Он родился в Неаполе, вероятно, около 40 г. н. э., но большую часть жизни провел в Риме, хотя вернулся в Неаполь, вероятно, в 94 г. н. э. Последняя дата, на которую ссылаются его стихи, - 95 г. н. э. Его отец был из знатной, но небогатой семьи и добился некоторого успеха как поэт и учитель, сначала в Неаполе, а затем в Риме, где среди его учеников был Домициан. Он намеревался написать поэму об извержении Везувия в 79 году н. э., но помешала смерть, которая, должно быть, настигла его около 80 года н. э. От него Стаций получил свое раннее образование и первый импульс к поэзии. Стаций получил призы за поэзию на *Августалиях* в Неаполе и в Альбе, но не смог выиграть приз на *Капитолии* в Риме. Это произошло, вероятно, в 94 году н. э., и его отъезд в Неаполь, возможно, был вызван разочарованием. Он был женат на вдове по имени Клавдия, у которой была дочь от прежнего мужа, но своих детей у Стация не было. Домициан относился к нему благосклонно, подарил ему водопровод для своего загородного дома в Альбе и приглашал к своему столу. Эти немногие подробности его жизни почерпнуты из его стихов, главным образом из поэмы в честь памяти его отца, которая опубликована как третья в пятой книге "*Сильвеев*".

Главное произведение Стация - "*Фивы*", эпическая поэма в двенадцати книгах, темой которой является борьба между двумя сыновьями Идипа, Этеоклами и Полиниками, и легендарная история Фив до смерти Креона. Эта работа занимала поэта в течение двенадцати лет, вероятно, около 80-92 годов н. э. Сочинения Стация. Другие сохранившиеся произведения Стация - "*Сильвеев*", сборник коротких стихотворений на различные темы, разделенный на пять книг, и "*Ахиллея*". Ни одна из поэм, содержащихся в *Silvæ*, не была написана до 91 или 92 года н. э., а пятая книга, не имеющая предисловия и содержащая несколько неоконченных стихотворений, вероятно, была опубликована после смерти поэта. *Ахиллес* должен был стать рассказом о жизни Ахилла, охватывающим историю Троянской войны, но он обрывается на второй книге, прежде чем Ахилл достигнет Трои. Единственные утраченные произведения Стация, на которые есть хоть какие-то ссылки, - это пантомима под названием "*Агава*" и эпос о германской войне Домициана; но последняя работа, вероятно, так и не была завершена.

Стаций был горячим поклонником Вергилия, и "*Фиваида*" представляет собой искусное подражание "*Энеиде*". Тебаис. Из "*Энеиды*" заимствован не только язык Вергилия, но и деление поэмы на двенадцать книг, общая хронологическая последовательность событий, расположение, при котором сцены сражений начинаются с седьмой книги, и трактовка многих отдельных сцен. Тема *Фиваиды* была обработана многими предыдущими поэтами, и Стаций мог найти эту историю в различных мифологических справочниках. Поэтому нет уверенности, хотя и не исключено, что он следовал версии, изложенной Антимархом в его "*Фивах*", написанных в V веке до н. э. Стаций не является великим эпическим поэтом. Ему не хватает чувства меры, и он не обладает особой драматической силой, несмотря на то, что явно стремится к драматическому эффекту. Он преуспевает в описаниях и уподоблениях, но

уделяет каждому из них слишком много места; особенно утомляют его уподобления. Всей поэме не хватает очарования истинного поэтического вдохновения. Она выучена и правильна, но искусственна, подражательна и утомительна. Одно из самых кратких и сильных описаний в "*Фивах*", которое показывает, что Стацию нравится то, что ужасно и болезненно, - это описание *Oedipus*, когда он слышит о смерти своих сыновей и выходит оплакивать их тела:

Но когда их отец услышал рассказ о преступлении,
Он бросился из глубокой тени, где обитал,
И на жестоком пороге предстал перед взором
Его полумертвый вид; его хриплые локоны, неухоженные
Были мерзкими от древней скверны, и вязкими от крови.
Волосы, покрывавшие его голову, охваченную яростью;
Его рот и щеки были глубоко запавшими, и сгустки
Кровь запеклась в его выжженных глазах.⁹⁶

Ахиллеус обладает теми же хорошими и плохими качествами, что и *Фебаус*, и менее утомителен только потому, что он менее длинный. *Ахиллея* и *Сильвия*. В "*Сильвиях*" Стаций проявляет себя с лучшей стороны. Эти эпизодические поэмы, очевидно, были написаны по большей части на скорую руку. Так, в предисловии к первой книге Стаций говорит, что ни одна из поэм, содержащихся в ней, не занимала его более двух дней, а одна из них содержит 277 строк. Стихи написаны в основном для того, чтобы угодить какому-нибудь знатному или богатому покровителю, а темы во многих случаях тривиальны: попугай, прекрасная баня или красивое дерево, принадлежащее тому, к кому обращаются. Такие произведения не требуют особого поэтического пыла, а лишь мастерства в написании стихов, которым Стаций обладал в полной мере. Почти все стихи написаны в гекзаметрах, только шесть, среди которых одно, посвященное дню рождения *Лукана*, написаны в других метрах. В стихах больше или меньше набивки; призывы к Музам или богам занимают много места, а мифологические аллюзии без нужды множатся; но это простительно для поэта, который пишет для того, чтобы угодить покровителю. Из всех стихотворений Стация наиболее приятным является одно из девяти подростковых строк, обращенных к Сну, "юноше, нежнейшему из богов". Бодрствующий поэт умоляет Сна прийти, но не просит его расправить все свои крылья над его глазами, а лишь коснуться его своим жезлом или легко пройти над ним. *Тебаус* и *Ахиллес* сразу же завоевали популярность, их продолжали читать и ими восхищались в Средние века; но современность изменила прежнее суждение, и то восхищение, которое до сих пор испытывает Стаций, он получает благодаря "*Сильвиям*".

Эпосы *Салея Басса* и отца Стация, писавших при *Веспасиане*, исчезли, как и трагедии и оратории *Куриация Матерна*, жившего в то же время. Другие поэты. Лирический поэт *Аррунтий Стелла* и поэтесса *Сульпиция* писали при *Домициане*, но их произведения также утрачены, так как сохранившаяся короткая поэма, приписываемая *Сульпиции*, относится к более позднему времени. Единственный *флавианский* поэт, помимо *Валерия Флакка*, *Силия Италика* и *Стация*, чьи произведения сохранились, - *Марциал*.

Марк Валерий Марциал родился в Бильбилисе, на северо-востоке Испании, первого марта, около 40 года н. э. Марциал. Его родители, Фронто и Флацилла, дали ему обычное грамматическое и риторическое образование в Билбилисе или в каком-то соседнем городе, а в 64 году н. э. он отправился в Рим, где стал клиентом или прихлебателем семьи Сенеки и некоторых других важных семей. Возможно, какое-то время он занимался адвокатской практикой, но жил в основном за счет щедрот своих покровителей. Тит даровал ему *ius trium liberorum*, а Домициан подтвердил. Он получил титул трибуна, который предусматривал конный чин. Ему принадлежало небольшое загородное поместье близ Номемтума, возможно, подаренное Аргентарией Поллой, вдовой Лукана; одно время у него был собственный дом в Риме, и он держал несколько рабов. Однако он никогда не был богат, так как постоянно жаловался на бедность. В 98 году н. э. он вернулся в Испанию и умер в своем родном городе не позднее 104 года н. э., так как младший Плиний в письме, написанном около этой даты, говорит о его недавней смерти.

Стихи Марциала состоят из четырнадцати книг эпиграмм, две последние из которых, состоящие из строк, предназначенных для сопровождения ксений и апофоритов, подарков, которые было принято преподносить друзьям на *Сатурналиях*, не были опубликованы как книги их автором. Одна книга *Spectacula* посвящена театральным представлениям и другим зрелищам, от которых римляне приходили в восторг; остальные книги - *Epigrammata*, каждая из которых переработана и опубликована с предисловием автора. Самое длинное стихотворение содержит пятьдесят одну строку, самое короткое состоит из одного гексаметра. Большинство стихотворений написаны элегическим стихом, но многие - шестисложным, встречаются и несколько других стихотворений. Марциал - мастер эпиграммы. Его стихи сентиментальны и точны, часто горьки, нередко неприличны, но никогда не бывают натянутыми, скучными или неестественными. В эпоху множества подражательных поэтов Марциал был оригинален. Это не означает, что в его стихах нет следов подражания, поскольку его обязательства перед Катуллом очевидны и откровенно признаются, а влияние Вергилия, Овидия и Ювенала явно заметно; но его остроумие, откровенность и сентиментальная краткость - его собственные. У него нет возвышенного поэтического вдохновения, и он не демонстрирует большую высоту характера, чем та, которая необходима для того, чтобы он мог видеть и признавать свою собственную ограниченность. Несмотря на горечь многих своих стихов, он, похоже, был человеком с мягким характером. Он был другом Силия Италика, Квинтилиана, младшего Плиния и Ювенала, но не упоминает Стация по имени, хотя его насмешки над эпическими поэтами, вероятно, направлены против него. Младший Плиний говорит о нем: "Он был талантливым, острым и энергичным человеком, чьи труды полны остроумия и желчи, а также не меньшей откровенности".⁹⁷

Марциала нельзя причислить к великим поэтам, но его умение выражать четко сформулированные мысли в кратких, прочувствованных, метких словах сделало его эпиграммы образцами для всех последующих времен. Следующие строки посвящены смерти Аррии, которая, когда ее мужу Петису было приказано покончить с собой, указала ему путь:

Пониард, кровью жизни окрашенный,

Когда Аррия ее Петису дала,

"Безболезненно, мой возлюбленный, - вскричала она,

"Если б только смерть моя жизнь твою спасла".[98](#)

Еще одна краткая эпиграмма посвящена рыбам, предположительно принадлежащим перу великого скульптора Фидия:

Этих рыб Фидий создал; жизнью он их наделил

Они наделены; добавь воды - и они плавают.[99](#)

Эти строки также относятся к произведению искусства:

Эта ящерица на кубке заставляет тебя вздрогнуть.

Не бойся, она живет лишь благодаря искусству Ментора.[100](#)

Повседневная жизнь Рима описывается в следующих строках:

Посещения поглощают первый, второй час;

Когда наступает третий, хриплые мольбы показывают свою силу;

В четыре к делам Рим приступает сам;

В шесть она ложится спать, в семь просыпается;

А в девять, надышавшись, мы отдыхаем,

И в пиршественном зале диван продавлен.

Теперь, когда твое мастерство, величайший из поваров, накрыло

Амброзийный пир, пусть читают рифмы Марциала,

Могучей рукой, пока Сезар держит чашу,

Когда нектар расслабил его душу.

Теперь мелочи проходят. Моя легкомысленная Муза побоялась бы

Чтоб в утреннем настроении суровом К ней подойти.[101](#)

Среди многих ученых писателей этого периода наиболее значимым является старший Плиний. Плиний Старший. Гай Плиний Секунд родился в Новум Комуме, на севере Италии, в 23 году н.э. В раннем возрасте он отправился в Рим, где попал под влияние Помпония Секунда, чей пример, возможно, заставил его сочетать государственную службу с усердной учебой и авторством. Вся жизнь Плиния прошла на службе государству. Он был офицером кавалерии, служил в Германии и, возможно, в Сирии; он был доверенным советником и агентом Веспасиана и в разное время занимал важный пост прокуратора или губернатора в нескольких провинциях. Его племянник особенно упоминает о его прокураторстве в Испании. Эти разнообразные и важные официальные обязанности, однако, не отвлекали Плиния от учебы. Вечером, когда его везли в тележке по улицам, после выполнения служебных обязанностей, во время купания и во время еды он постоянно читал или ему читали. Он считал, что ни одна книга не может быть настолько бедной, чтобы не содержать чего-то достойного записи, и поэтому делал заметки обо всем, что читал. После своей смерти он оставил сто шестьдесят рулонов рукописных заметок, тщательно исписанных с

обеих сторон. При всем этом Плиний был не просто книжным червем, а практиком дел и заинтересованным наблюдателем за людьми и окружающими его вещами. Его рвение к знаниям стоило ему жизни; когда в 79 году нашей эры произошло великое извержение Везувия, Плиний, командовавший флотом в Мизенуме, отправился на военной галере в окрестности вулкана, чтобы исследовать странное явление и помочь тем, кто оказался в опасности, высадился и в конце концов погиб от пепла и ядовитых газов. Описание этого события - самое интересное из писем его племянника, младшего Плиния.

Результат усердия Плиния виден в его великом энциклопедическом труде "*Естественная история*" в тридцати семи книгах. В нем он берется систематически описать все царство природы. Первая книга состоит из оглавления с перечнем авторов, к которым он обращался. "*Естественная история*". Далее следуют по порядку общее математическое и физическое описание Вселенной, география и этнология, антропология, зоология, ботаника и минералогия. В разделе минералогии описывается применение металлов и камней, что приводит к ценной истории живописи и скульптуры. "*Естественная история*" написана по большей части в простом, прямолинейном стиле, хотя иногда и с отступлениями от хорошего вкуса, но это не великое литературное произведение. Ее важность заключается в содержащейся в ней информации. В первой книге Плиний упоминает около пятисот авторов, от которых он черпал информацию, но поскольку он также говорит о ста избранных, с чьими работами он консультировался, очевидно, что его авторитеты делятся на два класса. По всей видимости, он действительно консультировался примерно с сотней, но в первой книге записал имена других авторов, на которых ссылался как на настоящих авторитетов. Плиний - едва ли не единственный античный писатель, который старается дать много информации об источниках своих знаний, но даже в его случае зачастую трудно, а то и невозможно, точно определить, из какого источника взято то или иное утверждение. В целом же очевидно, что Плиний был тщательным работником, и его утверждения, как правило, можно принять за истину. Большой труд был готов к публикации в 77 году н. э. и отправлен Титу с интересным предисловием. Но даже после этого Плиний продолжал добавлять результаты дальнейшего чтения или наблюдения. Смерть настигла его в разгар работы. Другие работы Плиния. Плиний был также автором нескольких других работ, наиболее важными из которых были "*История германских войн*" в двадцати книгах и "*История от конца истории Ауфидия Басса*" в тридцати одной книге. Какой именно период охватывала эта работа, точно не известно, но предположение о том, что каждая книга посвящена одному году и что в целом это история 41-71 годов н. э., не является невероятным. Эти работы, как и менее значительные труды Плиния, утрачены, но они, по крайней мере, послужили материалом для Тацита, который цитирует "*Германские войны*", и для других историков.

Из технических трудов этого периода до наших дней дошли только два: "*Стратегемы*" (*Strategemata*) и трактат о римских акведуках (*De Aquis Urbis Romae Libri II*) Секстия Юлия Фронтин, человека весьма выдающегося, который был претором в 70 году н. э., несколько раз консулом и был назначен *куратором Акварума*, или смотрителем за водоснабжением Рима, в 97 году н. э. Фронтин. Различные писатели. Его труды относятся скорее к истории технических наук, чем к истории литературы. Нам известны имена нескольких авторов воспоминаний о путешествиях, юридических трактатов, речей, историй и технических сочинений разного рода, но их произведения утеряны или сохранились лишь частично в виде неудовлетворительных фрагментов. Школы грамматики и риторики продолжали существовать, и многие преподаватели этих предметов пользовались значительной репутацией. Величайшим из них и единственным, чьи труды дошли до наших дней, является Квинтилиан, последний и в некоторых отношениях величайший из испанских писателей Рима.

Марк Фабий Квинтилиан родился в Калагуррисе, в Испании, около 35 г. н. э. Он получил образование в Риме у самых выдающихся учителей того времени, а когда его образование было завершено, вернулся в родные места. Квинтилиан. Но в 68 году нашей эры Гальба, который до того, как стать императором, был правителем Испании, вызвал Квинтилиана в Рим. Здесь он стал преподавателем риторики и получал жалование из императорской казны. В то же время он был известным адвокатом, но опубликовал только одну речь, хотя другие были опубликованы без его полномочий по стенографическим отчетам. Он был очень влиятельным человеком и даже был возведен в консулы Домицианом, который назначил его воспитателем своих внучатых племянников. Проработав преподавателем двадцать лет, он оставил школу и посвятил себя написанию своего великого труда, *Institutio Oratoria*. Он был опубликован около 93 года н. э. Более ранняя работа, "*О причинах упадка ораторского искусства*" (*De Causis Corruptæ Eloquentiæ*), утеряна. Личная жизнь Квинтилиана не была свободна от проблем. Он женился в зрелом возрасте, но его жена умерла, когда ему было всего восемнадцать лет, младший сын - вскоре после этого в возрасте пяти лет, а старший сын - через короткий промежуток времени в возрасте девяти лет. Когда Квинтилиан умер, неизвестно, но вряд ли он прожил долго после 100 года нашей эры.

Название *Institutio Oratoria*, данное Квинтилианом своему труду, обозначает его как учебник ораторского искусства. *Institutio Oratoria*. Но это не просто технический трактат по ораторскому искусству. Квинтилиан был восторженным поклонником своей профессии и считал, что ораторское искусство - это высшее проявление человеческой мысли и человеческой жизни. Как и Катон, он требовал, чтобы оратор был не только хорошим оратором, но и, прежде всего, хорошим человеком. Прежде чем приступить к техническому изучению ораторского искусства, он должен получить общее литературное образование.

Благодаря такой широкой концепции качеств оратора великий труд Квинтилиана стал общим и очень важным трактатом о воспитании. Он устроен следующим образом: первая книга посвящена элементам воспитания и содержит много интересных наблюдений о семейной жизни; основополагающие принципы риторики рассматриваются во второй книге, которая продолжает обсуждение целей и методов воспитания; следующие пять книг (III-VII) исчерпывающе посвящены ораторскому искусству под главными заголовками "*изобретение*" и "*расположение*", и являются по большей части строго техническими; В четырех книгах (VIII-XI) речь идет о выражении и обо всем, что входит в понятие "*стиль*", с обсуждением заучивания и произнесения; и последняя книга (XII), теперь, когда теория ораторского искусства изложена, возвращается к самому оратору и обсуждает моральные качества и постоянную самодисциплину, которые только и могут сделать оратора великим.

Техническая часть "*Institutio Oratoria*" теперь, поскольку изучение формальной риторики больше не является важной частью либерального образования, не представляет особого интереса, за исключением тех, кто специально изучает римский стиль и педагогические теории. Однако даже в этих книгах можно найти немало мудрых высказываний, имеющих непреходящую ценность, таких как "цена смеха слишком высока, когда он покупается за счет добродетели";¹⁰² или "шутка за счет несчастных бесчеловечна";¹⁰³ или "именно дух и сила ума делают людей красноречивыми".¹⁰⁴ Подобные замечания, замечательно сформулированные и вставленные в нужные места, делают более технические книги Квинтилиана достойными прочтения даже сейчас. Но главный интерес для современного читателя представляют те части работы, которые имеют меньше отношения к специальной подготовке оратора и являются более общими по своему охвату: обсуждение элементарного образования в первой книге, трактат о более широком и масштабном образовании зрелой

жизни в последней книге, а также краткий критический обзор греческой и латинской литературы в первой главе десятой книги.

Теория воспитания, представленная Квинтилианом, является результатом серьезных размышлений. Теория воспитания. Она демонстрирует широту взглядов, разумность и в то же время возвышенность замысла, которые сразу же обеспечивают ее автору важное место среди писателей-педагогов. Особое внимание уделяется этическому или моральному элементу в воспитании. Квинтилиан, как и многие другие в его время, чувствовал, что уровень нравственности, литературы и ораторского искусства стал ниже, чем во времена республики. Но вместо того, чтобы оплакивать упадок

Квинтилиан, видя, что единственное лекарство лежит в правильном воспитании, взялся указать путь к восстановлению древнего совершенства. Тацит в своем сочинении об ораторском искусстве упоминает небрежность родителей и плохое воспитание как главную причину упадка красноречия; на эту же точку зрения, очевидно, опирался и сам Квинтилиан в своем утраченном сочинении об *упадке ораторского искусства*, а в *Institutio Oratoria* делается попытка показать, как можно остановить упадок и восстановить прежние добродетели. То, что и другие, кроме Квинтилиана, были серьезно заинтересованы в реформе, не вызывает сомнений, и если их усилия не увенчались успехом, то, вероятно, отчасти потому, что они пытались восстановить совершенство ушедшего времени и не могли регулировать активные силы настоящего.

Как литературный критик Квинтилиан проявляет то же здравомыслие, которое характеризует его образовательную теорию. Литературная критика. Поскольку знание лучшей литературы необходимо для оратора, Квинтилиан рассматривает главных греческих и латинских писателей, и интересно отметить, что он считает последних равными грекам. Он отдает предпочтение Цицерону, которого считает равным Демосфену, и занимает главное место среди римлян. Однако он признает достоинства даже тех авторов, таких как Сенека, чей стиль ему меньше всего нравится. В кратких и восхитительно выразительных словах он характеризует стиль главных писателей Греции и Рима, и его суждения почти во всех случаях остались суждениями последующих веков. Интересно также отметить, что произведения почти всех тех писателей, которых он называет лучшими, сохранились до наших дней, что является дополнительным доказательством того, что дошедшие до нас произведения были сохранены по большей части не по случайности, а благодаря их внутренним достоинствам. Восхищение Квинтилиана Цицероном проявилось в его собственном стиле. Стаций вернулся к стилю Вергилия, а Квинтилиан возвращается к Цицерону, отбрасывая риторические наросы Сенеки и его школы. Стиль. Его латынь классическая и красивая, иногда не уступает языку самого Цицерона. Он является ярчайшим представителем классической реакции своего времени. Но возврат к более раннему стилю, будь то в литературе или искусстве, никогда не был постоянным, и влияние Квинтилиана, как бы велико оно ни было, не смогло остановить ход тех изменений и упадка, которым в конце концов суждено было преобразовать латинский язык и привести к появлению романских языков нового времени.

ГЛАВА XV

НЕРВА И ТРАЯН

Нерва, 96-98 гг. н. э. - Траян, 98-117 гг. Д.-Тацит, около 55 - около 118 гг. Д.- Ювенал, с 55 (?) по 135 г. н. э.- Плиний Младший, с 61 или 62 по 112 или 113 г. н. э. Д.-Другие писатели.

При Нерве (96-98 гг. н. э.) и Траяне (98-117 гг. н. э.) была восстановлена свобода слова и литературных высказываний, изгнанная при тирании Домициана. Нерва и Траян. Нерва и Траян были образованными людьми. От стихов Нервы, из-за которых Марциал назвал его "Тибуллом нашего времени", ничего не осталось, а история Дакийской войны Траяна также, к сожалению, утрачена. Ответы Траяна на письма младшего Плиния показывают, что он умел писать ясно, кратко и по-деловому, но не проявлял других литературных качеств. Он уделял внимание образованию молодежи и основал Ульпиеву библиотеку, но не был человеком с выраженными литературными вкусами. При Нерве и Траяне литературе было позволено идти своим чередом без помех, а также без того императорского покровительства, которое иногда подавляет свободное высказывание так же эффективно, как суровость или запугивание. Тем не менее, литературных произведений было мало. Писателей было много, но большинство из них не оставили потомкам даже своих имен. Единственными литературно значимыми авторами при этих императорах являются Тацит, Ювенал и младший Плиний.

Корнелий Тацит¹⁰⁵ родился, согласно существующим свидетельствам, в 55 или 56 году н. э. Тацит родился в 55 или 56 году н. э. Место его рождения не зафиксировано. Место его рождения не указано, и ничего определенного не известно о его семье; но его образование, карьера и женитьба на дочери Агриколы указывают на то, что он принадлежал к важной семье. Его брак состоялся в 78 году н. э., через год после консульства Агриколы. Тацит начал свою официальную карьеру при Веспасиане, продолжил ее при Тите и достиг звания претора при Домициане, в 88 г. н. э. При Траяне, в 97 г. н. э., он был назначен консулом (*consul suffectus*), а около 112-116 гг. Д. он был проконсулом Азии. Его смерть наступила, вероятно, вскоре после 117 г. н.э. Он пользовался большой репутацией как оратор, о чем свидетельствует тот факт, что в 97 или 98 году н. э. он произнес погребальную речь по Вергинию Руфу, и, вероятно, во многом благодаря его красноречию в 100 году н. э. он вместе с Плинием добился осуждения Мариуса Приска, проконсула Африки, за вымогательство. Не без знания государственных дел Тацит обратился к написанию истории, и не без практических знаний ораторского искусства он написал диалог *De Oratoribus*.

В порядке написания Тацит включает в себя *Диалог об ораторах* (*Dialogus de Oratoribus*), драматическая дата которого - 75 год н. э., а дата написания неясна; *Германию* (*Germania*), опубликованную в 98 году н. э.; *Агриколу* (*Agricola*), написанную в начале правления Траяна, вероятно, в 98 году н. э.; *Историю* (*Histories*), написанную при Траяне и, очевидно, не завершенную до 110 года н. э.; и *Анналы* (*Annals*), опубликованные между 115 и 117 годами. *Диалог об ораторах* - это исследование причин упадка ораторского искусства. Сочинения Тацита.

Диалог. По форме это подражание знаменитому диалогу Цицерона *De Oratore*, а по стилю - Цицерону. В этом отношении диалог настолько не похож на поздние произведения Тацита, что его авторство отрицается многими учеными. Однако следует помнить, что это его самая ранняя работа, и что цицероновский стиль преподавался в школе Квинтилиана и, несомненно, в других школах Рима, так что подражание Цицерону было естественным началом для молодого автора. Кроме того, в диалоге прослеживаются следы более позднего стиля Тацита, который отличается эпиграмматическими высказываниями и частым использованием недосказанности. Поэтому произведение можно безоговорочно приписать Тациту. Это интересный и привлекательный диалог, в котором спокойная жизнь поэта противопоставляется более активной карьере оратора, а затем обсуждается реальная тема - причины упадка ораторского искусства. Делается вывод, что ораторское искусство пришло в

упадок отчасти из-за недостатков риторического образования, но еще больше из-за того, что оратор больше не имеет при императорском правительстве того влияния и власти, которые принадлежали его предшественникам во времена республики.

Агрикола (De Vita et Moribus Iulii Agricolæ) - биография и панегирик Гнею Юлию Агриколе, тестю Тацита. Агрикола. Во введении Тацит объясняет причины, по которым он ничего не написал во время правления Домициана. Этот отрывок заслуживает того, чтобы его процитировать, не только как образец стиля Тацита, но и потому, что он выставляет в ясном свете его взгляд на императорское правительство в I веке. На протяжении всех *"Историй"* и *"Анналов"* его позиция остается неизменной, и его гений навязал свой взгляд всем последующим временам. При Домициане два выдающихся стоика, Арулен Рустик и Геренний Приск, были преданы смерти, а их труды публично сожжены. Тацит упоминает об этом, а затем выражается следующим образом:

Они думали, что в этом огне сгорает голос римского народа, свобода сената и совесть рода человеческого, тем более что учителя философии были изгнаны, а все добрые профессии отправлены в изгнание, чтобы ничто почтенное не могло их оскорбить. Мы действительно дали большое доказательство нашего терпения; и как в древности был предел свободы, так и мы увидели предел рабства, когда даже общение речи и слуха было отнято инквизицией. А вместе с речью мы должны были потерять и саму память, если бы мы были способны забывать, как и молчать. Теперь, наконец, к нам вернулось мужество, но хотя... Траян с каждым днем прибавляет блаженство времени, ... а государство обретает уверенность и силу, все же по природе человеческой слабости средства лечения действуют медленнее, чем болезни; и как наши тела растут медленно, но быстро разрушаются, так и гений и образованность можно подавить быстрее, чем возродить их. Ибо очарование лени также овладевает нами, и бездействие, которое мы сначала ненавидели, в конце концов становится дорогим. За пятнадцать лет, большую часть человеческой жизни, многие пали от случайностей, а все самые энергичные - от жестокости императора, и немногие из нас остались, так сказать, в живых не только от других, но даже от самих себя, так как из нашей жизни вычеркнуто столько лет, за которые мы, будучи юношами, перешли в старость и, будучи стариками, почти без слов достигли предела самой жизни. ¹⁰⁶

Агрикола не был великим человеком ни по уму, ни по силе характера. К тому же он благополучно пережил правление Домициана, не воспротивившись воле тирана. Естественно, трудно было написать панегирик такому человеку, который бы заинтересовал и порадовал публику. Но Тацит, сделав главный акцент на успешном управлении Агриколы в Британии, которому предшествует рассказ об этой стране и предыдущих римских экспедициях, сделал из своего панегирика настоящий исторический очерк, в котором Агрикола - самая заметная фигура. Таким образом, интерес читателя поддерживается, а цель писателя достигнута. Произведение завершается красноречивой и прекрасной апострофой Агриколе.

Когда он писал *"Агриколу"*, Тацит уже планировал большую историю своего времени, для которой он, по крайней мере, начал накапливать материалы. Германия. В *"Германике"* (*De Origine Situ Moribus ac Populis Germaniæ*) материал, собранный для вступления к рассказу о войнах в Германии, опубликован в виде отдельного произведения. Этот небольшой трактат интересен как самый ранний из дошедших до нас связанных рассказов о стране и жителях Северной Европы. Некоторые из содержащихся в нем утверждений явно неверны, но в основном то, что рассказывает Тацит, согласуется и дополняет то, что мы знаем из других источников. Сочинение представляет собой компиляцию из различных более ранних работ, среди которых *"История германских войн"* Плиния, несомненно, была самой важной, хотя

Тацит, вероятно, консультировался с работами Цезаря, Веллея Патеркула и других, а также получал информацию от многих римлян, служивших в армии в Германии. Нет никаких признаков того, что Тацит когда-либо сам был в Германии. Как литературное произведение "*Германия*" значительно уступает "*Агриколе*", хотя и написана примерно в одно и то же время. В "*Агриколе*" Тацит выражает свои собственные чувства к тестю, которого он, очевидно, любил и уважал, в то время как в "*Германии*" мало места для каких-либо чувств и нет ни одной эмоции. И все же, при всей разнице в литературных достоинствах, эти два произведения демонстрируют стиль Тацита на одном и том же этапе. В них еще сохранились остатки цicerоновской плавности, но это, очевидно, пережитки. Тенденция использовать краткие, даже сокращенные фразы, придавать смысл выражениям с помощью словесной антитезы или инверсии порядка и заставлять свои предложения подразумевать больше, чем выражают слова, характерна для зрелого стиля Тацита и очевидна, хотя еще не полностью развита, как в "*Агриколе*", так и в "*Германии*".

По крайней мере, уже в 98 г. н. э. Тацит планировал написать историю своего времени. Первоначально он собирался начать с воцарения Гальбы и продолжить в хронологическом порядке. Но, закончив историю периода от Гальбы до смерти Домициана (68-96 гг. н. э.), он вернулся к смерти Августа и написал историю времени до воцарения Гальбы (14-68 гг. н. э.). Великая история. Он намеревался написать историю царствования Нервы и Траяна, но так и не сделал этого. Часть труда, завершенная первой, посвященная событиям времен жизни автора, называется "*Истории*" (*Historiæ*); часть, написанная позже, но посвященная более раннему периоду, обычно называется "*Анналы*" (*Annales*), хотя ее правильное название - "*Ab Excessu Divi Augusti*", в подражание названию истории Ливия "*Ab Urbe Condita*". Вместе они состоят из тридцати книг, из которых четырнадцать относятся к "*Истории*", а шестнадцать - к "*Анналам*". Из "*Анналов*" сохранились следующие части: Книги I-IV и начало Книги V, от смерти Августа до 29 года н. э., Книга VI, за исключением начала, продолжающая историю до смерти Тиберия, и Книги XI-XVI, от 47-66 годов н. э., хотя этот длинный фрагмент изуродован в начале и в конце. Утрачен рассказ о правлении Калигулы, а также о первых семи годах правления Клавдия и чуть более двух лет в конце правления Нерона. От "*Истории*" остались только первые четыре книги и часть пятой, и этот важный фрагмент сохранился только в одной рукописи. Он содержит историю чуть более одного года, памятного 68-69 года н. э., когда Гальба, Отто и Вителлий, быстро сменяя друг друга, завоевали императорскую власть и погибли, а за ними последовал Веспасиан.

В "*Анналах*", относящихся к периоду до его собственных воспоминаний, Тацит трактует историю Рима и империи так, как будто она определялась желаниями, прихотями и капризами нескольких человек. Он изображает характер Тиберия и двор Нерона в ярких и сочных красках. Анналы. Придворные интриги, судебные и частные убийства, разнузданность и разврат столицы предстают перед нами во всей силе его блестящего и пронзительного стиля. Эти вещи представляются самыми важными в истории того времени. Современные ученые с помощью надписей установили, что Римская империя на протяжении всего этого периода умело и мирно управлялась постоянными чиновниками и была мало затронута террором, царившим в столице. Но для Тацита Рим был империей. Провинции находились в отдалении и не имели в его глазах большого исторического значения. То, что его взгляд на историю узок и искажен, очевидно; тем не менее его гений сделал его на века единственным общепринятым взглядом на римскую историю при первых императорах. В "*Истории*", посвященной его собственному времени, он видит вещи более ясно. Восстание батавов при Цивилисе и война в Палестине описаны с не меньшими подробностями, чем кровопролитная борьба в Риме, хотя и здесь влияние характеров и поступков отдельных людей на непреодолимый ход истории преувеличено. Такой взгляд на историю, при котором

события слишком сильно зависят от отдельных людей, в сочетании с пессимизмом, который видит скрытые мотивы даже за невинными или безразличными поступками, является большим недостатком Тацита как историка. Его информация тщательно собрана, хотя, как правило, он пренебрегает всеми упоминаниями о своих авторитетах. При подготовке своего рассказа о евреях в пятой книге "*Истории*" он, очевидно, полагался на слухи и другие ненадежные источники информации, не обращаясь к Септуагинте или Иосифу, но подобная небрежность не может быть доказана в других частях его работы.

Его стиль пропитан словами и фразами классических писателей, особенно Вергилия, и риторическими учениями Серебряного века, но при этом он глубоко индивидуален. Стиль Тацита. Он лаконичен, резок и резок, но часто грандиозно поэтичен в своем красноречии; он внешне прямолинеен, но так или иначе часто раскрывает полускрытый смысл; он заботлив, всесторонне проработан, но при этом воздействует на читателя с суровой серьезностью. Такой стиль почти неподражаем, как у авторов латинского языка, так и у переводчиков. Его сравнивают со стилем Карлайла, и это сравнение заслуживает упоминания, хотя и не стоит заходить слишком далеко. Немногие прозаические произведения содержат больше эпиграмматических предложений, чем у Тацита. Примеры таковы: "Предателей ненавидят даже те, кого они продвигают";¹⁰⁷ "Никто не печалится более демонстративно, чем те, кто больше всего радуется своему сердцу";¹⁰⁸ "Князья смертны, государство вечно";¹⁰⁹ "Когда государство было наиболее развращенным, законы были наиболее многочисленными";¹¹⁰ "Новые люди, а не новые меры";¹¹¹ "Пороки будут существовать до тех пор, пока существуют люди";¹¹² "Слава не всегда ошибается, иногда она выбирает".¹¹³ Наделенный поразительными стилистическими способностями, писавший, по сути, в стиле, который не мог не вызывать интерес и не удерживать внимание читателей, Тацит не удивительно, что ему удалось навязать миру свои взгляды на историю, которые можно лишь частично исправить путем тщательного изучения и интерпретации фрагментарных записей.

Ювенала трудно отделить от Тацита. Оба они изображают жизнь Рима в одинаково ярком свете, и картина, представленная каждым из них, согласуется с картиной другого. Ювенал. Диатрибы Ювенала как бы иллюстрируют высказывания Тацита, а Тацит показывает, что жестокость Ювенала оправдана фактами. О жизни Ювенала известно немного. В некоторых рукописях его полное имя указано как Decimus Iunius Iuvenalis. В одном из *жизнеописаний* дата его рождения указана как 55 год н. э., что, возможно, верно, хотя нет особых причин считать ее точной. Он родился в Аквинуме, городе вольсков, где занимал должности *дуумвира Квинквенналиса* и *фламена дивизии Веспасиана*. Одно время он также был военным трибуном, служил в первой далматинской когорте, , возможно, в Британии. Эта военная служба, вероятно, относится к его юности, а местные должности - к более позднему периоду жизни. Он, очевидно, получил хорошее образование и, судя по всему, несколько лет занимался ораторским искусством. Марциал, который упоминает его несколько раз, говорит о нем как о красноречивом, а не как о поэте или сатирике. *Жития* сходятся в том, что он был изгнан, но не в том, что касается времени и места его изгнания. Он приехал в Рим около 90 г. н. э., был там еще в 101 г. н. э. и, вероятно, провел в столице часть более поздних лет. В Риме он жил в плебейском квартале Субура, но имел доступ в дома богатых вельмож. Его сатиры были написаны между 100 и 127 годами н. э., а умер он около 135 года н. э.

Ювенал - самый суровый и жестокий из четырех великих римских сатириков. Сатиры. Луцилий был откровенен и иногда жесток, но стремился к исправлению, обличая глупости своего времени; Гораций вскоре потерял всякую горечь и выражал добродушную язвительность; Персий черпал свои темы из книг и проповедовал стоические доктрины; но Ювенал нападает на римское общество в яростных и язвительных стихах, не уклоняясь ни от

одной ужасной или непристойной детали, не проявляя юмора, кроме самого мрачного и грубого, и не надеясь на исправление изображаемых им пороков. Он обладает всем разнообразием фраз опытного ратора, а его строки обладают почти вергилиевским величием. В его сатирах действительно заметно влияние Вергилия больше, чем любого другого предшествующего писателя, хотя в них можно найти следы Гомера, Геродота, Платона, почти всех римских поэтов, а из римских прозаиков - Цицерона, Валерия Максима и Сенеки. Однако жестокость его сатир направлена не против современников. Кажется, что он имел в виду скорее Рим Домициана, чем Траяна или Адриана, при которых он писал. Шестнадцать сатир разделены на пять книг. Книга I (Сатиры i-v) написана не ранее 100 года н.э., а книга II (Сатиры vi) - не ранее 116 года н.э. Это самые сильные, самые жестокие и наименее приятные книги. Книга III (Сатиры vii-ix) была написана около 120 года, книга IV (Сатиры x-xii) - около 125 года, а книга V (Сатиры xiii-xvi) - в 127 году н. э. В этих трех книгах меньше ярости, но и меньше силы, чем в первых двух. Старость принесла с собой потерю одновременно и свирепости, и силы.

В первой сатире Ювенал объясняет причины, побудившие его писать так, как он пишет. Содержание сатир. Он устал слушать бесконечные эпопеи, а испорченность времени такова, что "трудно не писать сатир"¹¹⁴ и "негодование делает стих".¹¹⁵ Зло, на которое нужно напасть, перечисляется в серии быстро набросанных картинок, и поэт заявляет, что "все, что делают люди, их надежды, страхи, гнев, удовольствия, радости и горести составляют мешанину моей книги".¹¹⁶ И в следующих сатирах ярко представлены и безжалостно атакованы недостатки людей, опасности города, двор Домициана, гордыня богатства, преступления женщин, недостаток чести для интеллекта, ничтожность знатного происхождения без добродетели, противоестественная похоть, недалёковидность человеческих желаний, неправильность подачи детям дурного примера и другие яркие черты жизни Рима. Одна из самых интересных сатир - третья, в которой описываются опасности города. Человек, который уезжает из Рима в маленький провинциальный городок, объясняет причины своего отъезда:

Что мне делать в Риме? Я не могу лгать;

Я не могу хвалить плохую книгу и просить

Копию ее; я невежда

О движении звезд; я не хочу

И не могу обещать смерть отца.¹¹⁷

Грязные улицы, вода, капающая из акведука, опасность падения черепицы или домашних сосудов, пьяные драки на улицах, богачи, провожаемые домой клиентами и рабами с горящими факелами, опасность от грабителей - эти и многие другие детали плохо регулируемой столицы предстают перед нами. Этой сатире подражает Джонсон в своем "Лондоне", который по праву называют одним из лучших современных подражаний древней поэме, а поэма того же автора "Тщетность человеческих желаний" - менее точное, но не менее восхитительное подражание десятой сатире Ювенала. Заключительный отрывок десятой сатиры, в котором поэт рассказывает о том, какими должны быть предметы молитвы, является возвышенным изречением человеческой мудрости. Самой жестокой из всех сатир является, напротив, шестая, в которой преступления женщин подвергаются осуждению.

Современному читателю нелегко получить удовольствие от Ювенала. Его сатиры полны аллюзий на неизвестные лица и вещи в Риме, они изобилуют мифологическими ссылками и литературными реминисценциями, и, наконец, дикий тон ранних книг неприятен. Однако сила инвектив, четкость и живость описаний, разнообразие дикции и красота стихосложения сделали Ювенала читаемым автором. То, что его также часто цитируют, объясняется эпиграмматической и остроумной формой многих его фраз. *Mens sana in corpore sano*,¹¹⁸ *Rara avis*,¹¹⁹ *Panem et circenses*,¹²⁰ *Hoc volo, sic iubeo*,¹²¹ *Quis custodiet ipsos custodes?*¹²² - одни из самых знакомых латинских цитат, а многие другие почти столь же знакомые выражения заимствованы у Ювенала. Некоторые из них отличаются не только формой, но и значением. Таковы, например: "*И ради жизни отказаться от единственной цели жизни*"¹²³ и "*Наибольшее почтение причитается ребенку*".¹²⁴ Недаром Ювенал оказал огромное влияние на человеческую мысль.

Тацит и Ювенал похожи друг на друга оригинальностью и энергичностью мысли и выражения, суровым суждением о людях и нравах, пессимизмом. Плиний Младший. Младший Плиний контрастирует с ними во всех этих отношениях, и его письма дают нам представление о римской жизни, сильно отличающееся от того, которое мы получаем от них. Гай Плиний Секунд был сыном Луция Сецилия Цило, богатого аристократа из Комума, но по завещанию был усыновлен своим дядей, старшим Плинием. Поэтому он изменил свое имя, которое первоначально было Публий Сецилий Секунд, и взял имя своего дяди, сохранив свою первоначальную фамилию Сецилий только для юридического и официального использования. Он родился в 61 или 62 году н. э., поскольку ему шел восемнадцатый год, когда произошло извержение Везувия, 24 августа 79 г. н. э. Цило умер, когда Плиний был еще маленьким, и мальчик стал подопечным Вергиния Руфа, что, однако, не уменьшило отцовского интереса его дяди, с которым он находился во время извержения. Плиний начал свою карьеру в качестве адвоката в 80 или 81 году н. э. Он занимал различные должности, был военным трибуном, квестором в 89-90 годах н. э., народным трибуном в 90-91 годах н. э., претором в 93 году н. э., был одним из префектов, отвечавших за военную казну, а также за общую казну, стал консулом в 100 году н. э. и сменил Секста Юлия Фронтинуса в коллегии авгуров в 103 или 104 году н. э. Он был правителем Понта и Вифинии в 111-112 или 112-113 годах н. э. D., и умер до 114 года A. D., либо в своей провинции, либо вскоре после возвращения в Италию. Его жизнь прошла в основном на службе у правительства и по большей части в Риме. Он был трижды женат, но детей у него не было. Он был важным оратором, большинство своих речей произносил по делам о наследстве, хотя пять раз привлекался для участия в важных уголовных процессах. Перед публичным выступлением он декламировал свои речи, а после произнесения публиковал их, иногда с исправлениями. Он интересовался поэзией и писал стихи разного рода, но они, как и его речи, за исключением панегирика на Траяна, утрачены.

Сохранившиеся произведения Плиния состоят из девяти книг писем к различным лицам, написанных между 97 и 109 годами нашей эры, панегирика на императора Траяна, доставленного в 100 году нашей эры, когда Плиний стал консулом, и семидесяти двух писем к Траяну, написанных между 98 и 106 годами и с сентября 111 года по январь 113 года нашей эры. Письма Плиния. Опубликованы ответы Траяна на пятьдесят одно из этих писем, которые демонстрируют его твердую рассудительность и практический здравый смысл в ярком контрасте с нерешительностью и отсутствием независимости Плиния. Другие письма Плиния более интересны. Он описывает сцены при римских дворах, собрания, где публика скучала, читая свои произведения, дает подробные описания своих лаврентийских¹²⁵ и тосканских¹²⁶ вилл, в двух письмах¹²⁷ к Тациту рассказывает об извержении Везувия, смерти своего дяди и собственных чувствах. Между прочим, он проливает свет на

общественную и семейную жизнь того времени. Его собственный характер также хорошо прорисован. Каким же юным ханжой он должен был быть, если отказался от приглашения дяди поехать с ним, чтобы увидеть с близкого расстояния великое извержение, предпочитая проводить время за книгами, и даже продолжал делать выписки, когда его разбудило страшное землетрясение - и это в семнадцать лет! Его тщеславие прекрасно проявляется в другом письме к Тациту, [128](#), в котором он рассказывает историю в свою честь и надеется, что Тацит вставит ее в "*Историю*", и еще в одном, [129](#), где он говорит самому оригинальному и неподражаемому из всех римских писателей со времен Августа: "Ты, по сходству наших натур, всегда казался мне самым легким для подражания и самым достойным подражания. Поэтому мне тем приятнее, что, когда речь заходит о литературе, нас упоминают вместе, что я сразу же прихожу на ум тем, кто говорит о тебе". Другие качества проявляются не менее отчетливо. Он был тщеславен и любил похвалы, но в то же время был добр к своим рабам, ласков с друзьями, мягок и совестлив. Он редко отзывался о ком-либо недоброжелательно, а когда высказывал резкую критику, то почти всегда избегал упоминания имени того, кого критиковал. Любовь к природе была модной в Риме, и Плиний, возможно, лишь следовал моде, когда писал о природных пейзажах, но вполне вероятно, что он действительно ощущал их очарование. Он очень восхищался Цицероном, и, несомненно, отчасти, по крайней мере, благодаря этому восхищению Плиний, как и Цицерон, опубликовал свои письма. Однако между этими двумя сборниками есть большая разница. Письма Цицерона были собраны и опубликованы другими, тогда как письма Плиния с самого начала предназначались для публикации и в разное время публиковались самим Плинием. Таким образом, это не необдуманные высказывания, а тщательно подготовленные для всеобщего ознакомления сочинения. Тем не менее эпистолярный стиль хорошо сохранился, хотя и не без некоторого педантичного изящества, и письма дают нам такое же представление о римской жизни при Траяне, как письма Цицерона о жизни последних лет республики.

Панегирик на Траяна был произнесен как официальное выражение благодарности Плиния и его коллеги Корнута Тертулла за их возведение в консульство. После произнесения речи она была переработана и дополнена. Поэтому в своем сохранившемся виде она не является ни речью, ни историческим очерком, а представляет собой их смесь. *Панегирик*. После вступления рассказывается о деяниях Траяна до его въезда в Рим, затем о его вступлении в город и о его многочисленных политических, муниципальных и финансовых мерах на благо государства. Личные качества Траяна превозносятся самым восторженным образом, а качества Домициана выставлены в самом ненавистном свете. Затем рассказывается о втором и третьем консулатах Траяна, его заботах о провинциях, судебных актах и чертах его личной жизни. Заканчивается речь или трактат выражением благодарности Плиния и его коллеги. *Панегирик* нельзя назвать привлекательным произведением, но он является главным источником информации по истории первых лет правления Траяна.

Хотя Плиний не был ни великим человеком, ни великим писателем, он был культурным джентльменом и полезным гражданином. Другие писатели. Его письма знакомят нас с римской жизнью с той стороны, которую Тацит и Ювенал оставили практически нетронутой. Поэтому они не только интересны, но и, как исторические документы, имеют огромное значение. Кроме Тацита, Ювенала и Плиния, нет писателей времен Траяна, которые заслуживали бы более чем беглого упоминания. Имена многочисленных поэтов сохранились, главным образом, в письмах Плиния, но их произведения утеряны, и у нас нет оснований полагать, что они заслуживали сохранения. Ораторы, юристы и грамматик продолжали говорить и писать, и некоторые из них достигли известности, но их произведения в большинстве своем утрачены, а сохранившиеся технические трактаты по грамматике не представляют особого интереса для изучающего литературу. То же самое

можно сказать и о трактатах по геодезии и укреплению лагерей Гигина, по геометрии Бальбуса и по топографии Сикла Флакка. Литература периода между смертью Домициана и воцарением Адриана содержится в трудах Тацита, Ювенала и Плиния.

ГЛАВА XVI

ИМПЕРАТОРЫ ПОСЛЕ ТРАЯНА - СУЕТОНИЙ - ДРУГИЕ ПИСАТЕЛИ

Адриан, 117-138 гг. н. э. - Антонин Пий, 138-161 гг. н. э. - Марк Аврелий, 161-180 гг. н. э. - Коммод, 180-192 гг. н. э. - Септимий Север, 193-211 гг. н. э. - Александр Север, 222-235 гг. н. э. - Гордиан I, 238 г. н. э. - Галлиен, 260-268 гг. Аврелиан, 270-275 гг. н. э. - Тацит, 275 г. н. э. - Суетоний, около 70 или 75 - около 150 гг. н. э. - Флор, время Адриана - Иустин, время Адриана (?) - Лициний, время Антонина Пия - Ампелий, время Антонина Пия (?) - Сальвий Юлиан, время Адриана - Секст Помпониий, время Антонина Пия - Гай, около 110-180 гг. н. э. - Квинт Сервидий Сцевола, время Антонина и М. Аврелий-Папиниан, время Коммоды и Септимия Севера - Теренций Скавр, время Адриана - Теренций Мавр и Юба, до 200 г. н. э. - Аэро, около 200 г. н. э. - Порфирий, около 200 г. н. э. - Фест, начало третьего века.

Только в четвертом веке после Рождества Христова в Константинополе была основана новая столица Римской империи, но задолго до этого времени реальный центр тяжести империи стал смещаться на восток. Латинская литература после Траяна. В Азии, Египте и Африке находились великие источники богатства и огромные массы населения. Пока Рим превращался из маленького итальянского городка в правителя мира, и даже некоторое время после создания империи, римляне обладали сильным национальным чувством, и римская литература, хотя и начиналась с подражания произведениям греков, была национальной литературой. Но со II века перемены, которые готовились еще со времен Августа, стали очевидны. Рим перестал быть центром мира во всем, хотя по-прежнему оставался местом правления. Знатные люди проводили большую часть своего времени в небольших городах Италии, а лидеры мысли и творцы литературы больше не считали необходимым жить в Риме. Кроме того, развитие христианства принесло с собой новую литературу, которая была не национальной, а христианской. Эти причины, а также другие, менее очевидные, но, возможно, не менее мощные, привели к быстрому упадку национальной литературы. Наша задача - проследить с этого момента ход этого упадка и в то же время зафиксировать подъем христианской литературы на латинском языке. Произведений, имеющих большое литературное значение, в этот период немного, и история литературы может быть рассмотрена менее подробно, чем до сих пор.

Император Адриан (117-138 гг. н. э.) был человеком необычайно разносторонним. Адриан. Он произносил и публиковал речи, написал автобиографию, труды по грамматике и даже стихи. Он одинаково хорошо знал греческий и латынь, и, вероятно, отчасти благодаря этому факту литературное возрождение во время его правления было менее латинским, чем греческим. Большую часть времени он проводил вдали от Рима, и где бы он ни был, его путь был отмечен возведением зданий для использования и украшения. Три года он прожил в Афинах, где пристроил к древнему городу новый квартал. Греческий язык, который на протяжении веков был знаком литераторам Рима, теперь, как никогда ранее, стал

литературным языком империи. Вряд ли стоит удивляться тому, что латинская литература при Адриане не имела более выдающегося представителя, чем Суетоний.

Преемник Адриана, Антонин Пий (138-161 гг. н. э.), не был писателем, но проявил интерес к литературным и интеллектуальным вопросам, выдавая жалованье и привилегии философам и риторам. Марк Аврелий (161-180 гг. н. э.) был тщательно обучен греческими и римскими преподавателями. Антонины. Еще будучи мальчиком, он проявлял большой интерес к стоической философии, но знаменитый оратор и учитель Фронто (см. стр. 235) оказал на него такое большое влияние, что на несколько лет он посвятил себя риторике. Переписка Фронто с Марком Аврелием показывает, насколько велика была привязанность, существовавшая между учителем и учеником, и насколько ничтожны были риторические учения и исследования, в которых Фронто провел свою жизнь и которым, как он надеялся, его ученик посвятит свой ум. Однако Фронто был обречен на разочарование, так как на двадцать пятом году жизни Марк Аврелий вновь обратился к философии. Переписка с Фронто ведется на латыни, похожей на латынь самого Фронто, обильно украшенной устаревшими выражениями, взятыми у писателей республиканского периода. *Мысли* Марка Аврелия, этические максимы и моральные размышления, благодаря которым стоические доктрины кажутся столь похожими на христианство, написаны по-гречески. О том, что Марк Аврелий считал греческий язык культуры или, по крайней мере, философии, говорит тот факт, что он основал в Афинах философские школы с профессорами, получавшими регулярную зарплату. Луций Вер, коллега Марка Аврелия до 169 г. н. э., также был учеником Фронто, и в его письмах к учителю проявляются те же недостатки стиля, что и у Марка Аврелия. Он не оказал никакого влияния на латинскую литературу, а Коммод (180-192 гг. н. э.) вообще не проявлял интереса к литературе.

У Пертинакса были литературные вкусы, но его короткое правление не дало ему возможности повлиять на развитие национальной литературы, а его преемник Дидий Юлиан, купивший империю у гвардии преторианцев, после шестидесяти шести дней номинальной власти обнаружил, что его покупка принесла ему разорение и смерть. Более поздние императоры. Септимий Север (193-211 гг. н. э.), хотя его родным языком, вероятно, был пунический, был хорошо образован в греческом и латинском языках и написал автобиографию, но нет никаких признаков того, что он оказал заметное влияние на римскую литературу. Среди поздних императоров было мало тех, чьи литературные интересы были сильны, и еще меньше тех, кто фигурировал в качестве авторов. В III веке Александр Север (222-235 гг. н. э.) серьезно интересовался греческой и латинской литературой и поощрял литературное творчество всеми доступными ему средствами; Гордиан I (238 г. н. э.) написал метрическую историю Антонинов в тридцати книгах, а также другие произведения в прозе и стихах, но они утеряны, и его короткое правление не позволило ему оказать императорское поощрение литературе; стихи и речи Галлиена (260-268 гг. н. э.) и исторические труды Аврелиана (270-275 гг. н. э.) были малозначительны. Император Тацит (275 г. н. э.) приложил все усилия, чтобы распространить за границей труды своего предка-историка, и, возможно, именно благодаря ему эти труды частично сохранились. Те из более поздних императоров, кто имел литературные интересы, оказали свое влияние скорее на греческую, чем на латинскую литературу.

Самым значительным писателем времен правления Адриана является Гай Суетоний Транквилл. Он родился, по-видимому, между 70 и 75 годами н. э. Суетоний был другом младшего Плутарха. Он был другом младшего Плиния, который упоминает его в своих письмах. Плиний добился для него военной трибуны, которую тот передал своему родственнику. Плиний также помог ему приобрести небольшое поместье и побудил

опубликовать некоторые из его трудов. При Адриане он занимал должность секретаря, с которой был уволен в 121 году н.э. О его дальнейшей жизни ничего не известно, но, вероятно, он посвятил себя литературному труду, а поскольку его работы были многочисленны, можно предположить, что он дожил до преклонного возраста.

Сохранилось только два произведения Суетония, первое - полностью, за исключением небольшой части в начале, а второе - только часть, и та сильно изуродована. Жития цезарей. На сайте "*Житие двенадцати цезарей*" (*De Vita Cæsarum*) в восьми книгах изложены жизни Юлия Цезаря (книга I), Августа (книга II), Тиберия (книга III), Калигулы (книга IV), Клавдия (книга V), Нерона (книга VI), Гальбы, Оттона, Вителлия (книга VII), Веспасиана, Тита и Домициана (книга VIII). Работа посвящена Септицию Клару, которому Плиний Младший посвятил свои письма, и была опубликована между 119 и 121 гг. Д., так как Кларус обращается к нему как *præfectus prætorio*, должность, которую он занимал только в эти годы. Начало утеряно, поскольку жизнь Цезаря начинается с того момента, когда Цезарю было шестнадцать лет. Суетоний - внимательный и добросовестный писатель, он использует различные источники информации, не только опубликованные истории и биографии, но и государственные документы, автографы императоров и, по-видимому, устную традицию. Однако ему не хватает критической проницательности, необходимой для хорошего историка, и понимания характера, необходимого для хорошего биографа. Он собирал свой материал беспристрастно, избегая ни дружеских, ни враждебных отношений с императорами, чьи жизни он записывает, и расположил его как мог, без видимого стремления проследить развитие характера или даже определить во всех случаях хронологическую последовательность событий. Даты приводятся редко, и в целом работа представляет собой скорее материал для истории, чем реальную историю. Но этот материал интересен, а стиль прост, понятен и ясен. Хотя он писал в то время, когда в моде были жеманства, Суетоний обладал хорошим вкусом, чтобы держаться от них подальше.

Вторая работа Суетония, озаглавленная *De Viris Illustribus* ("*О выдающихся людях*"), представляет собой серию работ о философах, грамматиках и риториках. *De Viris Illustribus*. Раздел об ораторах начинался с Цицерона, об историках - с Саллюстия. Сохранилась большая часть раздела о грамматиках и риториках, а также жития Теренция, Горация и Лукана из раздела о поэтах и Плиния Старшего из раздела об историках. Выдержки из других частей произведения сохранились у Иеронима и в схолиях о различных писателях. Каждый раздел содержит список обсуждаемых авторов, краткое описание их литературной отрасли и краткие жития авторов, расположенные в хронологическом порядке. В этой работе стиль также прост и ясен, но краткость достигается за счет литературного совершенства.

Другие работы Суетония, некоторые из которых использовались более поздними писателями в качестве источников информации, касались греческих игр, римских игр, римского года, критических пометок в книгах, "*Республики*" Цицерона, одежды, непристойностей, а также римских законов и обычаев. Другие работы. Некоторые из тезисов, несомненно, были включены в работу под названием "*Прата*", своего рода энциклопедию в десяти книгах, которая также касалась филологии и естественных наук. Работы о греческих играх и о порицаниях, очевидно, были написаны на греческом языке, остальные - на латыни. Суетоний не был великим писателем, но был старательным собирателем интересной информации. Его дошедшие до нас труды ценны скорее как источники информации, чем как литературные произведения, хотя их свобода от влияния эпохи дает автору право на некоторую похвалу даже с литературной точки зрения.

Ко времени Адриана относится краткая история Рима, написанная Аннием или Аннеем Флором. Флор. Это не просто эпитафия Ливия, как она озаглавлена в одной из рукописей, а

скорее панегирик римскому народу. Флор олицетворяет римский народ, рассказывает о его детстве под властью царей, о его юности, когда Рим завоевывал Италию, о его мужестве от завоевания Италии до эпохи Августа, а затем, вместо того чтобы рассказать о его старости, он говорит, что император вернул ему молодость. Флор пишет в цветистом, риторическом стиле и уделяет мало внимания любой части истории, кроме войн и сражений. По этим причинам, а также благодаря своей краткости, произведение было популярным учебником в Средние века. Этот Флор, вероятно, идентичен поэту, который, как сообщается, шутил с Адрианом и оставил два довольно привлекательных образца стихов, один из которых состоит из пяти строк о весне, а другой - из двадцати шести строк о качестве жизни. Под именем Флора также сохранился фрагмент обсуждения вопроса о том, кто из Вергилиев был более великим - поэт или оратор. Если этот Флор - все тот же человек, то из фрагмента мы узнаем, что он неудачно боролся за поэтическую премию в Риме, путешествовал по многим частям империи и в конце концов поселился в качестве учителя в провинциальном городе, вероятно, Таррако (Таррагона), на северо-востоке Испании.

Историческая литература находилась на низком уровне. Суетоний - самый значительный историк второго века, и его значение объясняется скорее нехваткой хороших историков, чем его собственными заслугами. Другие исторические труды второго века. Флор едва ли заслуживает звания историка. Эпитама Юстина о Троге (см. с. 164) относится, возможно, ко времени Адриана и важна тем, что сохранила большую часть содержания работы Трога, но ни в коем случае не является оригинальной историей. При Антонине Пие история Рима была написана Гранием Лицинианом, но сохранившиеся фрагменты показывают, что это было не более чем переложение Ливия. *Liber Memorialis* Луция Ампелия, написанная примерно в то же время, представляет собой небольшой справочник полезных знаний, содержащий общие сведения о земле, звездах и ветрах, а также краткий очерк истории различных народов. Это просто компиляция, не имеющая ни исторической, ни литературной ценности.

С другой стороны, изучением права занимались многие способные юристы, чьи труды были широко использованы теми, кто придал римскому праву окончательную форму в правление Юстиниана. Юристы. При Адриане эдикты преторов и других магистратов были собраны и кодифицированы Сальвием Юлианом, выдающимся юристом африканского происхождения, который достиг должности *præfectus urbi* и дважды был консулом. *Edictum Perpetuum*, как называют его труд, стал отныне основой римского права. Юлиан был также автором самостоятельных юридических работ. Младший современник Юлиана Секст Помпоний написал, в частности, краткую историю римской юриспруденции, которая включена в дайджесты. Среди многочисленных юристов эпохи правления Антонина Пия наиболее значимым является Гай (около 110-180 гг. н. э.), чье введение в изучение права (*Institutiones*), написанное хорошим и простым языком, по большей части сохранилось в дайджестах и послужило основой для аналогичного труда, написанного по велению Юстиниана. Труды Квинта Сервидия Сцеволы, жившего при Антонине Пие и Марке Аврелии, также были широко использованы авторами пандектов. Одним из самых выдающихся юристов при Коммодe и Септимии Севере был Папиниан, который был предан смерти при Каракалле (212 г. н. э.) за верность брату императора Гете.

Во втором веке началось усердное изучение грамматики, а вместе с ним и написание комментариев к классическим авторам. Грамматика, литература и философия. При Адриане Теренций Скавр написал латинскую грамматику, часть которой сохранилась в сокращенном виде, а также комментарии к Плавту, Вергилию и Горацию, фрагменты которых встречаются в работах более поздних комментаторов. При Антонинах риторы и грамматики были многочисленны, а обсуждение литературных и грамматических вопросов составляло

значительную часть вежливой беседы. Метрические руководства были написаны Терентианом Мауром и Юбой, Гельвий Акро написал комментарии к Теренцию, Горацию и Персию в конце второго века, а Помпоний Порфирий, выдающийся грамматик, чьи схолии к Горацию все еще существуют, хотя и не в первоначальном виде, написал, вероятно, в конце второго или начале третьего века. Фест, составивший эпитому Веррия Флакка (см. с. 166), вероятно, жил немного позже этого времени. Некоторые из риторов этого периода, вероятно, продолжали учить так, как учили их самих, но наиболее значительные из них создали новую школу, которая станет темой нашей следующей главы. Философия во втором веке имела еще много последователей, но литературных произведений на латинском языке было мало. Дио Хризостом, Плутарх, Марк Аврелий и Секст Эмпирик писали на греческом.

ГЛАВА XVII

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВШЕСТВА

Фронтон, около 100 - около 175 гг. н. э. - Геллий, родился около 125 г. н. э. Апулей, около 125-200 гг. н. э. - Нововведения в поэзии - *"Первигилий Венерис"*.

Важной фигурой в литературе второго века был Марк Корнелий Фронтон из Цирты в Нумидии. Фронтон. Он родился около 100 г. н. э., учился у лучших учителей и был выдающимся оратором и учителем еще при Адриане, хотя наибольшее влияние он оказал при Антонинах. При Адриане он стал членом сената, и его речь против христиан, возможно, была произнесена перед этим органом. В 143 году он стал консулом и должен был стать проконсулом, которому было поручено управление Азией, но отказался от этой должности по причине плохого здоровья. Он был учителем Марка Антонина и Луция Вера, которые были к нему очень привязаны, и, как это было естественно при таких обстоятельствах, он пользовался большим почетом и стал очень богатым. О его семейной жизни мы знаем только то, что он был женат, что его дочь Грация вышла замуж за Гая Ауфидия Викторина, и что пять дочерей ушли из жизни по смерти. Дата его смерти неизвестна, но, вероятно, вскоре после 175 г. н. э. Части переписки Фронтон были обнаружены в 1815 г., и из его писем мы получаем представление о его стиле и учении. Переписка ведется с Марком Аврелием, Луцием Вером, Антонином Пием и другими, в нее включены несколько эссе, которые, вероятно, были отправлены вместе с письмами на корреспондентам Фронтон. В одном из этих сочинений, *Principia Historiæ*, сравниваются парфянские походы Вера и Траяна в пользу Вера. Это эссе должно было послужить введением к истории деяний Вера в Парфянской войне, но история так и не была написана. Главный интерес в письмах Фронтон представляет его учение об ораторском искусстве и стиле. Он считает риторику самым благородным из возможных занятий и предостерегает Марка Аврелия от того, чтобы тот поддавался чарам философии, но главная цель изучения риторики - приобретение новых и ярких слов и фраз. Фронтон, очевидно, отчаялся приобрести новые идеи или новые точки зрения, и он видел, что латинская литература не может вечно подражать писателям Золотого или даже Серебряного века. Он был слишком ученым, чтобы думать о том, чтобы черпать из живого источника повседневной речи, и поэтому решил обратиться к ранним писателям, таким как Энний, Плавт, Акций, Катон, Саллюст и Гракх. Поэтому его язык полон старомодных выражений, используемых без той простоты, которая свойственна ранним временам. То, что такой писатель, как Фронтон, пользовался большим уважением и оказывал сильное влияние на

своих современников, свидетельствует о глубине, на которую опустилась римская литература.

Гораздо моложе Фронто, но, как и он, любитель книг и архаичной фразеологии, был Аулус Геллий, который родился, вероятно, около 125 года н.э. Д., учился у разных мастеров в Риме и Афинах и занимал какую-то судебную должность в Риме. Аулус Геллий. Его сохранившийся труд под названием "*Аттические ночи*" (*Noctes Atticæ*) получил свое название от того, что в нем содержатся результаты трудов писателя, начатых в Афинах, когда он по ночам читал различных авторов и делал из них выписки. Эти выписки, снабженные разнообразными примечаниями и комментариями, расположены в двадцати книгах, все из которых сохранились, кроме восьмой, от которой мы имеем только оглавление, и конца двадцатой. Рассматриваются такие темы, как язык и литература, право, философия и естественная история. Геллий не цитирует современных авторов, но представляет их в качестве ораторов, так как некоторые части его работы имеют форму диалогов. В расположении предметов нет никакого порядка, но все излагается так, как Геллий случайно нашел в прочитанных им произведениях. Никаких критических способностей Геллий не проявляет, как и литературного мастерства. Он просто старательный компилятор, чья работа интересна и ценна для нас лишь тем, что в ней сохранились фрагменты более ранних произведений, ныне утраченных, и сведения о самых разных предметах.

Латынь Золотого века была более или менее искусственным языком, созданным гением великих писателей на основе обычного языка повседневной жизни. Изменения в латыни. Латынь Серебряного века развилась из литературной латыни Золотого века, а не непосредственно из народной речи. Пока литературная латынь проходила через различные фазы, народная речь также развивалась по своим собственным линиям и ко второму веку после Рождества Христова сильно отличалась от литературной латыни того времени, а также от любой латыни, будь то разговорной или письменной, Цицероновского или более раннего времени. Она уже вступила на путь изменений, которые в конце концов привели к рождению романских языков. Фронто, желая вдохнуть новую жизнь в износившуюся литературную латынь своего времени, вернулся к писателям до Цицерона и перенял их слова и фразы, в то же время напрягаясь, чтобы расположить слова в необычном порядке с целью придать пикантность своим выражениям. Его наставлениям и примеру следовали и другие, как, например, Геллий, и еще более ярко Марк Аврелий и Луций Вер, как это видно из их писем к своему учителю. Но Фронто, несмотря на то, что какое-то время он имел большое влияние, не смог повернуть поток прогресса вспять. Если литературная латынь должна была развить что-то новое, то это должно было произойти путем заимствования чего-то из живой речи народа. Этому курсу, по крайней мере, в некоторой степени, следовал Апулей.

Апулей (прозвище Луций сомнительно), как и Фронто, был африканцем, хотя, возможно, имел римское происхождение. Апулей. Он родился, вероятно, около 125 года н.э. Д., в Мадауре, на границе Нумидии и Гетулии. Он получил образование в Мадауре, Карфагене и Афинах, много путешествовал и некоторое время жил в Риме, где работал адвокатом. Он женился на Эмилии Пудентилле, богатой вдове из Оэи в Африке, и был обвинен ее родственниками в том, что они склонили ее к браку с помощью магических искусств. Его защитой от этого обвинения стала дошедшая до нас книга *De Magia* ("*О магии*"), также называемая "*Апология*". В своем нынешнем виде книга представляет собой переработанное и дополненное издание судебной речи. Апулея, очевидно, оправдали, и он стал человеком с большим влиянием и репутацией. Он гордился своей разносторонностью, писал и говорил на греческом и латыни, не ограничиваясь одной отраслью литературы, но был оратором, поэтом, ученым, философом и романистом, не проявляя, однако, большой оригинальности

ни в одном направлении. Он предпочитал называть себя платоновским философом, но главным его занятием был странствующий оратор, или софист, который ездил из одного места в другое, устраивая публичные выставки своего мастерства в составлении и произнесении интересных речей на всевозможные темы. Похоже, что большую часть своей жизни он провел в Африке и занимал должность жреца провинции (*sacerdos provinciae*) в Карфагене. Он был посвящен в мистерии Исида и, похоже, был одним из тех, кто искал в мистическом поклонении иноземным божествам удовлетворения своих религиозных желаний, которых не давала римская государственная религия. Похоже, что он был противником христианства, хотя нигде не упоминает его напрямую. Его огромная репутация и количество приписываемых ему произведений, казалось бы, свидетельствуют о том, что он дожил до глубокой старости, но дата его смерти неизвестна.

Дошедшие до нас произведения Апулея - это "*Метаморфозы*", роман в одиннадцати книгах, "*Апология*", книга о духах, особенно о знакомом духе Сократа, *De Deo Socratis*, две книги об учениях Платона, *De Dogmate Platonis*, и сборник отрывков из его речей под названием "*Флорида*". Произведения Апулея. Диалог "*Асклепий*", трактат "*О мире*" ("*De Mundo*") и трактат, опубликованный в качестве третьей книги об учении Платона, написаны не Апулеем. Из этих произведений наиболее интересен роман "*Метаморфозы*", в котором рассказывается о приключениях некоего Луция из Коринфа, превращенного магией в осла и в таком виде прошедшего через многие превращения, видевшего и слышавшего много странных вещей, пока, наконец, не был возвращен в человеческий облик с помощью богини Исида, служению которой он впоследствии посвятил себя. Эта история взята из греческого оригинала, который в сокращенном виде встречается в сочинениях, ложно приписываемых Лукиану, под названием "*Луций, или Осел*". Апулей расширил свой греческий оригинал, вставив в него около двадцати историй, не имеющих отношения к сюжету. Обычно они вводятся неумело, прерывая повествование и разрушая единство произведения, но сами по себе являются самыми интересными частями всего романа. Самой длинной и известной среди них является очаровательная история Купидона и Психеи, прекрасно переданная Уильямом Моррисом в его "*Земном рае*". Эта мистическая история любви была взята, как и другие сказки, вставленные в историю Луция, из греческого оригинала. Она не является изобретением Апулея, но он вставил ее в свой роман и таким образом сохранил ее до более поздних времен.

Стиль Апулея не одинаков в разных его произведениях. Везде, конечно, он стремится к поразительному эффекту с помощью необычных слов, расположенных в особом порядке, и предложений, причудливо разбитых на короткие ритмические члены, очень отличающиеся по эффекту от степенного, звучного периода Цицерона и других классических писателей. Стиль Апулея. Но в "*Метаморфозах*" он перенимает многие выражения из обычной народной речи, тогда как в своих ораторских и философских произведениях он, как и Фронтон, возвращается к ранним писателям. Апулей и Фронтон, оба африканцы, являются главными представителями *elocutio novella*, новой риторики, которая порвала с непрерывной традицией классической латыни и попыталась вдохнуть новую жизнь в латинскую литературу. Ни Фронтон, ни Апулей не были людьми с большим изобретательским гением. Оба они подражали греческим софистам своего времени, таким как Максим Тирский и Илий Аристид, не только в тематике своих бесед, но и в некоторой степени в стиле; однако тот факт, что они писали и говорили на латыни и пытались повлиять на ход развития латинской литературы, придает им значение, которым не обладал ни один из позднейших греческих софистов, кроме Дио Хризостома и Лукиана. Апулей, по-видимому, был более одарен от природы, чем Фронтон, и его произведения демонстрируют удивительное умение пользоваться языком, что в некоторой степени компенсирует отсутствие оригинальности

мысли. Из дошедших до нас произведений наиболее важны "*Метаморфозы*". В ней не только полнее, чем в каком-либо другом произведении, проявляются качества *элокутивной новеллы*, но и дана картина жизни того времени с ее суевериями, свободными нравами, разбоем, дружбой, гостеприимством и общественными увеселениями. Кроме того, она сохранила до нас множество интересных историй, среди которых история Купидона и Психеи. Вероятно, из-за сверхъестественных элементов в "*Метаморфозах*" и из-за того, что его обвиняли в магических искусствах, Апулей вскоре после смерти стал считаться могущественным колдуном, и как колдун он ассоциировался с Вергилием в средневековые времена.

В то время как Фронто, Апулей и другие практиковали *elocutio novella* в прозе, предпринимались попытки ввести новшества в поэзию. Нововведения в поэзии. Теренций Мавр, написавший в конце II века в стихах руководство по буквам, слогам и метрам, упоминает *poetæ novelli*, а Диомед, грамматик второй половины IV века, говорит о *poetæ neoterici*, которым он приписывает множество нововведений. Имена некоторых из этих поэтов упоминаются, но о них известно слишком мало, чтобы пробудить интерес к их личности. Их нововведения, похоже, состояли в основном из словесного жонглирования, замечательный пример которого можно увидеть в этих строках:

Nereides freta sic verrentes caerulea tranant,

Flamine confidens ut Notus Icarium.

Icarium Notus ut confidens flamine, tranant

Caerulea verrentes sic freta Nereides.

Здесь строки три и четыре - это строки одна и две, прочитанные задом наперед. Другие примеры менее замысловаты, но демонстрируют тот же дух, ту же глупую игру со словами. Подобные вещи не могли вдохнуть новую жизнь в поэзию, и большинство стихов, сохранившихся до нас от второго и даже третьего веков после Рождества Христова, - не более чем слабые отголоски далекой музыки Вергилия. Тем не менее, уже есть признаки нового средневекового духа, которому суждено было найти свое полное развитие лишь во времена миннезингеров и трубадуров. *Pervigilium Veneris*. Относится ли *Pervigilium Veneris* ("*Ночной дозор Венеры*") ко второму или третьему веку, точно не известно. Во всяком случае, это самый яркий ранний пример романтических настроений, свойственных средневековью и современности. Поэма написана к весеннему празднику Венеры Генетрикс, поклонение которой было возрождено и поощрено Адрианом. Поэтому вполне вероятно, что она относится ко второму веку. Он состоит из девяноста трех трохаических септенариев (ритм "*Локсли Холл*" Теннисона), стиха, который широко использовался ранними латинскими поэтами, но вряд ли встречается в первом веке после Рождества Христова. Через нерегулярные промежутки времени звучит рефрен:

Cras amet qui nunquam amavit, quique amavit cras amet, [130](#)

повторяется. В начале поэмы,

Ver novum; ver iam canorum; vere natus est Iovis;

Vere concordant amores; vere nubunt alites, [131](#)

вполне могли подсказать Теннисону строки:

In the Spring a fuller crimson comes on the robin's breast;

Весной беспутный стриж обзаводится еще одним хохолком;

Весной живее ирис сменяется на голубке;

Весной юноша к мыслям о любви легкомысленно обращается".

В конце стихотворения - строки:

Illa cantat, nos tacemus. Quando ver venit meum?

Quando fiam ut chelidon et tacere desinam?

*Perdidi Musam tacendo nec me Apollo respicit,*¹³²

звучат как плач старой литературы, которую ни одна весна не пробуждала к новой песне. Действительно, "*Pervigilium Veneris*" почти в той же степени средневековый, что и классический. Его количественный ритм совпадает с естественным ударением слов, он полон ассонансов, которые предполагают и аллитерацию, и рифму, его дух почти современен в своих чувствах; и даже в своей грамматической структуре, особенно в использовании предлога *de*, он указывает на грядущие великие перемены.

И в прозе, и в стихах второй век после Рождества Христова был периодом нововведений. Новые методы Фронто и Апулея не продержались долгое время, но они служат симптомами упадка латинской речи и, возможно, даже ускорили этот упадок, отвратив людей от постоянного подражания классическим писателям. Можно сказать, что история классической римской литературы закончилась с появлением Суетония. Но что-то из старого духа сохранилось даже в эпоху Средневековья и сильно повлияло на литературу христианской церкви. По этой причине стоит дать краткий очерк раннехристианской литературы на латыни и сохранившихся остатков языческой литературной деятельности в третьем и четвертом веках.

ГЛАВА XVIII

РАННЕХРИСТИАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Минуций Феликс, около 160 г. н. э. - Тертуллиан, от 160 до 230 г. н. э. - св. Киприан, около 200-258 г. н. э. - Коммодиан, 249 г. н. э. - Арнобий, около 290 г. н. э. - Лактанций, около 300 г. н. э.

О христианах упоминают Тацит, младший Плиний и Суетоний, но так, чтобы показать, что их религия была неправильно понята, а их растущее значение мало оценено. Начало христианской литературы на латыни. Но время шло, и христианство и христиане становились все более и более важными. Их пытались подавить различными способами, поскольку их вера и практика противоречили государственной религии и казались вредными для самого государства. Однако новая религия продолжала набирать число и влияние новообращенных, и во втором веке христианские труды начинают появляться на латыни. Новая религия была основана в восточной части империи, и ее первые литературные произведения были написаны на греческом языке, который в течение многих лет оставался

главным средством выражения христианской мысли. Ни один очерк развития христианства, даже в западной части империи, не может быть дан без упоминания ранних греческих христианских сочинений; но развитие христианства - это тема, совершенно выходящая за рамки данной книги, которая касается христианской литературы только в той мере, в какой она была написана на латыни. В книге такого рода также невозможно сделать больше, чем кратко упомянуть главных христианских писателей и их произведения, оставив обсуждение их доктрин историкам церкви.

Первым христианским писателем на латинском языке является Марк Минуций Феликс, о жизни которого ничего не известно, кроме того, что он был адвокатом (*causidicus*) в Риме, что в ранней жизни он был язычником и что он стал христианином. Минуций Феликс. Его единственное дошедшее до нас произведение - защита христианства под названием "*Октавий*", написанное, вероятно, не далее как в 160 году н. э. Во вступлении рассказывается, как Минуций с двумя своими друзьями Октавием и Цецилием прогуливался по берегу моря в Остии. Сесилий приветствовал статую Сераписа, мимо которой они случайно проходили, после чего Октавий упрекнул Минуция за то, что тот позволил своему другу оставаться в неведении относительно истинной религии. Они продолжают прогулку, но Цецилий не может оставить без внимания упреки Октавия. Наконец трое друзей садятся, Цецилий берется защищать старую религию, Октавий - новую, а Минуций должен судить их доводы. Цецилий утверждает, что малообразованным людям, каковыми являются большинство христиан, нелепо думать, что они могут разрешить вопросы, которые ставили в тупик мудрейших философов. Поэтому римская религия должна быть сохранена, тем более что могущество богов часто доказывалось. Далее следует нападение на жизнь и обряды христиан, которое интересно как доказательство невежества, царившего в языческих кругах. Затем Цецилий нападает на христианскую веру в будущую жизнь и заканчивает свою речь рекомендацией скептически относиться к ней. Его речь энергична и даже яростна, в ней заметна риторическая подготовка. Октавий в своем ответе рассматривает различные вопросы, поднятые Цецилием, и отвечает на них по порядку. Главный акцент он делает на единстве Бога и абсурдности языческого многобожия и философии. Нет ни одного аргумента, основанного на распятии или воскресении Христа, ни одного аргумента, который был бы строго христианским. Здесь нет призыва к вере или любви, а только разум, и аргументы взяты не из Библии, а из трудов языческих философов, особенно из "*De Natura Deorum*" Цицерона и сочинений Сенеки, или из опыта человеческой жизни. Когда Октавий заканчивает, Цецилий заявляет, что убежден, и друзья расходятся.

Октавий отличается от других ранних сочинений в защиту христианства тем, что не опирается на Библию и не апеллирует к эмоциям. Эти особенности легче всего объяснить теорией, что Минуций написал свой трактат как ответ на речь Фронтон против христианства, что он вложил суть речи Фронтон в уста Цецилия, а затем, в лице Октавия, опроверг ее пункт за пунктом. По стилю Минуций временами достигает почти классической элегантности и простоты, хотя в нем заметно влияние риторических школ Серебряного века, и иногда он излишне эмфатичен. Он продолжает традиции классической школы, не оставляя следов жеманства или нововведений Фронтон или Апулея. Помимо того, что "*Октавий*" представляет интерес как самый ранний образец христианской письменности на латыни, он заслуживает того, чтобы быть прочитанным как наиболее привлекательная латинская проза после эпохи Траяна.

Минуций Феликс известен нам только по одному короткому произведению, в котором он демонстрирует консервативный литературный вкус, развитое воображение и умение вести спор спокойно и беспристрастно. Тертуллиан. Тертуллиан, гораздо более важная фигура в

истории церкви, чем Минуций, известен по большому количеству трудов, в которых он проявляет качества, почти противоположные тем, которыми мы восхищаемся в Минуции. Тем не менее Тертуллиан - интересная и влиятельная фигура как в истории литературы, так и в истории церкви. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан родился в Карфагене, вероятно, около 160 г. н. э., а умер, возможно, около 230 г. н. э. Во всяком случае, период его основной деятельности пришелся на царствование Септимия Севера и Каракаллы. В ранней жизни он был язычником, но был обращен в христианство, возможно, через свою жену, которая была христианкой. Он достиг должности пресвитера в церкви. В середине жизни он стал монтанистом, то есть последователем Монтана, энтузиаста из Ардабы в Мисии, который объявил себя Утешителем, обещанным Христом, претендовал на пророческие способности, заявил, что конец света близок, и провозгласил целый ряд строгих доктрин и правил поведения. Труды Тертуллиана от начала до конца противоречивы. Некоторые из них посвящены защите христианства от язычников, другие направлены против тех христианских верований и практик, которые он не одобряет. Ко второму классу относятся труды в поддержку монтанизма, поскольку Тертуллиан был настолько страстной натурой, что аргументы в поддержку какой-либо доктрины обязательно становились нападками на тех, кто придерживался иных взглядов. Будучи главным защитником монтанизма на западе, Тертуллиан смягчил некоторые из его очевидно абсурдных доктрин, но не смог изменить их настолько, чтобы сделать приемлемыми для церкви в целом. Поэтому на протяжении всей своей жизни он находился в постоянной оппозиции к церкви, а в более позднее время его труды стали считаться еретическими. Тем не менее, его труды читали, а *"Апологетику"* даже перевели на греческий язык.

Тертуллиан оказал самое большое влияние на латинский язык церкви, поскольку до его времени большинство умозрительных христианских сочинений было написано на греческом языке, и поэтому ему пришлось изобретать или приспособлять подходящие средства для выражения тех мыслей и идей, которые были неизвестны языческим писателям. Стиль Тертуллиана. Его справедливо считают основателем западного, а не восточного или греческого богословия. Его стиль - резкий, неэлегантный, иногда неясный, но энергичный и оживленный. Его красноречие - это скорее интенсивная искренность, чем тщательная подготовка. Его лексикон не является строго классическим, но содержит выражения, взятые из народной речи и из греческого языка, а также другие, которые он, кажется, сформировал для себя. Его называют Цицероном церкви, но каким бы ни было величие его красноречия, оно мало похоже по качеству на цицероновское. Лишь в нескольких орациях Цицерон приближается к восторженной серьезности Тертуллиана, а отшлифованная красота периодов Цицерона совершенно не соответствует грубой речи Тертуллиана. Его стиль в деталях больше похож на стиль его соотечественника-африканца Апулея, но в нем нет признаков сознательного подражания. Он использует, как правило, короткие предложения, и даже его длинные предложения не имеют периодической структуры; он стремится к эффекту с помощью неестественных выражений; он восхищается антитезами, игрой слов и даже рифмами. Его латынь трудно читать, но оригинальность мысли и страстная искренность намерений полностью компенсируют недостатки стиля. С Минуция Феликса христианская письменность в Италии предстает как попытка выразить христианские мысли или, по крайней мере, защитить христианскую религию со всем изяществом классической латыни. Тертуллиан пишет энергично и с энтузиазмом, которому не мешают никакие классические традиции. Об относительной значимости итальянской и африканской школ можно судить по разнице в объеме между кратким трактатом Минуция и объемными трудами Тертуллиана. В течение почти двух столетий преобладает стиль Тертуллиана, который лишь постепенно ассимилируется с классической нормой, пока святой Августин не закрепляет латынь церкви, формируя стиль, в котором африканские элементы занимают подчиненное положение.

Начало этих перемен можно увидеть даже в трудах почитателя Тертуллиана, святого Киприана. Тасий Цецилий Киприан родился от родителей-язычников около 200 года н. э. Место его рождения неизвестно, но нам сообщают, что он был африканцем. Он получил хорошее образование и стал учителем риторики. Киприан. После своего обращения он стал пресвитером, а в 248 или 249 году н. э. был избран епископом Карфагена, не без оппозиции. С 21 января 250 года до начала марта следующего года он жил в укрытии, спасаясь от гонений на христиан при Деции. Его уклонение от мученичества в это время подвергалось резкой критике, но он защищал его на том основании, что его жизнь была необходима для благополучия церкви. В 257 году император Валериан начал новые гонения, и Киприан был сослан в Курубис, но затем возвращен в Карфаген и заключен в свои сады. Когда ему было приказано предстать перед проконсулом в Утике, он бежал, но вернулся в свои сады, когда проконсул прибыл в Карфаген. Его арестовали 13 сентября 258 года н. э., а на следующий день судили, осудили и казнили. Труды Киприана состоят из тринадцати трактатов и восьмидесяти одного письма, среди которых есть несколько писем, явно написанных другими авторами. Некоторые из трактатов адресованы отдельным лицам, а некоторые письма являются по сути трактатами, так что разделение на два класса нелегко провести последовательно. Его труды написаны частично в защиту христианства от язычества, частично для ободрения христиан во время гонений, а частично по различным вопросам церковной дисциплины. Его письма особенно ценны тем светом, который они бросают на историю церкви. Его доктрины ортодоксальны, и поэтому его труды не вызывают возражений, которые выдвигаются против трудов Тертуллиана. Однако он был горячим поклонником Тертуллиана и демонстрирует постоянное влияние его учения. Его стиль легче и проще, чем у Тертуллиана, всегда ясен и часто привлекателен. Хотя ему не хватает оригинальности Тертуллиана, он превосходит его в умении выражать свои мысли так, чтобы они нравились читателю.

Самым ранним христианским поэтом является Коммодиан. О его жизни мало что известно, а утверждение, что он родился в Газе, в Сирии, основано на несколько сомнительном толковании названия одной из его поэм.¹³³ Коммодиан. В ранней жизни он был язычником, но был обращен в христианство и стал епископом. Его работы состоят из длинной поэмы в защиту христианства (*Carmen Apologeticum*) и сборника из восьмидесяти коротких стихотворений под названием "Наставления" (*Instructiones per Litteras Versuum Primas*), составленного таким образом, что начальные буквы строк обозначают названия стихотворений. *Кармен Апологетикум* содержит ссылки, которые определяют его дату в 249 году н. э. Стихи отличаются искренностью христианского чувства и еще больше - метрическими особенностями. Гексаметры разделены на половины, и в конце каждой половины соблюдаются правила количества, в то время как в остальной части стиха эти правила игнорируются. Строки представляют собой не просто неправильные гексаметры, а новое и оригинальное сочетание количественного стиха и прозы. В *Carmen Apologeticum* строки расположены парами, так что каждая пара образует дистих. Наиболее примечательной частью *Carmen Apologeticum* является фантастическое описание конца света, которым поэма завершается. *Наставления* состоят из двух книг, первая из которых предупреждает язычников и иудеев оставить свои заблуждения, а вторая содержит советы для различных классов христиан. Несмотря на сухость стиля, Коммодиан интересен как самый ранний христианский поэт, а изучающий язык находит в его стихах множество слов и конструкций, взятых из обычной речи народа.

Гораздо меньший интерес представляют семь книг "*Против язычников*" Арнобия, написанные при Диоклетиане (284-305 гг. н. э.). Иероним говорит, что Арнобий был выдающимся ритором в Сикке в Африке, который долгое время выступал против христианства. Арнобий. Когда он обратился, епископ потребовал доказательств его веры, после чего он написал сочинение против язычников и был принят в церковь. Независимо от того, достоверно это сообщение или нет, под именем Арнобия сохранилось произведение под названием *Adversus Nationes*, которое своим стилем показывает, что автор обучался риторике. Первые две книги защищают христиан от обвинений их врагов, особенно от обвинения в том, что несчастья мира были вызваны прогрессом христианства и пренебрежением к старым богам. В пяти оставшихся книгах доказывается абсурдность многобожия и глупость языческих форм поклонения. Арнобий мало знаком с христианской религией и не отличается оригинальностью мысли. Единственное свойственное ему учение - теория о том, что душа не бессмертна по природе, но может стать бессмертной по милости Божьей. Его стиль обезображен чрезмерной язвительностью и искусственной риторикой, что, однако, свидетельствует о тщательном воспитании автора. Это проявляется и в его рассуждениях о языческой философии и религии, и действительно, главный интерес, который представляют собой книги *Adversus Nationes*, - это свидетельство того, как образованный язычник использовал свое образование на службе христианству.

Лактанций (Луций Цецилий Фирмиан Лактанций) был учеником Арнобия, по словам Иеронима, и был призван Диоклетианом вместе с грамматиком Флавием преподавать латинскую риторику в Никомидии, в Вифинии, греческом городе, в котором учителя латыни находили мало покровителей. Лактанций. Лактанций был беден и имел возможность писать. Когда он обратился в христианство, неизвестно, но это не могло произойти раньше, чем он достиг среднего возраста. В старости он был призван императором Константином в качестве воспитателя своего сына Криспа. От сочинений Лактанция до его обращения в христианство ничего не осталось, но его поздние произведения, как в прозе, так и в стихах, многочисленны. Наиболее важными являются семь книг под названием *Institutiones Divinae* (Божественные установления, исчерпывающий философский труд в поддержку христианства против язычества), после которых следует упомянуть трактаты *De Opificio Dei* (О творении Бога, рассуждение о творении и природе человека), *De Ira Dei* ("О гневе Божьем", посвященное современным теориям Провидения), фанатичный труд о смерти гонителей от Нерона до Галерия (*De Mortibus Persecutorum*), а также любопытную поэму *On the Phoenix*. Трактат *De Opificio Dei* является христианским только в своей общей тенденции и не содержит прямых ссылок на христианство. Вероятно, это объясняется тем, что он был написан во времена гонений при Диоклетиане (303 г. н. э.). В поэме "О Финиксе" (сказочной птице, которая строит гнездо, сгорает, вновь появляется среди пепла в виде червяка, вырастает до яйца, вылупляется и улетает к новой жизни) много следов христианства, но нет прямых ссылок на новую религию. Лактанций был хорошо образован в языческих науках и, став христианином, не забыл того, чему научился раньше. Его стиль чище, чем у его христианских предшественников, он был создан по образцу Цицерона. По этой причине название "христианский Цицерон" было применено к нему более уместно, чем к Тертуллиану, хотя по силе красноречия Тертуллиан, со всей его суровостью стиля, превосходит его.

Второй век, в котором зародилась христианская литература на латинском языке, породил, как мы видели, несколько писателей настоящей силы, а с открытием третьего века христианская литература приобрела в лице Лактанция писателя, обладавшего в то же время изяществом стиля. С Лактанцием африканская школа христианской письменности приближается к классическому стилю Минуция Феликса, и путь становится прямым для

трудов святого Иеронима и святого Августина. С этого времени настоящая жизнь латинской литературы проявляется в христианских, а не в языческих сочинениях.

ГЛАВА XIX

ЯЗЫЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ТРЕТЬЕГО ВЕКА

Теренций, около 200 г. н.э.- Квинт Серен Саммоник, около 200 г. н.э.- Немесиан, 283 г. н.э.- Репосиан, около 300 г. н.э.- Веспасиан, конец третьего века- Госидий Гета, начало третьего века- Дистих Катонис - Марий Максим, около 165-230 г. н.э.- Юлий Юлий Корд, около 250 г. н.э.- *История Августа- Домиций* Ульпиан, убит 228 г. н.э. Юлий Павел, первая половина третьего века - Корнелий Лабео - Квинт Гаргилий Марциал - Цензорин, 238 г. н. э. - Гай Юлий Солин - Гай Юлий Роман, начало третьего века - Марий Плотий Сацердос, вторая половина третьего века - Акила Роман - Юлий Фест Афтоний, конец третьего века - Панегиристы: Евмений, Назарий, Мамертин, Дрепаний.

Пока в третьем веке развивалась христианская литература, языческая литература влачила свое дряхлое существование. Языческая поэзия третьего века. Поэзии, заслуживающей такого названия, было немного, хотя мастерство стихосложения было нередким. Теренций написал в стихах свой справочник по метрам около начала века, а недалеко от того же времени Квинт Серен Саммоник написал медицинский справочник, содержащий шестьдесят три рецепта в 1 107 гекзаметрах. Он не претендует на звание врача, а черпает свою мудрость, как она есть, из Плиния и других писателей. Рецепты разнообразны: одни рекомендуют использовать травы простым и разумным способом, другие предписывают более или менее отвратительные соединения животных веществ, а некоторые являются не более и не менее чем магическими чарами. Так, лихорадку можно вылечить, привязав к шее кость, найденную в ограде дома, а лекарство от другой лихорадки можно найти в листке бумаги, исписанном магической формулой *абракадабры*, который нужно носить на шее больного. К чести Саммоника следует сказать, что его познания в метрике превосходят его познания в медицине; но даже это не поднимает его справочник до уровня поэзии. Писатель гораздо лучшего качества, который даже заслуживает звания поэта, - Марк Аврелий Олимпий Немезиан, написавший в 283 году н. э. поэму "*Об охоте*" ("*Cynegetica*"), 325 строк которой сохранились, и автор четырех эклог, ранее приписывавшихся Кальпурнию (см. стр. 188). Рассуждения о собаках, лошадях, охотничьих сетях и т. п. в "*Кинегетике*" вряд ли можно назвать поэзией, но эклоги, хотя и написанные в подражание Кальпурнию, который сам был подражателем Вергилия, демонстрируют подлинный поэтический дух. Поэтическая красота есть и в поэме о любви Марса и Венеры, написанной Репосианом в конце III века, но не так много можно сказать в похвалу метрическому спору пекаря и повара Веспы (*Indicium Coci et Pistoris Iudice Vulcano*) об относительных достоинствах их профессий, а также эпиграммам и "эхо-стихам" Пентадия. Последние состоят из элегических дистихов, написанных так, что первые слова гекзаметра повторяются или "повторяются" в конце пентаметра. Такой стих имеет мало отношения к поэзии, но показывает, что интерес к технике метрического письма все еще сохранялся. О том, что изучение классических писателей, особенно Вергилия, усердно культивировалось, свидетельствует существование поэмы, целиком состоящей из вергилиевских строк и фрагментов строк. Замечательным сохранившимся образцом такой работы является короткая трагедия "*Медея*", написанная, вероятно, Осидием Гетой в начале третьего века. Несколько анонимных стихотворений мало что добавляют к нашему

восхищению поэтами третьего века, но так называемые *Disticha Catonis* должны быть упомянуты, потому что они приобрели большую и продолжительную популярность. Они представляют собой изречения житейской мудрости, выраженные в дистихах из двух гекзаметров. К таким изречениям относятся: "Считай первой добродетелью держать язык за зубами; тот ближе к Богу, кто умеет мудро молчать"; или: "Непременно расскажи многим о доброте другого, но молчи о доброте, которую ты сам сделал другим". Этим дистихам вскоре стали подражать, и также были написаны похожие изречения в одну строку - моностихи. Их трудно назвать поэзией, но они представляют определенный интерес благодаря своей популярности.

Проза третьего века представляет еще меньший интерес, чем стих. Языческая проза в третьем веке. Единственные историки, достойные этого имени - Дион Кассий и Геродиан - писали на греческом языке. Марий Максим (около 165-230 гг. н. э.) продолжил написанные Суэтонием жития императоров от Нервы до Гелиогабала, а около середины века Илиус Юлий Корд написал жития более малоизвестных императоров. Эти работы утрачены, но, как и труды некоторых других писателей этого периода, были использованы авторами так называемой *Historia Augusta*, сборника житий императоров от Адриана до Нумериана (117-284 гг. н. э.). Эти жития написаны шестью авторами, четверо из которых, Илиус Спартиан, Юлий Капитолин, Вулкаций Галликан и Требеллий Поллион, писали при Диоклетиане (284-305 гг. н. э.), а двое остальных, Илиус Лампридий и Флавий Вописк, относятся к началу IV века. Все они похожи друг на друга бедностью стиля и любовью к мелким личным деталям. Книги о *Преториевом эдикте* Домиция Ульпиана, убитого в 228 году, и его младшего современника Юлия Павла, а также другие юридические работы третьего века были важным вкладом в развитие римского права, а попытка Корнелия Лабео в его утраченной работе о римской религии объяснить языческий культ, вероятно, если бы она сохранилась, была бы интересна как попытка де защитит старую религию от скептицизма и христианства. Сохранившиеся части работы Квинта Гаргилия Марциала о сельском хозяйстве, ветеринарии, использовании целебных трав и т. п. показывают, что все это было компиляцией из работ Плиния Старшего и других авторов, сделанной человеком, обладавшим здравым смыслом и рассудительностью; трактат "*О днях рождения*" (*De Die Natali*), написанный в живом и легком стиле грамматиком Цензорином в 238 г. н. э., является компиляцией из Суэтона, представляет собой сборник сведений о рождении и жизни человека, астрологии, музыке и некоторых других вопросах, почерпнутых у Суэтония, Варро и других; "*Собрание вещей, достойных памяти*" (*Collectanea Rerum Memorabilium*) Гая Юлия Солина содержит ценные сведения о ранней римской истории (до Августа) и географии древнего мира, с особым вниманием к странностям и особенностям стран и их жителей; но ни одна из этих работ не имеет самостоятельного литературного значения. Грамматические труды Гая Юлия Романа, жившего в первые годы III века, были широко использованы Харисием несколько более чем столетием позже. Сохранилась грамматика (*Ars Grammatica*) в трех книгах Мария Плотия Сацердоса, написанная во второй половине века, а также краткий риторический трактат Аквилы Романа. Четыре книги "*О метрах*" Юлия Феста Афтония, написанные при Диоклетиане, утрачены, но их содержание частично сохранил Марий Викторин. Эти грамматические труды важны прежде всего своими ссылками на более раннюю литературу.

Ни одно из упомянутых прозаических произведений не проявляет творческого таланта и не свидетельствует о каком-либо новом литературном развитии. Единственное новое литературное явление этого периода - возникновение ораторской школы в Галлии, которая, конечно, не произвела ничего выдающегося, но своим существованием показывает, насколько далеки от Рима были теперь центры интеллектуальной жизни, когда великими

крис тианскими писателями были африканцы, а языческими ораторами - галлы. Галльские ораторы избегали грубости и неясности африканской школы и писали на гладкой Цицероновской латыни, с обильным потоком слов и скудным запасом идей. Панегиристы. Сохранился сборник из двенадцати панегириков, первый из которых - обращение Плиния в честь Траяна, произнесенное в 100 г. н. э., а остальные одиннадцать датируются в разное время с 291 по 389 г. н. э. Один из них был произнесен в 297 г. н. э. Евмением, учителем греческого происхождения, но галльским уроженцем, в пользу школ своего родного города Августодунума (Аутуна), а три (возможно, четыре) из остальных, вероятно, принадлежат тому же автору. Три из оставшихся речей относятся к известным авторам и датам. Это речи Назария в честь Константина (321 г. н. э.), Мамертина в честь Юлиана (362 г. н. э.) и Латина Дрепаниа Пакатуса в честь Феодосия (389 г. н. э.). Два из этих ораторов относятся ко второй половине IV века, но их речи похожи на остальные в сборнике, все они полны преувеличенных восхвалений императоров. В этих речах содержится много ссылок на историю того времени, но историк должен использовать их с большой осторожностью, поскольку их цель - восхваление императоров, и даже исторические факты не должны бросать тень на императорскую славу. Галльская школа ораторского искусства, очевидно, процветала в последние годы третьего века и большую часть, по крайней мере, четвертого. Это была ученая школа, основанная на подражании древним классикам и не имевшая тесной связи с живым языком того времени. Сохранившиеся речи показывают, как тщательно изучались классики в Галлии, и в то же время, как готовы были ораторы льстить императорам, которые с удовольствием выслушивали их угодливые похвалы.

Теперь, когда главные центры латинской литературы находятся в Галлии и Африке, а не в Риме или даже Италии, история римской литературы, очевидно, подошла к концу; и все же на протяжении четвертого века, да даже в шестом веке, можно проследить поток старой римской традиции, а в поэмах Авзония и Клавдиана и в *"Философской утехе"* Боэция классическая литература все еще сохраняется. Трудно определить дату начала Средневековья, и еще труднее назвать определенное время конца классической римской литературы. Первые большие независимые и оригинальные христианские сочинения на латыни - сочинения Тертуллиана - можно считать началом средневековой литературы; но классическая латынь отнюдь не была еще мертва. Фактически, в четвертом веке, после того как Константин признал христианство государственной религией наравне с древней верой, произошло возрождение литературы. Христианские писатели писали в древнеримской манере, а светские сочинения христиан не отличить от трудов приверженцев старой религии. Религиозные труды лидеров христианской мысли - Илария, епископа Пуатье, Амвросия, епископа Милана, Иеронима и Августина - относятся скорее к истории церкви, чем к римской литературе, и могут быть упомянуты здесь лишь вскользь, в то время как труды многих менее значимых светил церкви должны быть полностью проигнорированы. Однако до сих пор остается множество произведений, в которых сохранилось нечто от старого римского литературного духа, даже после того, как сам Рим перестал быть резиденцией империи.

ГЛАВА XX

ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ ВЕКА

Ноний, начало четвертого века - Макробий, 410 (?) г. н. э. - Марциан Капелла, около 400 г. н. э. - Фирмикус Матернус, 354 (?) г. н. э. - Марий Викторин, около 350 г. н. э. - Алий Донат, около 350 г. н. э. - Харисий, около 350 г. н. э. - Диомед, около 350 г. н. э. - Прискиан, около 500 г. н. э. - Сервий, последняя часть IV века - *Итинерарий-Нотиций*, 354 г. н. э. Д. - Пеутинская скрижаль - Палладий, около 350 г. н. э. - Вегетий, около 400 г. н. э. - Аврелий Виктор, 360 г. н. э. - Евтропий, 365 г. н. э. - Фест, 369 г. н. э. - Юлий Обсекенс, около 360 г. н. э. - Святой Иероним, 331-420 г. н. э. - Аммиан Марцеллин, около 330-400 г. н. э. - Сулпиций Север, начало V века - Орозий, 417 г. н. э. Д. - Григориан, около 300 г. н. э. - Гермогениан, около 330 г. н. э. - Кодекс Феодосия, 438 г. н. э. - Кодекс Юстиниана, 529 г. н. э. - *Пандекты и Институции*, 533 г. н. э. - Симмах, около 345-405 г. н. э. - Диктис (Л. Септимий), вторая половина IV века - Дарес, V век - Иларий, около 315-367 г. н. э. - Амброз, около 340-397 гг. н. э. - Иероним, 331-420 гг. н. э. - Августин, 354-430 гг. н. э. - Опатриан, начало IV века - Ювенкус, начало IV века - Авиен, 370 г. н. э. - *Керол*, около 370 г. н. э. - Авсоний, около 310 - около 395 гг. н. э. - Пруденций, 348 - около 410 гг. н. э. - Клавдиан, 400 г. н. э. - Наматиан, 416 г. н. э. Д. - Авиан, около 400 г. н. э. - Седулий, около 450 г. н. э. - Драконтий, конец пятого века.

Прозаические сочинения четвертого века, за исключением богословских трактатов, почти все являются компиляциями или сокращениями более ранних работ. В начале века Ноний Марцелл, философ-перипатетик из Тубурсикума в Нумидии, написал для своего сына труд в двадцати книгах *"De Compendiosa Doctrina"*, в котором он обсуждает многие вопросы, относящиеся в основном к ранней латинской литературе. Эта работа написана по образцу *"Noctes Atticæ"* Геллия, которому она значительно уступает. Тем не менее, она представляет ценность как единственный источник информации о названиях некоторых утраченных произведений и даже об отрывках из них. Ноний. Макробий. Марцианус Капелла. По аналогичным причинам *"Сатурналии"* в семи книгах Амвросия Феодосия Макробия имеют определенное значение. Макробий, который, вероятно, как и Ноний, был африканцем, по-видимому, идентичен Макробию, который был проконсулом Африки в 410 году н. э. Воображаемые беседы, из которых состоят его *"Сатурналии"*, касаются римской литературы и древностей, особенно поэзии Вергилия. Подобно Геллию и Нонию, Макробий использует труды более ранних критиков и комментаторов, а также приводит множество цитат из греческих и римских авторов. Макробий также написал комментарий к *"Сну Сципиона"* Цицерона, в котором он цитирует многих авторов, особенно греков, но практически не проявляет оригинальности. Энциклопедия в девяти книгах, написанная в конце четвертого века третьим африканцем, Марцианом Капелла, менее ценна, чем сборники Нония и Макробия, хотя и она восходит к хорошим авторитетам, таким как Варро.

Главным центром философии в четвертом веке были Афины, и философские труды почти все были на греческом языке. Философия. Грамматика. В основном они излагали мистические доктрины неоплатонизма. ¹³⁴ Грамматик Илий Донат, процветавший в Риме около 350 года н. э. и бывший одним из учителей святого Иеронима, написал комментарии к Теренцию и Вергилию, к которым он приложил жития двух поэтов из утраченного труда Суетония. Работа о Вергилии утеряна, а комментарий к Теренцию содержит в своем нынешнем виде множество позднейших дополнений. Дошедшие до нас грамматики (*Ars Grammatica*) Харисия и Диомеда, в которых сохранилась большая часть знаний более ранних грамматиков, относятся к очень позднему времени. Последняя и наиболее полная древняя грамматика была написана при императоре Анастасии (491-518 гг. н. э.) в Константинополе на латинском языке Присцианом из Кесарии в Мавретании. Этот труд, состоящий из восемнадцати книг, озаглавлен *Institutiones Grammaticæ* и содержит огромное количество материала из более ранней литературы. Большая часть грамматической терминологии, даже современной, заимствована у Присциана. Важный комментарий Сервия к Вергилию был

написан во второй половине четвертого века и сохранился в двух формах, в одной из которых к оригинальной работе были сделаны многочисленные дополнения. [135](#)

В 360 году Аврелий Виктор написал краткую историю императоров (*Cæsares*) со времен Августа до десятого консульства Констанция и Юлиана, то есть до даты написания. Он свободно использует Суетония, а его стиль иногда подражает стилю Саллюста. История. Вторая совершенно отдельная работа, приписываемая тому же автору, представляет собой краткое изложение истории императоров до смерти Феодосия I (395 г. н. э.). При Валенте (364-378 гг. н. э.) Евтропий написал *Breviarium ab Urbe Condita*, краткий очерк римской истории от начала до 365 г. н. э., который отличается простым, легким стилем и чистой латынью, но не имеет самостоятельной ценности как историческое произведение. [136](#)

Гораздо важнее *Хроника* святого Иеронима (331-420 гг. н. э.), перевод с греческого Евсевия с важными дополнениями. *Хроника* начинается с первого года правления Авраама (2016 год до н. э.). С этого момента до Троянской войны Иероним просто переводит Евсевия, с Троянской войны до 325 года н. э. он переводит Евсевия и добавляет много информации, касающейся римской истории и литературы, а с 325 по 378 год н. э. работа полностью принадлежит ему. Его сведения по истории римской литературы взяты в основном из Суетония (*De Viris Illustribus*) и имеют огромное значение, хотя даты иногда приводятся неверные, что неудивительно, если вспомнить небрежность в отношении дат, проявленную Суетонием в его сохранившейся "*Жизни царей*". *Хроника* Иеронима была продолжена в пятом веке Проспером Аквитанским до 455 года н. э., и после этого были сделаны дальнейшие дополнения. *Хроника* имеет огромное значение для историка, но сама по себе является лишь сухими костями истории. Единственная настоящая история, которую создали последние века римской литературы, единственный серьезный и оригинальный исторический труд после Тацита - это труд

Аммиана Марцеллина; ибо краткое изложение всеобщей истории (*Chronicorum Libri II*), написанное аквитанцем Сульпицием Севером в начале V века, и более претенциозная, но не более оригинальная история мира (*Historiarum Adversus Paganos Libri VII*) Орозия Испанского, составленная вскоре после 417 года н. э., имеют еще меньшее значение, чем история мира. Д., еще менее важны, чем справочник Евтропия.

Аммиан Марцеллин (около 330-400 гг. н. э.) - грек из Антиохии, который стал солдатом римской армии, служил в Азии, в Галлии и в персидском походе императора Юлиана, некоторое время находился в Египте, но в конце концов поселился в Риме, где написал на латыни продолжение Тацита от Нервы до смерти Валента (96-378 гг. н. э.). Аммиан Марцеллин. Весь труд состоял из тридцати одной книги, тринадцать из которых утрачены, но особенно ценны сохранившиеся книги (XIV-XXXI), посвященные периоду с 353 по 378 год н. э. и рассказывающие о событиях, в которых принимал участие автор. Аммиан - честный солдат, который, по его собственному выражению, никогда не искажает истину умолчанием или ложью, который не любит и не понимает придворных интриг, но стремится дать своим читателям честный и беспристрастный отчет о событиях. Его латынь трудно понять, отчасти потому, что он пишет на ней как иностранец, но еще больше потому, что он хочет писать витиеватым стилем и украшает свой труд многочисленными ссылками на римских классиков, иногда цитируя их точные слова, чаще немного изменяя их, как бы показывая свое совершенное знакомство с более ранней литературой. Введенные географические отступления не являются оригинальными описаниями того, что Аммиан видел сам, а взяты из греческих или латинских книг. Будучи сам язычником, Аммиан не проявляет враждебности к

христианству, но его язычество не очень серьезно. Кажется, он верит, что не все люди думают одинаково и что в целом хорошо, если каждый верит так, как может. Его картины жизни того времени достойны восхищения, они ясно показывают нам разложение и вырождение эпохи. Однако он, похоже, не испытывает праведного негодования и не понимает, что величие Римской империи стремительно уходит в прошлое. Его история заканчивается катастрофическим поражением римлян от готов при Адрианополе и смертью императора Валенса; но мир настолько привык к могуществу Римской империи, что даже это ужасное поражение не было воспринято как предвестие конца древнего порядка вещей. На некоторое время Феодосию удалось сохранить целостность империи, но конец был близок. Не случайно последний римский историк, сам грек по происхождению, заканчивает свой труд в тот момент, когда греческий город Константинополь, как никогда ранее, становился прибежищем того, что осталось от старой римской цивилизации.

Изучение права, которое на протяжении веков было одним из важнейших занятий римских мыслителей, не осталось без внимания и в последние века римской жизни. Право. При Диоклетиане (284-305 гг. н. э.) императорские эдикты были кодифицированы Грегорианом, а при Константине (323-337 гг. н. э.) Гермогениан продолжил кодификацию до своего времени. В 438 году при Феодосии II комиссией юристов был составлен *Кодекс Феодосия*, а в правление Юстиниана комиссия во главе с выдающимся юристом, ученым и человеком дела Трибонианом придала римскому праву окончательную форму в трех великих трудах: *Кодексе*, опубликованном в 529 году, *Пандектах* или *Дигестах* и *Институциях*, опубликованных в 533 году, которые послужили основой для всей последующей юриспруденции.

Ораторское искусство нашло свое главное поле деятельности на христианской кафедре со времен Константина, но не ограничивалось изложением христианской доктрины. Галльская школа ораторского искусства продолжала процветать, а галльская занимала видное место в литературе всех видов в течение четвертого и пятого веков. Ораторское искусство. Среди других ораторов наиболее значимым был Квинт Аврелий Симмах, римлянин из знатной семьи и с почтенным характером, чья жизнь длилась примерно с 345 по 405 год н. э. Его панегирики Валентиниану I и Грациану похожи на другие панегирики того периода, а фрагментарные остатки более поздних речей, произнесенных в сенате, свидетельствуют о не более высоких способностях. Более интересны его письма, в которых он предстает как подражатель младшего Плиния, и его официальные отчеты в качестве префекта города.

Любопытная прозаическая версия истории Троянской войны была написана Луцием Септимием, по-видимому, во второй половине четвертого века. Диктис и Дарес. Это перевод древнегреческой рукописи, написанной финикийскими буквами, найденной в гробнице некоего Диктиса на Крите. История обнаружения манускрипта, несомненно, выдумка, а латинский рассказ может быть переводом утраченного греческого оригинала. Стиль искусственный и изобилует старинными выражениями. Автор, которому наиболее настойчиво подражают, - Саллюст. Несколько похожая небольшая работа, относящаяся к V веку, претендует на перевод Корнелием Непосом греческого рассказа о Троянской войне, сделанного фригийцем Даресом, который сражался среди троянцев. Стиль книги сух и непривлекателен, но в Средние века ее много читали. Эти два произведения дают нам некоторое представление о том, какая литература, наряду с греческими романами, развлекала досуг культурных людей.

Содержание произведений лидеров церкви четвертого и пятого веков вряд ли можно рассматривать в рамках истории римской литературы, но поскольку их труды свидетельствуют о продолжающемся влиянии классической латыни, следует вкратце остановиться на их стиле и выборе слов. Иларий. Ожесточенные споры между арианами и

афанасианами породили в четвертом веке множество противоречивых сочинений, среди которых труды Илария (св. Илария), епископа Пуатье, отличаются глубиной философской мысли и тщательностью выражения. Иларий родился между 310 и 320 гг. н. э. и получил образование в галльской школе красноречия. После обращения в христианство он вскоре стал епископом родного Пуатье. Его противостояние арианству, которое поддерживал Констанций, привело к его изгнанию, но он был отозван через три года, в 358 г. н. э. Его смерть наступила в 367 г. н. э. Помимо своих спорных трудов он был автором комментариев к нескольким книгам Ветхого и Нового Заветов, а также, возможно, гимнов. В некоторых местах его стиль свидетельствует о раннем обучении в школе многословных и витиеватых галльских ораторов, но в основном он отличается энергичностью и страстностью. Иларий продолжил работу по адаптации латыни к выражению христианской абстрактной мысли, начатую в Африке Тертуллианом.

Амвросий (св. Амвросий), живший примерно с 340 по 397 год н. э., родился, вероятно, в Галлии, где его отец был префектом, но был римских, а не галльских кровей. Амвросий. Получив хорошее образование, он стал адвокатом, а вскоре был возведен в консульское звание и стал губернатором провинций Лигурия и Эмилия. Так он попал в Милан, где был избран епископом в 374 году н. э. Это был человек не только твердого, но и тактичного характера, который осмелился исключить императора Феодосия из церкви, пока тот не покаялся за резню в Фессалонике, и отказать императрице Юстине в просьбе выделить одну из церквей в Милане для ариан, однако ему удалось избежать разрыва с императором, несмотря на его независимость. Во многом благодаря святому Амвросию Италия была удержана от принятия арианской ереси. Среди его трудов - письма, догматические трактаты, практические трактаты о ведении жизни, комментарии к Писанию, заупокойные оратории по Валентиниану II и Феодосию, а также гимны. Он также является вероятным автором перевода Иосифа на латынь. В своих мистических, аллегорических толкованиях Писания святой Амвросий следует иудейско-стоическому философу Филону, жившему около времен Христа, а в трактате *"Об обязанностях"* подражает одноименному труду Цицерона. Его близкое знакомство с другими произведениями классического периода подтверждается как общим качеством его стиля, который чище, чем у большинства его современников, так и многими специальными ссылками. Его гимны оказали большое влияние на церковную поэзию и музыку.

Святой Иероним родился около 331 года н. э. в Стридоне, городе на границе Далмации и Паннонии, учился в Риме у Доната, затем провел два года в Тревезе, после этого некоторое время находился в Аквилее, а затем отплыл в Сирию. Иероним (Иероним). Здесь он некоторое время болел и утешался чтением классиков, пока сон не предупредил его о необходимости отказаться от профанной литературы. Он удалился в пустыню Халкиса, где пробыл пять лет. В 362 году он вернулся в Рим, где в течение многих лет пользовался большим влиянием, но в 386 году удалился в монастырь в Вифлееме. Там он оставался до самой своей смерти, в 420 году н. э. Как писатель-споры святой Иероним оказал большое влияние на утверждение доктрин католической церкви; он также написал комментарии к различным книгам Библии и многочисленные письма, посвященные религиозным вопросам. Его перевод Библии был выполнен мастерски и лег в основу латинской Вульгаты, которая до сих пор используется в римско-католической церкви. Он составил краткий труд *"De Viris Illustribus"*, в котором дал очерки жизни христианских писателей, как Суетоний в своем труде под тем же названием дал очерки жизни древнеримских авторов. Однако очерки Иеронима гораздо короче, чем у Суетония. О переводе и продолжении *хроники* Евсевия уже упоминалось (см. стр. 262). Святой Иероним - один из самых талантливых писателей раннехристианской церкви и, безусловно, самый ученый христианский писатель своего

времени. Его стиль не лишен недостатков преувеличения и словесных передергиваний, характерных для произведений той эпохи, но обладает большой жизненностью и серьезностью и свободен от жеманства классицизма, хотя в нем заметен эффект длительного изучения классики.

Святой Августин (Аврелий Августин) родился в 354 году н. э. в Тагасте, в Африке. Августин. Его отец был язычником, мать - христианкой, а сам Августин в раннем возрасте принял доктрину манихейства, своего рода мистического материализма, который отрицал все авторитеты и утверждал, что полностью опирается на разум. Он успешно преподавал риторику в Африке, в Риме и в Милане, где попал под влияние святого Амвросия и был обращен в христианство. В 388 году он вернулся в Африку, в 392 году стал пресвитером в Гиппо, а в 395 году - епископом. Его смерть наступила в 430 году н. э. Его натура была многогранной и состояла из явно противоречивых элементов. Он был мистическим спекулянтom, резким рассудителем, в одно время суровым и бескомпромиссным, в другое - полным нежности, оригинальным мыслителем и в то же время верящим в авторитеты, мечтателем, поэтом, философом, ритором и спорщиком в одном лице. Его труды - это отчасти рассуждения о теологии, отчасти размышления о душе, ее природе и отношениях с Богом, а отчасти спорные трактаты, проповеди, комментарии и письма. Наиболее известными среди них являются *"Исповедь"*, в которой Августин рассказывает многие подробности своей жизни и фиксирует сомнения, которые его терзали, и *"Град Божий"* (*De Civitate Dei*), произведение его старости, в котором он противопоставляет город (или, лучше сказать, государство) этого мира идеальному городу Божьему. Этот труд был написан в ответ язычникам, которые утверждали, что разграбление Рима Аларихом произошло из-за пренебрежения древним культом. Он состоит из двадцати двух книг, в первых десяти которых опровергаются "суетные мнения, противные христианской религии", а двенадцать оставшихся посвящены изложению христианской истины, хотя каждый раздел содержит множество отступлений, и в каждом из них часть предмета, относящаяся к другому, рассматривается по мере необходимости. Во многих частях этого великого труда содержатся ссылки на *"De Re Publica"* Цицерона и другие философские труды, а диалог Августина *"Contra Academicos"* является явным подражанием *"Академикам"* Цицерона. Однако нельзя сказать, что стиль Августина был создан по образцу Цицерона. Это скорее стиль, постепенно развивавшийся среди христианских писателей, в котором периодическая структура цicerоновской эпохи по большей части отброшена, много слов, неизвестных строго классической латыни, введено, частично из народной речи, частично путем нового образования для выражения абстрактных идей, используется не мало библейских фраз, заметны некоторые незначительные изменения в синтаксисе. Это церковная латынь, которая осталась почти такой же, какой ее оставил Святой Августин, за исключением того, что строго классический элемент стал меньше в столетия, предшествующие эпохе Возрождения. Для святого Августина "государство" этого мира все еще означает Римскую империю, хотя вечный город был разграблен готами, но время, когда государство Божье будет покоиться в "стабильности своего вечного места", кажется ему недалеким. Его язык по-прежнему латинский, но мысли и чувства - христианские, а не римские. Античный мир все еще был виден вокруг него, но жизнь Средневековья уже началась.

Четвертый век породил значительное число поэтов, обладавших немалым мастерством стихосложения, но чьи произведения по большей части исчезли. Опатриан. Опатриан (Публилий Опатриан Порфирий) написал поэму в честь Константина, в которой он демонстрирует свою изобретательность, сочиняя строки в форме алтаря или органа, придумывая пятнадцать последовательных гекзаметров, каждый из которых на одну букву короче своего предшественника, составляя девятнадцать строф по четыре строки из тех же

двадцати слов, придумывая самые сложные и замысловатые акrostихи и тому подобное. Такое произведение не является поэзией, но демонстрирует мастерство в обращении со словом. Интересно, что Константину так понравилось, что он отозвал гениального автора из изгнания. Ювенкус. Примерно в то же время Ювенкус (Гай Веттий Аквилин Ювенкус) создал версию евангельской истории в гекзаметрах на манер Вергилия. Он с умом оценивает достоинства и красоту своего образца, пишет умело и легко. Авиенус. Эта латинская поэма является прототипом "Евангельских гармоний" Средневековья. Авиен (Руф Фест Авиен), родом из Вульсиний в Этрурии, потомок стоического философа Мусония Руфа (см. с. 177), дважды был проконсулом - в Африке в 366 году и в Греции в 371 году н.э. Он перевел "Феномены" Арата на латинский язык и попытался улучшить переводы Цицерона и Германика (см. с. 70 и 173), сделал аналогичный перевод с изменениями из "Периегезиса" Дионисия, описал берега Черного, Каспийского и Средиземного морей ямбическим триметром, а также сделал сокращения Ливия и Вергилия в том же метре. Последние утрачены, как и большая часть описания побережья. Авиен был также автором нескольких коротких стихотворений. Он обладает немалыми способностями к стихосложению, имеет хороший вкус, чтобы подражать Вергилию, но не проявляет поэтической оригинальности. Его язык по большей части строго классический. Кверолус. Примерно к тому же времени, что и "Авиен", относится и любопытная комедия под названием "Кверолус" ("Недовольный человек"), вольное подражание "Аулуларию" Плавта, написанная в удивительной смеси прозы и стихов.

Единственным действительно интересным поэтом четвертого века является Авсоний, жизнь которого длится почти всего столетия. Децим Магнус Авсоний родился в Бордигале (Бордо) около 310 г. н. э. Авсоний стал учителем риторики и ораторского искусства и был назначен наставником Грира. Он стал учителем риторики и ораторского искусства и был назначен воспитателем Грациана, сына императора Валенса. Когда Грациан стал императором, он наградил своего учителя государственными должностями и в 379 году возвел его в консульство. После смерти Грациана (383 г. н. э.) Авсоний отошел от общественной жизни и посвятил себя литературным занятиям в родном Бордо до своей смерти, которая наступила недалеко от 395 г. н. э. Почти все его сохранившиеся сочинения относятся к этому периоду. Единственным значительным образцом его прозы является оратория, в которой он выражает благодарность Грациану за консульство. В ней стиль, хотя и несколько цветистый, не лишен достоинств, а лексика довольно строго классическая. Дошедшие до нас стихотворения разнообразны и написаны в разных стилях. Среди них эпиграммы, идиллии, письма, серия коротких стихотворений под названием *Parentalia*, посвященных родственникам поэта, *Commemoratio Professorum Burdigalensium*, описывающая его коллег в Бордо, стихи о римских императорах, о знаменитых городах и множество других тем. Некоторые из них демонстрируют ловкость в использовании языка, но не более высокого качества. Таковы письма, написанные частично по-гречески, частично по-латыни, идиллии, составленные таким образом, что последнее слово в каждой строке - монослог; но среди стихов есть и такие, которые представляют значительный интерес, хотя их поэтические качества не самые высокие. Так, "Паренталия" и стихи о бордоских профессорах дают читателю некоторое представление о жизни важного провинциального города. Интересно также отметить, что из семнадцати городов, упомянутых в "Списке знаменитых городов", пять находятся в Галлии. Конечно, Авсоний сам был галлом и, возможно, излишне выделил свой родной регион, но другие свидетельства, включая остатки древних зданий, подтверждают его оценку важности галльских городов. Его строки о Бордо, славящемся своим вином, культурой, плодородной почвой, великими реками, обильным водоснабжением и прекрасными зданиями, свидетельствуют о его патриотизме и мастерстве описательной речи. Последнее качество ярко проявляется в самой известной из его идиллий, озаглавленной "Мозель", в которой

Авсоний описывает поток и долину Мозеля, которые он посетил по какому-то делу, не указанному далее. Покрытые виноградной лозой холмы и травянистые луга, крыши вилл, стоящих на берегах, широкая, прозрачная река, спокойная и безмятежная, как озеро, - все это предстает перед нашими глазами с помощью четких, хорошо подобранных слов и мастерской легкости прикосновений. В то же время любовь поэта к природе и ее красота проявляется так же явно, как в любом стихотворении Вордсворта или Уиттиера. К сожалению, Авсоний переходит к упоминанию всех видов рыб в Мозеле, и удивительная продуктивность реки не добавляет поэме привлекательности. Тем не менее поэма заслуженно славится красотой выражения и восторженной любовью к природе. Кроме того, она удивительно современна по своему тону. Сатиры и наяды упоминаются, но только так, как их мог бы упомянуть современный поэт. Авсоний - христианин, и для него языческие божества леса - лишь существа, которые он "может вообразить". Эта поэма так же ясно, как и "*Pervigilium Veneris*", хотя и по-другому, показывает, что дух Средневековья не спит.

Авсоний был христианином, но его стихи не имеют специфически христианского содержания. Пруденций. Самым значительным специфически христианским поэтом четвертого века является Аврелий Пруденций Клеменс, который родился в Испании, в Сарагоссе или около нее, в 348 году н. э., учился и занимался ораторским искусством, занимал важные должности. Его жизнь, очевидно, прошла по большей части в Испании, но одно время он занимал должность при императорском дворе Феодосия. Дата его смерти, вероятно, около 410 года н. э. Пруденций, как и Авсоний, использует гекзаметры и различные другие классические метры, в которых он иногда отступает, но не часто, от правил количественного стиха. Его поэмы, как эпические, так и лирические, религиозны и вдохновлены искренней верой и неподдельным энтузиазмом. Он преуспевает в повествовании и описании, в богатстве и блеске языка, но ему не хватает добродетели простоты. Его поэзия была рассчитана на образованных читателей, а не на народ, а культурные слои того времени слишком хорошо привыкли к искусственному стилю. И все же, несмотря на недостатки стиля, Пруденций - самый значительный христианский поэт четвертого века, а среди других поэтов того времени с ним не сравнятся разве что Авсоний и Клавдиан.

Клавдий Клавдиан, последний значительный римский поэт, был, как и Ливий Андроник, с которого началась римская поэзия, греком по происхождению. Клавдиан. Он родился в Малой Азии, но так долго жил в Александрии, что называл этот центр образования своей родиной (*patria*). В 395 году он отправился в Рим, где был прикреплен ко двору Гонория, от которого получил звание патриция и почетную статую на Форуме Траяна. Он оставался в Риме, точнее в Милане, до 404 года н. э., но около этого времени вернулся в Александрию и женился на знатной женщине из этого места, в чем ему помогла Серена, племянница и приемная дочь императора Феодосия и жена Стилихона. Все поэмы Клавдиана написаны в период с 395 по 404 год н. э., и на протяжении всего этого времени он является верным последователем и восторженным поклонником Стилихона. Смерть Стилихона в 408 году н. э. отодвинула Клавдиана в неизвестность, или сам поэт умер примерно в то же время, что и его покровитель, сейчас невозможно определить. Произведения Клавдиана состоят из эпических поэм, посвященных важным событиям его времени, таким как Готская война и война с Гильдо, мифологических эпосов и более коротких разноплановых поэм. К историческим эпосам относятся поэмы, восхваляющие Гонория и других покровителей поэта, а также встречающиеся реческие нападки на Руфина и Евтропия. Из мифологических эпосов сохранились лишь три книги поэмы "*Изнасилование Прозерпины*" и чуть более ста

строк *"Гигантомахии"*. В этих стихах Клавдиан демонстрирует мифологическую и античную образованность, которая на протяжении веков была характерна для александрийской поэтической школы. Эта школа была уже старой, когда ей подражали Катулл и его современники на заре римской поэзии, и теперь, когда римская литература умирала, Александрия продолжала готовить ученых поэтов. Если бы Клавдиан не уехал в Италию, он, несомненно, продолжал бы писать на своем родном греческом языке и мог бы как греческий поэт соперничать со своим современником Нонном. В своих исторических и разных стихотворениях Клавдиан также демонстрирует александрийскую образованность и в то же время показывает близкое знакомство с ранними римскими поэтами, что несколько удивительно для того, кто получил образование в грекоязычных провинциях Востока. Не менее удивительно и то, что Клавдиан пользуется латинским языком с легкостью и изяществом, недостижимыми ни для одного из его современников. Его стих правилен, благороден и гармоничен, дикция чиста и классична. В этих отношениях, а также в богатстве образов, яркости повествования и мастерстве композиции ему нет равных среди римских поэтов после Статия. Его исторические поэмы должны использоваться историками с осторожностью, поскольку, хотя факты не выдуманы, они представлены в ярком свете или оставлены в неясности, в зависимости от того, как они могут повлиять на репутацию друзей или врагов поэта. В пышности своих восхвалений Клавдиан не уступает современным прозаикам-панегиристам и превосходит ранних александрийских и большинство поздних римских поэтов. Среди разных стихотворений Клавдиана нет ни одного столь известного в наше время и столь современного по тону, как краткая элегия из двадцати двух строк, посвященная веронскому старику, который никогда не покидал своего предместья, опирался посохом на тот же песок, по которому ползал, считал свои годы по смене урожаев, а не по консулам, и видел, как стареют деревья, которые он видел еще маленькими ростками. Преимущества тихой, скромной жизни редко были изложены более очаровательно, чем в этой поэме.

При всей своей образованности, мастерстве и подлинном поэтическом вдохновении Клавдиан все еще остается запоздалым певцом износившейся империи и умирающей цивилизации. Рим больше не был могущественным и непререкаемым властелином мира. Поэт, чьей главной задачей было воспевать хвалу Стилихону и распространять славу его побед, должен был по возможности закрывать глаза на очевидный упадок, но он не мог симулировать полную слепоту. В начале поэмы, посвященной войне с Гильдо, Клавдиан показывает, что от него не укрылись слабость и старость Рима. Он описывает олицетворенный город, богиню Рому, которая обращается к Олимпу с мольбой о помощи против Джильдо, чье восстание, связанное с потерей запасов африканского зерна, грозило городу голодом:

Голос ее слаб, и шаги медленны; глаза ее

Глубоко запали, щеки впали, руки

Дряхлеют от истощения. На сайте

На слабых плечах она с трудом несет

Ее потускневший щит; она показывает из ослабленного шлема

и тащит ржавое копье. [137](#)

Даже поэт, воспевающий победы Рима, мог изобразить ее в таких выражениях, как эти. Наматиан. Однако традиция римского величия все еще сохранялась. В 416 году Рутилий

Клавдий Наматиан, галл, дослужившийся до должности *префекта* Рима, был вынужден вернуться в Галлию, чтобы позаботиться о своем имуществе, которое было разорено готами. Это путешествие стало поводом для написания поэмы в двух книгах, большая часть которой сохранилась на сайте . Она написана элегическим стихом, с большим чувством и неподвижностью. В повествование вставлено множество эпизодов и описаний, но ни один отрывок не поражает так сильно, как тот, в котором путешественник, выйдя из Остийских ворот, обращается к императорскому городу:

Широка, как океан, твоя власть,
И широка империя твоя, как царство дня;
И до сих пор по твоим границам идет великий марш солнца,
С тобой начинается его путь, с тобой он заканчивается.
Твой мощный натиск не сравнится ни с горящими песками Африки,
Ни морозные ужасы полюса не выдержат;
Твоя доблесть, как бы ни была связана с природой.
Зафиксирована для человека, его бесстрашный путь найден.
В тебе все народы владеют своей общей землей,
И все виновные благословляют твою завоевательную руку;
Одно право для слабых и для сильных, Твои законы создают,
И связывают широкий мир во всемирное государство. [138](#)

На Клавдиане история римской поэзии практически заканчивается. Авиан. Седулий. Драконтий. Были и другие поэты, но ни один из них не является живым и дышащим выразителем древнеримской жизни. Около 400 года Авиан опубликовал сорок две басни Эзопа в элегических стихах; в середине V века пресвитер Седулий написал несколько религиозных поэм, в которых он демонстрирует знакомство не только с библейской литературой, но и с латинской классикой; а в конце века африканский поэт Блоссий Эмилий Драконтий написал дидактическую поэму "*О похвале Богу*" в трех книгах, несколько коротких эпосов, в основном мифологических, и несколько других поэм. Драконтий не лишен мастерства в стихосложении и использовании языка, а его стихи доказывают, что в Африке все еще можно было получить риторическое образование. Более того, его знание римской классики столь же очевидно, как и знание Библии. Но ни Драконтий, ни другие поэты, чьи произведения сохранились до нас с пятого века, не смогли сделать больше, чем помочь передать Средним векам что-то из древнего чувства красоты формы в литературе. Но даже это перестало быть понятным народу.

ГЛАВА XXI

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конец античной цивилизации - Боэций, около 480-524 гг. Позднейшая литература уже не римская - Практический характер римской литературы - Первый период - Августовский период - Период империи - Наш долг перед римлянами.

Задолго до конца пятого века власть Рима была сломлена, и центр бывшей Римской империи находился в Константинополе. Западные провинции находились в руках варваров: англы и саксы правили в Британии, франки - в северной Галлии, вестготы - в южной Галлии и Испании, вандалы - в Африке. Конец старой цивилизации. Сама Италия неоднократно подвергалась набегам выносливых воинов с севера, а Рим дважды подвергался разграблению - готами при Аларихе в 410 году и вандалами при Гензерихе в 455 году н. э. С основанием Теодорихом в 493 году н. э. Готского королевства с резиденцией в Равенне исчезли последние остатки Римской империи на Западе. Отныне Западная Европа стала ареной раздоров и беспорядков, через которые людям предстояло пробиться к новому порядку современной жизни. В империи Востока сохранилась большая часть старой цивилизации, и на протяжении всего Средневековья древняя культура все еще проливали лучи света из Константинополя на затемненный Запад; но в Западной Европе культуры было мало, и обучение по большей части было заперто в стенах монастырей.

Последний писатель, который, кажется, принадлежит к старой цивилизации, - Боэций. Аниций Манлий Торкват Северин Боэций был римлянином знатного происхождения и возвышенного положения. Боэций. Он родился около 480 года н. э. и после смерти отца был усыновлен патрицием Симмахом, на дочери которого впоследствии женился. В 500 г. н. э. он произнес в сенате речь в честь Теодориха, который часто пользовался его образованностью и литературными способностями. Он занимал важные должности в Риме, получил титул патриция, а в 510 году стал консулом без коллеги. В 522 году два его сына стали консулами, и обрадованный отец произнес орацию в честь готского короля, которому они были обязаны своим возвышением. Но этой благосклонности суждено было вскоре уйти от Боэция. Император Востока Юстин попытался подстрекнуть католиков-итальянцев к восстанию против арианина Теодориха. Боэция заподозрили, арестовали и предали пыткам в 524 году н. э. Подневольный сенат вынес решение о его смерти без проведения даже формального суда.

Боэций был плодовитым писателем. Он перевел с греческого различные философские и математические трактаты, к некоторым из которых добавил комментарии, и значение аристотелевской логики в Средние века во многом объясняется его заслугами; он также написал буколическую поэму, которая утрачена, и несколько трактатов по вопросам христианской доктрины; Но работа, благодаря которой он сейчас наиболее известен и которой он обязан своей репутацией последнего римского автора, - это трактат "*Об утешении философии*" (*De Consolatione Philosophiæ*), который он написал в тюрьме в ожидании своего осуждения. Утешение философии". Это произведение состоит из пяти книг и имеет литературную форму *самуры*, то есть проза прерывается и варьируется вставками стихотворных отрывков. Эти метрические отрывки, хотя их ритм и дикция превосходны, не демонстрируют такой глубины мысли, как прозаические части. Это объясняется тем, что прозаические части трактата в значительной степени заимствованы из "*Протрептика*" Аристотеля, в то время как стихи в большей степени являются работой самого Боэция. Маловероятно, что Боэций использовал "*Протрептик*" напрямую, но, вероятно, перед ним была какая-то работа, в которой учение Аристотеля было изменено эклектизмом поздних платоников. Повсюду выражаются благородные чувства, но без малейшего намека на христианство или какую-либо конкретную религию. Употребляются имена языческих божеств, но Боэций верит в них не больше, чем Мильтон или многочисленные писатели XVIII

века, в произведениях которых встречаются их имена. Позиция Боэция - это позиция культурного и интеллектуального человека, который ищет утешения в беде не в вере, а в разуме. В начале произведения он сетует на свою тяжелую судьбу, когда перед ним появляется Философия в образе женщины, и начинается диалог, в котором обсуждаются вопросы о несущественности того, что обычно называют хорошей или плохой судьбой, о природе Провидения, божественном устройстве мира, случайности, свободе воли и другие подобные темы. Стил - искусственный, витиеватый стиль того времени, сдерживаемый логической последовательностью аргументации. Боэций был христианином, но в своих несчастьях он обращался за утешением к философии, и его философия не более христианская, чем философия Цицерона. Однако его учения, хотя и не принадлежат ни к одной из религий, по сути своей религиозны. Неудивительно, что *"Утешение"* пользовалось большой популярностью в Средние века и продолжало находить читателей в более поздние времена.

В шестом веке все еще были люди, которые, подобно Боэцию, могли найти среди беспорядков времени досуг и вкус к учебе; и единственным возможным видом учебы была античная литература. Более поздняя литература перестала быть римской. Но Боэций - последний, в ком античные мысли и чувства предстают облеченными в литературную форму. На протяжении всего Средневековья некоторые из классических писателей, особенно Вергилий, читались и переписывались в монастырях, а те миряне, которые получали церковное образование, изучали латынь как единственный язык (кроме более далекого и трудного греческого), на котором существовала литература; но латынь тогда, как и сейчас, была языком прошлого, хотя она все еще использовалась в литературных целях, и античная цивилизация была гораздо менее понятна, чем сейчас. Письма на латыни после Боэция относятся не к римской литературе, а к литературе церкви и различных народов Европы.

Дату начала римской литературы можно определить почти с точностью до года, так как до Ливия Андроника римской литературы не существовало. В это время появились латинские подражания греческим произведениям, чтобы добавить привлекательности публичным развлечениям и познакомить молодежь с историей прошлого. Первый период римской литературы. По мере того как республика набирала силу, литература, все еще подражающая греческой, но все более полно выражающая римский характер, развивалась во всех направлениях, но особенно в прозе. Ораторы стремились к совершенству речи, чтобы овладеть судьями, сенатом или народом; историки надеялись, что записи прошлого окажут практическое влияние на деяния будущего, или, подобно Цезарю в его *"Комментариях"*, стремились к достижению своих собственных ближайших целей; Цицерон адаптировал греческую философию для римских читателей, чтобы республика имела мудрых и хороших граждан. Практическая цель лирической поэзии Катутла и современных ему поэтов менее очевидна, хотя даже лирический стих может служить политическим целям, и все же, похоже, в тщательном подражании известным александрийским произведениям была сознательная образовательная цель. Конечно, во всех отраслях литературы, кроме лирической поэзии, в республиканский период почти всегда можно найти практическую цель, и, как правило, политическую. Литература, созданная греками, казалась римлянам практически полезной, и великие произведения республиканского периода были созданы практичными людьми, чтобы помочь в достижении их целей.

В эпоху Августа практическое назначение литературы становится еще более очевидным, чем в более ранние годы. Августовский период. При переходе от республики к монархии было желательно, чтобы умы людей не были слишком заняты политикой, и литература, естественно, поощрялась Августом как выход для интеллектуальной энергии, которая в

противном случае могла бы быть направлена на решение политических вопросов. Также было желательно, чтобы род Юлиев был как можно теснее связан с зарождением Рима, а как это можно было сделать лучше, чем с помощью такой поэмы, как "*Энеида*"?

Непосредственное практическое назначение "*Георгик*" Вергилия очевидно. Поэмы Горация тоже отчасти открыто направлены на повышение народного престижа императорского дома, и сам факт, что поэт был известен как друг императора, добавлял славы как одному, так и другому. Величие поэзии в этот период объясняется непосредственно поощрением Августа, и это поощрение имело практическую цель. То, что проза, особенно ораторская, в это время пришла в упадок, объясняется тем, что оратор больше не был великой силой в государстве.

В условиях империи влияние литературы на политику исчезло. Ораторство больше не вело к высшей власти, поэзия, по крайней мере при некоторых императорах, должна была быть осторожной, чтобы не переступить установленные границы, а история не могла безопасно фиксировать все факты с их причинами и результатами. Даже философские спекуляции были небезопасны, если они приводили к практическим выводам, неблагоприятным для правительства. Императорский период. Именно те отрасли литературы, которые могли быть использованы в политических целях, императорское правительство не могло не поощрять прямо или косвенно, и именно в этих отраслях практичные римляне, естественно, преуспели. Конечно, были императоры, которые поощряли литературу, но их поощрение, ведущее к лести и искусственному красноречию, вряд ли могло повысить качество, хотя и увеличивало количество, литературной продукции. С утратой практической значимости римская литература теряет свою силу. Кроме Тацита и Ювенала, в императорский период не появляется ни одного сильного и энергичного автора, пока с ростом христианства литература вновь не приобретает практическое значение. То, что литература в течение стольких лет сохраняла относительно высокую степень совершенства, объясняется постоянным влиянием Греции, которая в определенной степени противодействовала силам, стремившимся уничтожить всю литературную жизнь. Таким образом, римская литература просуществовала до самого распада Римской империи.

До нас дошла лишь малая часть огромного массива римской литературы, но эта часть включает в себя величайшие произведения лучшего периода. Они достойны изучения за красоту формы, ясность мысли, силу, энергичность и этические качества. Произведения императорского периода уступают по качеству республиканским и августовским, хотя их количество пропорционально продолжительности империи; но и эти произведения являются достойным предметом изучения, поскольку в них также выражен характер римлян.

Три древних народа оказали сильное влияние на народы Европы и Америки - евреи, греки и римляне. Первым мы обязаны основами нашей религии, вторым - зарождением всех искусств и наук, римлянам мы обязаны адаптацией искусств и наук, философии и даже религии к цивилизованной жизни. Наш долг перед римлянами. Названия наших месяцев - римские, а наш календарь, с небольшими необходимыми изменениями, соответствует календарю, установленному Юлием Цезарем. Законы континентальной Европы и, хотя и в меньшей степени, Англии и Соединенных Штатов основаны на римском праве, окончательно установленном при Юстиниане. Так называемая готическая архитектура, которая возникла во Франции в средние века и до сих пор является преобладающим стилем наших церквей, шаг за шагом восходит к римским зданиям, и хотя римская архитектура зависела от греческой, именно через Рим Западная Европа научилась использовать колонны, арки и своды. Прекрасная архитектура эпохи Возрождения - это сознательное подражание архитектуре Рима. В первые века существования христианской церкви римляне также внесли свою лепту в систематизацию христианской веры, примирение ее с философией и

создание разумной формы церковного управления. Результаты их трудов унаследовала непосредственно Римско-католическая церковь, а косвенно или частично - протестанты. Вряд ли найдется такая сторона современной жизни, которая не была бы в большей или меньшей степени затронута Древним Римом; а достоинство, крепкая мужественность, стоическое пренебрежение к судьбе, патриотизм и энергичная серьезность, выраженные в римской литературе, оказывают мощное влияние на развитие всего лучшего в современном человеке. Римская литература будет оставаться важным объектом изучения до тех пор, пока люди еще чувствуют свои обязательства перед прошлым или способны учиться на примере и наставлениях других эпох.

ПРИЛОЖЕНИЕ I БИБЛИОГРАФИЯ

[Это не исчерпывающая библиография, а лишь попытка направить студента к некоторым из лучших и наиболее доступных источников информации. Книги на иностранных языках и издания с примечаниями на иностранных языках упоминаются только в исключительных случаях и по особым причинам. Дополнительную библиографическую информацию можно найти в больших историях римской литературы, в "*Bibliotheca Scriptorum Classicorum*" Энгельмана, в ежемесячных списках "*Классического обозрения*" и в "*Руководстве по выбору классических книг*" Дж. Б. Мэра, Лондон, 1879, Д. Натт; с новым дополнением, 1896].

Общие работы

C. T. Cruttwell. История римской литературы, Лондон, 1877, Гриффин.

J. W. Mackail. Latin Literature, London, 1895, Murray; New York, Scribner's.

G. A. Simcox. History of Latin Literature, London and New York, 1883, Longmans, 2 vols.

G. Middleton and T. R. Mills. Handbook to Latin Authors, London and New York, 1896, Macmillan.

W. Y. Sellar. The Roman Poets of the Republic, Oxford, 2d ed. 1889; Poets of the Augustan Age (Virgil), Oxford, 1891; Horace and the Elegiac Poets, Oxford, 1892.

R. Y. Tyrrell. Latin Poetry, Boston, 1895, Houghton & Mifflin.

G. F. Aly. Geschichte der römischen Litteratur, Berlin, 1894, R. Gaertner.

G. Bernhardt. Grundriss der römischen Litteratur, 5th ed. Halle, 1872.

W. S. Teuffel. Geschichte der römischen Litteratur, 5th ed. revised by L. Schwabe, Leipzig, 1890, Teubner; translated by G. C. W. Warr, 2 vols., London, 1891, Bell. [Особенно хорош для библиографии].

M. Schanz. Römische Litteraturgeschichte, Munich, 2d ed. 1898-1901, Beck. 3 тома (до Константина); том iv (до Юстиниана) готовится.

O. Ribbeck. Geschichte der römischen Dichtung. 3 vols. Stuttgart, 1887-'92.

C. Lamarre. Histoire de la Littérature latine depuis la Fondation de Rome jusqu'à la Fin du Gouvernement Républicain; Paris, 1901, Delagrave. 4 тома [Том iv содержит подборки из латинской литературы в оригинале и во французском переводе. Литература императорского периода будет рассматриваться в последующих томах].

G. Michaut. Le Génie latin. Paris, 1900, Fontemoing. [Интересно и наводит на размышления.]

Полезная серия книг под названием "Античная классика для английских читателей" содержит "Сезар" *Энтони Троллопа*; "Катулл, Тибулл и Проперций" *Джеймса Дэвиса*; "Цицерон" *У. Л. Коллинза*; "Гораций" *Теодора Мартина*; "Ювенал" *Э. Уолфорд*; Ливий, *У. Л. Коллинз*; Лукреций, *Мэллок*; Овидий, *А. Черч*; Плавт и Теренций, *У. Л. Коллинз*; Плиний, *А. Черч* и *У. Дж. Бродрибб*; Тацит, *У. Б. Донн*; и Вергилий, *У. Л. Коллинз*. Это не переводы, а эссе, проиллюстрированные отрывками. Издано в Америке компанией J. B. Lippincott Co.

Коллекции

[Этот список содержит названия сборников, упомянутых ниже. Существует множество других сборников, названия которых можно найти в более крупных библиографиях].

Poetae Latini Minores, ed. *Baehrens*. 5 vols. Leipzig, 1879-'83, серия Teubner.

Fragmenta Poetarum Romanorum, ed. *Baehrens*, Leipzig, 1886, Teubner series.

Corpus Poetarum Latinorum, ed. *J. P. Postgate*; части i, ii, (vol. i) и iii. Лондон, 1893-1900, Bell.

Patrologia Latina, ed. *Migne*, Paris. [221 том, содержащий труды церковных писателей на латинском языке от апостольских времен до эпохи папы Иннокентия III].

Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. [Серия церковных сочинений, изданная Императорской академией в Вене, начатая в 1866 году и еще не завершенная].

Scaenicae Romanorum Poesis Fragmenta, ed. *O. Ribbeck*. 2 vols. Leipzig, 1897-'98, Teubner series. [Том I, Tragicorum Romanorum Fragmenta; том II, Comicum Romanorum Fragmenta].

Grammatici Latini, ed. *H. Keil*, Leipzig, 1857-'80, Teubner, 7 vols.

Historicorum Romanorum Reliquiae, ed. *H. Peter*, vol. i, Leipzig, 1870, Teubner.

Historicorum Romanorum Fragmenta, ed. *H. Peter*, Leipzig, 1883, серия Teubner.

Scriptores Historiae Augustae, ed. *H. Peter*, Leipzig. 2 vols. Серия Teubner.

Anthologia Latina, ed. *Ф. Бюхелер* и *А. Ризе*, Лейпциг, 1870-97. 2 тома. Серия Teubner.

XII Panegyrici Latini, ed. *Baehrens*. Лейпциг, 1874, серия Teubner.

Oratorum Romanorum Fragmenta, ed. *Meyer*. Париж, 1837.

Издания и переводы

Accius. Текст во *фрагм. Poet. Rom.*, vol. i, и *Scaen. Rom. Poes. Fragm.*, vol. i.

Ætna. Текст в *Corp. Poet. Lat.*, part iii, и *Poet. Lat. Min.*, vol. ii. Текст с примечаниями и переводом *Робинсона Эллиса*, Оксфорд, 1901.

Амвросий (святой Амвросий). Текст, *Patrologia Latina*, vols. xiv-xvii.

Аммиан Марцеллин (Ammianus Marcellinus). Текст. *Гардтхаузен*, Лейпциг. 3 тома. Серия Teubner.

Ампелий. Текст. *Вёльфлин* в "Флоре Хальма", Лейпциг, 1854, серия Teubner.

Андроник. См. [Ливий](#).

Aphthonius. Текст в *Grammat. Lat.*, vol. vi.

Апулей. Текст с латинскими примечаниями. *Hildebrand*, Leipzig, 1842. 2 тома.

Перевод. *Сэр Джордж Хед*, Лондон, 1851; *анонимный*, в библиотеке Бона.

Арнобий. Текст. *Reifferscheid*, vol. iv of *Corp. Script. Eccl. Lat.* Также в *Patrol. Lat.*, vol. v.

Атта. Текст в *Scaen. Rom. Poesis Fragm.*, vol. ii,

Аттикус. Текст в *Hist. Rom. Fr.*

Августин (св. Августин). Текст. *Patrol. Lat.*, vols. xxxii-xlvi; *De Civitate Dei*, *Dombart*, Leipzig, 1877, 2 vols., Teubner series; *Confessiones*, *Raumer*, Gütersloh, 1876, Bertelsmann.

Август. Monumentum Ancyranum, *Mommsen*, 2d ed. Berlin, 1883, Weidmann; *W. Fairley* (с английским переводом), Philadelphia, 1898, University of Philadelphia.

Фрагменты, *Вейхарт*, Гримма, 1845.

Аврелий (Марк Аврелий). См. [Фронто](#).

Авзоний. Текст. *Пейпер*, Лейпциг, 1886, серия Teubner.

Авиан (Avianus). Текст. *Поэт. Lat. Min.* vol. v; критический текст и примечания. *R. Ellis*, Oxford, 1887.

Авиенус. Критич. текст. *Холдер*, Инсбрук, 1887, Вагнер.

Бозций. Текст. *Пейпер*, Лейпциг, 1871, серия Teubner.

Перевод. Н. Е. James, London, 1897, Elliot Stock; *Fox*, в библиотеке Bohn's Library.

Cæsar. Текст. *Кюблер*, Лейпциг, 1893-1897, серия Teubner. 3 тома.

Перевод. В. А. *Макдевит*, Библиотека Бона. Текст и примечания. Галльская война, Аллен и Грино, Бостон, Ginn & Co.; Гражданская война, *Перрин*, Нью-Йорк, University Publishing Co. Существует множество других школьных изданий.

Кальпурний. Текст. *Поэт. Лат. Min.*, vol. iii; с Nemesianus, текстом и латинскими примечаниями, *Schenkl*, Leipzig and Prague, 1885.

Капелла. См. [Martianus](#).

Катон. De Agricultura. Текст и латинские примечания, *Keil*, Leipzig, 1884-'94, Teubner. [Два тома с Varro, Res Rusticae].

Другие произведения. Текст и латинские примечания. *Иордан*, Лейпциг, 1860, Teubner.

Катонис Дистих. Поэт. Лат. Min., vol. iii.

Катулл . Текст. Мюллер, Лейпциг, 1885, серия Teubner. [С Тибуллом, Проперцием, фрагментами Лаэвия, Кальва, Цинны и других, а также Приапеем]; крит. текст с приложениями, R. Ellis, 2d ed., Oxford, 1878.

Аннотированное издание. Merrill, Boston, 1893, Ginn & Co.

Комментарий. R. Ellis, 2d ed., Oxford, 1889.

Перевод (стихотворный). Теодор Мартин, Эдинбург и Лондон, 1875, Blackwood.

Цельс. Текст. Даремберг, Лейпциг, 1859, серия Teubner.

Перевод. Дж. Грив, Лондон, 1756.

Цензорин. Текст. Хультш, Лейпциг, 1867, серия Teubner; крит. текст, Я. Холодняк, Санкт-Петербург, 1889.

Харисий. Текст в Gram. Lat., vol. i.

Цицерон. Текст. Baiter and Kayser, Leipzig, 1860-'69, B. Tauchnitz, 11 vols.; Müller, Klotz, and others, Leipzig, Teubner series, 10 vols. [Издания отдельных работ и избранных произведений многочисленны].

Переписка, расположенная в хронологическом порядке, с комментариями и вступительными очерками. R. Y. Tyrrell and L. C. Purser, Dublin and London, 1855-1901. 7 томов [том i во 2-м изд.]

Перевод. Орации, К. Д. Йонге, 4 тома; Об ораторском искусстве и ораторах, с письмами к Квинту и Бруту, Дж. С. Уотсон; О природе богов, прорицании, судьбе, законах, республике и консульстве, К. Д. Йонге и Ф. Бархам; Академики, De Finibus и Тускуланские вопросы, К. Д. Йонге; Должности, или Нравственные обязанности, Катон Майор, Эссе о старости, Лелий, Эссе о дружбе, Сон Сципиона, Парадоксы, Письмо к Квинту о магистратах, К. Р. Эдмондс; Письма, Э. Шакбург, 4 тома. Библиотека Бона.

Жизнь. W. Forsyth, London, 1863, Murray; New York, Scribner's.

Cincius Alimentus. Текст в Hist. Rom. Rell.

Ciris. Текст в Poet. Lat. Min., vol. ii.

Клавдиан. Текст. Кох, Лейпциг, 1893, серия Teubner.

Перевод. Хокинс, Лондон, 1817, 2 тома.

Колумелла. Текст в Scriptores Rei Rusticae, ed. Schneider, Leipzig, 1794-'97; De Arboribus, текст, Lundström, Upsala, 1897.

Перевод. Аноним, Лондон, 1745.

Коммодиан. Текст. Людвиг, Лейпциг, 1877-'78, 2 тома. Серия Teubner.

Consolatio ad Liviam. Текст в Poet. Lat. Min., vol. i.

Корнифиций (см. Cicero ad Herennium). Текст. Маркс, Лейпциг, 1894, Teubner.

Кулекс. Текст в *Poet. Lat. Min.*, vol. ii.

Curtius Rufus, Text. *Vogel*, Leipzig, 1881, серия Teubner,

Перевод. *Джон Дигби*, 3-е изд. корр. *Янга*, Лондон, 1747.

Киприан. Текст. *Hartel*, Vienna, 1868-'71, 4 тома в *Corp. Script. Eccl. Lat.*

Дарес. Текст. *Meister*, Leipzig, 1873, серия Teubner.

Диктис. Текст. *Майстер*, Лейпциг, 1872, серия Teubner.

Диомед. Текст в *Gram. Лат.*

Диоскорид. Текст на грам. яз. *Лат.*

Diræ. Текст на поэт. яз. *Лат. Min.*, Vol. ii.

Donatus. Текст в *Gram. Лат.* и во введениях к ранним изданиям Теренция.

Энний. Текст на фрагм. языке. *Поэт. Ром.* и *Corp. Poet. Lat.*, vol. i.

Евтропий. Текст. *Рюль*, Лейпциг, 1887, серия Teubner.

Перевод. См. [Юстин](#).

Фенестелла. Текст в *Hist. Rom. Fragm.*

Фестус (Руфий). Текст. *Вагнер*, Прага, 1886.

Фестус (Секст Помпеи). Текст. *Теврук*, Будапешт, 1889.

Фирмикус Матернус. Текст, *Хальм*, Вена, 1867, в *корп. Script. Eccl. Lat.*, vol. ii; *Baehrens*, Leipzig, 1886, серия Teubner.

Флор. Текст. *Хальм*, Лейпциг, 1854, серия Teubner.

Фронтин. Стратегемы. Текст. *Гундерманн*, Лейпциг, 1888, серия Teubner.

Перевод. *Р. Скотт*, Лондон, 1811.

De Aquis Urbis Romae. Текст. *Бухелер*, Лейпциг, 1858, серия Teubner.

Текст с переводом и обсуждением. *К. Гершель*, Бостон, 1899, Dana, Estes & Co.

Fronto . Текст. *Набер*, Лейпциг, 1867, Teubner.

Гай. Текст с переводом и примечаниями. *Poste*, 3d ed., Oxford, 1890.

Геллий. Текст. *Hertz*, Leipzig, 1887, Teubner series, 2 vols.

Крит. Текст. *Hertz*, Leipzig, 1894, Teubner, 2 vols.

Перевод. *Beloe*, London, 1795, 3 vols.

Germanicus. Текст в *Poet. Lat. Min.*, vol. i.

Gratius. Текст в книге "*Поэт. Lat. Min.*, vol. i; *Corp. Поэт. Lat.*, part iii.

Иероним. См. [Иероним](#).

Иларий (св. Иларий). Текст. *Патрокл. лат.*, тт. ix и x.

Хиртий. Текст в полном издании "Сезара".

Гораций. Текст в *Corp. Poet. Lat.*, vol. i; *Kellar and Häussner*, 2d ed. Прага, 1892.

Аннотированные издания многочисленны.

Перевод (стихотворный). *Теодор Мартин*, Эдинбург и Лондон, 1881, Блэквуд, 2 тома. Оды и эподы, *лорд Литтон*, Эдинбург и Лондон, 1869, Нью-Йорк, 1870.

Гигинус. Текст. *М. Шмидт*, Йена, 1872.

Hyginus Gromaticus. Текст. *Домашевский*, Лейпциг, 1887.

Иероним . Текст. *Patrol. Лат. пер.*, т. xxii-xxx. *De Viris Illustribus*, *Herdning*, Leipzig, 1879, серия Teubner.

Юлий. См. [Cæsar](#).

Юлий Цезарь Страбон. Текст в *Orat. Rom. Fragm.*

Юлий Виктор. Текст в *Orelli's Cicero*, vol. v, p. 195, и в *Halm's Rhetores Minores*, p. 371.

Юстин . Текст. *Jeep*, Leipzig, 1859, Teubner series; *Hallberg*, Paris, 1875.

Перевод. *Watson*, London, 1853, Bohn's Library, [с Корнелием Непосом и Евтропием].

Ювенал . Текст. *Bücheler*, Berlin, 2d ed. 1886, Weidmann [с Персием и Сульпицием].

Аннотированное издание. *Pearson & Strong*, Oxford, 1892.

Перевод. (Проза) *Leeper*, London, 1891, 2d ed. Macmillan [см. также *Lucilius*]; (стих) *Dryden*, in *Dryden's works*.

Лактанций. Текст. *Patrol Lat.*, vols. vi и vii. [Некоторые из его работ опубликованы в *Corp. Script. Eccl. Lat.* Поэма о Фениксе помещена в *Poet. Lat. Min.*, vol. ii].

Lampridius. Текст в *Scriptores Historiae Augustae*.

Livius Andronicus . Текст во *Фарм. Poet. Rom.* и *Scaen. Rom. Poesis Fragm.*, vols. i and ii.

Ливий. Текст. *Weissenborn*, Leipzig, 1878, Teubner series, 6 vols.

Crit. Текст. *Madvig and Ussing*, Copenhagen, 4th ed. 1886 and later. 4 тома.

Перевод. *Спиллан*, *Эдмундс* и *Макдевит*, Лондон, Библиотека Бона. 4 тома.

Лукан. Текст в *корп. Poet. Lat.*, part iii; *Hosius*, Leipzig, 1892. Серия Teubner.

Перевод (стихотворный). *Н. Роу*, Лондон, 1807. 3 тома.

Луцилий . Текст на *фрагм. яз. Poet. Rom.*

Перевод. *Эванс*, Лондон, Библиотека Бона. [Ювенал, Персий, Сульпиций и Луцилий.]

Лукреций. Текст. *Munro*, London, Bell; также в Harper's Classical Texts.

Критий. Текст. *Lachmann*, Berlin, 1866. 2 тома.

Текст и примечания. *Munro*, London, 4th ed. 1891-'93, Bell. 3 тома, третий из которых представляет собой прозаический перевод.

Макробий. Текст. *Eyssenhardt*, Leipzig, 1868, 2d ed. Teubner series.

Мекенас. Текст во *Фрагме. Poet. Rom.*

Manilius. Текст в *Corp. Поэт. Lat.*, part iii.

Перевод. *Creesh*, London, 1700. [Приложено к Лукрецию.]

Манлий. См. [Вописк](#).

Марцеллин. См. [Аммиан](#).

Марий Викторин. Текст в *Gram. Lat.*, vol. vi, Orelli's *Cicero*, vol. v, Halm's *Rhetores Minores*, and *Patrol. Lat.*, vol. viii.

Марциал. Текст. *Гильберт*, Лейпциг, 1886, серия Teubner.

Перевод (проза). Под редакцией *Г. Г. Бона*, Лондон, 1897. [Содержит также метрические переводы из различных источников].

Марцианус Капелла. Текст. *Eyssenhardt*, Leipzig, 1866, серия Teubner.

Мела. Текст. *Фрик*, Лейпциг, 1880, серия Teubner.

Минуций Феликс. Текст. *Baehrens*, Leipzig, 1886, серия Teubner.

Моретум. Текст в сборнике *Poet. Lat. Min.*, vol. ii.

Nævius. Текст в *Fragm. Поэт. Rom.*, *Scaen. Rom. Poesis Fragn.*, vols. i and ii.

Namatianus. См. [Рутилий](#).

Nemesianus. Текст в *Poet. Lat. Min.*, vol. iii.

Непос. Текст. *Halm-Fleckeisen*, Leipzig, 10th ed. 1889, Teubner series.

Перевод. См. [Юстин](#).

Нигидий Фигул. Текст фрагментов с латинскими примечаниями. *Штробода*, Вена, 1889.

Ноний Марцелл. Крит. текст с комментариями. *Müller*, Leipzig, 1888, Teubner. 2 vols. *Onions*, Oxford, 1895.

Октавий. См. [Август](#).

Орозий. *Zangemeister*, *Corp. Script. Eccl. Lat.*, vol. v, и Лейпциг, 1889, серия Teubner.

Овидий. Текст в *Corp. Poet. Lat.*, vol. i; *Merkel-Ewald*, Leipzig, 3d ed. begun 1888, Teubner series.

Аннотированные издания отдельных произведений и выборок многочисленны.

Перевод (проза). Библиотека Бона. Метрические переводы Драйдена и других авторов содержатся в "*Английских поэтах*" Чалмерса.

Пакувий. Текст в *Scaen. Rom. Poesis Fragm.*, vol. i.

Палладий. Текст в *Scriptores Rei Rusticae*, ed. *Schneider*, Jena, 1794-'97.

Персий. Текст в *Corp. Poet. Lat.*, vol. i; *Bücheler*. См. [Ювенал](#); с переводом и комментариями, *Conington and Nettleship*, Oxford, 1893.

Перевод (проза). См. [Луцилий](#) и [Ювенал](#); (стих) *Драйден*, в его полном собрании сочинений и "*Английские поэты*" Чалмерса.

Pervigilium Veneris. Текст в *Poet. Lat. Min.*, vol. iv.

Петроний. Текст. *Бюхлер*, Берлин, 3-е изд. 1895 г., *Вейдман*. [С сатирами Варро и Сенеки].

Перевод. (Обед Трималхиона). *H. T. Peck*, New York, 1898, Harper's.

Phædrus. Текст на кор. яз. *Poet. Lat.*, part iii; *Riese*, Leipzig, 1885, B. Tauchnitz.

Перевод. *Smart*, London, 1831. [Также прилагается к версии Райли "Теренций и Федр" в Библиотеке Бона].

Плавтус. Текст. *Goetz and Schoell*, Leipzig, 1892-'95, серия Teubner, 7 частей.

Критическое издание. *Ritschl* (2d ed. by *Goetz, Loewe, and Schoell*), Leipzig, 1878-'93, Teubner, 20 частей.

Существует множество аннотированных изданий отдельных пьес.

Перевод (проза). *Riley*, London, Bohn's Library; (стих) *Thornton and Warner*, London, 1767-'72.

Плиний Старший. Текст, *Ян и Майхофф*, Лейпциг, 2-е изд. Серия Teubner. 6 томов.

Перевод. С примечаниями, *Bostock and Riley*, London, Bell. 6 томов.

Плиний Младший. Текст. *Keil*, Leipzig, 1873, серия Teubner.

Перевод. *Melmoth*, пересмотренный *Bosanquet*, London, 1877, Bell; *Lewis*, London, 1879, Trübner.

Плотий. См. [Sacerdos](#).

Помпей Трог. См. [Юстин](#).

Помпоний. См. [Мела](#).

Помпоний (Луций). Текст во *Фрагме. Поэт. Ром.*

Приапея. Текст в *Поэт. Lat. Min.*, vol. i, cf. vol. ii.

Присциан. Текст в *Gram. Lat.*, vols. ii и iii.

Пробус (Валерий). Текст в *Gram. Lat.*, vol. iv.

Проперций (Propertius). Текст в *Corp. Poet. Lat.*, vol. i; *Mueller*, Leipzig, 1880, Teubner series. См. [Катулл](#).

Прим. ред. Crit. *Postgate*, London, 1880, Bell.

Перевод (проза). *Гантульон*, с метрическими версиями избранных элегий *Нотта* и *Элтона*, Лондон, Библиотека Бона.

Пруденций. Текст. *Patrol. Lat.*, vols. lix and lx.

Публилий Сирус. Текст. *Bickford-Smith*, Cambridge, 1885; *O. Friedrich*, Berlin, 1880, Grieben [с примечаниями].

Квинтилиан. Текст. *Institutiones Oratoriae*, *Meister*, Leipzig, 1886-'87, Freytag.

Declamationes. *Pumtner*, Лейпциг, 1884, серия Teubner.

Перевод. Институты ораторского искусства, *Дж. С. Уотсон*, Лондон, Библиотека Бона. 2 vols.

Reposianus. Текст в *Poet. Lat. Min.*, vol. iv.

Rutilius Namatianus. Текст в сборнике "*Поэм. Lat. Min.*", vol. v.

Sacerdos Текст в *Gram. Lat.*, vol. vi.

Sallust. Текст. *Eussner*, Leipzig, 1888, серия Teubner. [Школьные издания "Катилины" и "Югурты" многочисленны].

Перевод. *Поллард*, Лондон, 1882, Макмиллан.

Саммоник Серенус. Текст в *Poet. Lat. Min.*, vol. iii.

Sedulius. Текст в *Patrol. Lat.*, vol. ix, и *Corp. Script. Eccl. Lat.*, vol. x.

Сенека (отец). Текст. *Müller*, Leipzig, 1888, Freytag; *Kiessling*, Leipzig, 1872, Teubner series.

Сенека (сын). Текст. Философские произведения. *Haase*, Leipzig, 1852 sqq., серия Teubner.

Трагедии, *Лев*, Берлин, 1879, Вейдман, 2 тома.

Перевод. О благодеяниях, Малые сочинения и О милосердии. *A. Stewart*, London, Bohn's Library. 2 vols. Две трагедии ("Медея" и "Дочери Трои"), *Э. И. Харрис*, Бостон, 1899, Houghton & Mifflin.

Сервий. Текст с латинскими примечаниями. *Тило* и *Хаген*, 1878-1902, Teubner. 4 тома.

Сидоний Аполлинарий. Текст в *Patrol. Lat.*, vol. lviii; *Lüjohann*, Berlin, 1887 (*Monum. German. Hist. Auct. Antiquiss.*, vol. viii).

Silius Italicus. Текст. *Бауэр*, Лейпциг, 1890-'92, серия Teubner. 2 тома.

Перевод (стихотворный). *Tytler*, Calcutta, 1828. 2 тома.

Сисенна. Текст в *Hist. Rom. Rel.*

Solinus. Crit. Текст. *Mommsen*, Berlin, 2d ed. 1895, Weidmann.

Стаций. Текст. *Kohlmann*, Leipzig, 1879-'84, Teubner series. 2 тома.

Перевод (стихотворный). Thebaid. *Льюис*, в "Английских поэтах" Чалмерса, т. хх; *Кольридж*, в его сборнике стихов; *Ахиллес, сэр Роберт Говард*, в его стихах.

Суий. Текст во *Фрагме. Poet. Rom.*

Суэтоний. Текст. *Rom*, Лейпциг, 1875, серия Teubner.

Перевод. *Томсон*, пересмотренный Форестером, в Библиотеке Бона.

Сульпиций. См. [Ювенал](#).

Симмах. Текст. *Seeck*, Berlin, 1883 (*Monum. Germ. Hist. Auct. Antiquiss.*, vol. vi, 1).

Тацит. Текст. *Ниппердей*, Берлин, 1871-'76, Вейдман. 4vols.

[Аннотированные издания отдельных произведений многочисленны].

Перевод. *Church and Brodribb*, London, 1868-'77, Macmillan. 3 vols.

Теренций. Текст. *Дзяцко*, Лейпциг, 1884, Б. Таухниц.

Ed. Крит. *Умпфенбах*, Лейпциг, 1871, Teubner.

Аннотированное изд. *Вагнера*, Лондон, 1869, Белл. [Аннотированные издания отдельных пьес многочисленны].

Перевод (стихотворный). *Колман*, Лондон, 1810; (проза) *Райли*, в Библиотеке Бона [с *Phædrus*].

Terentianus Maurus. Текст в *Gram. Lat.*, vol. vi.

Тертуллиан. Текст. *Patrol. Lat.*, vols. i and ii; *Reifferscheid and Wissowa, Corp. Script. Eccl. Lat.*, vol. хх [только т. i Тертуллиана].

Тибулл. Текст в *Corp. Poet. Lat.*, vol. i; см. также [Catullus](#).

Перевод. *Cranstoun*, Edinburgh and London, 1872, Blackwood. [Английский стих с примечаниями.]

Трогус. См. [Юстин](#).

Varius. Текст во *Фрагме. Poet. Rom.*

Варро Атацинус. Текст во *Фрагме. Поэт. Rom.*

Варро (Марк). Текст. *De Lingua Latina*, *Müller*, Leipzig, 1833; *Spengel*, Berlin, 1885. *De Re Rustica*, *Keil*, Leipzig, 1889, серия Teubner [комментарий, 1891]. Фрагменты "Мениппейских сатир" Варро содержатся в "Петронии" *Бюхлера*, утраченные грамматические сочинения - в *Wilmanns, De Varronis Libris Grammaticis*, Berlin, 1864, Weidmann, "Антиквитаты" - в издании *Меркеля* "Фасты Овидия", Berlin, 1841, поэтические фрагменты - в *Fragm. Poet. Rom.*

Vegetius Renatus. Текст. *Epitoma Rei Militaris*, *Lang*, Leipzig, 2d ed. 1885, Teubner series.

Mulomedicina. В "*Scriptores Rei Rusticae*" Шнайдера, Jena, 1794-'97.

Velleius Paterculus. Текст. *Хальм*, Лейпциг, 1876, серия Teubner.

Перевод. *Дж. С. Уотсон*, Библиотеки Бона и Харпера. [Саллюст, Флор и Веллий Патеркул, с примечаниями.]

Вергилий. Текст. *Риббек*, Лейпциг, 2-е изд., серия Teubner.

Критий. Текст. *Ribbeck*, Leipzig, 2d ed., Teubner. 4 тома.

Аннотированные издания. *Conington and Nettleship*, London, 1865-'71, Bell, 3 vols.; *Greenough*, Boston, 1895, Ginn & Co. [Школьные издания отдельных частей произведений Вергилия многочисленны].

Перевод (стихотворный). *Драйден*, в его полном собрании сочинений.

Aeneid. *Conington*, London, 1870, Longmans; *J. D. Long*, Boston, 1879, Lockwood, Brooks & Co.

Эклоги. *К. С. Калверли*, в его собрании сочинений, Лондон, 1901, Белл.

Георгики. *Н. W. Preston*, Boston, 1881, Osgood & Co.

Витрувий. Критика. Текст. *Rose*, Leipzig, 1899, Teubner series.

Перевод. *Гвилт*, Лондон, новое изд. 1860, Weale.

Volcaci^{us} Sedigit^{us}. Текст на языке *фрагм. Поэм. Ром.*

Vopisc^{us}. Текст в *Script. Hist. Aug.*

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

[Когда приводятся две даты, они обозначают рождение и смерть автора или авторов, названных в той же строке. Даты, указанные напротив имен императоров, которые напечатаны курсивом, относятся, однако, к их правлениям, а не к их жизни. Когда указана одна дата, она обозначает время, когда деятельность автора или авторов, вероятно, была на пике. Вопросительные точки обозначают неопределенность].

В. С.

280. Аппий Клавдий Сæкус (оратор).

До 270 года - около Ливий Андроник.
204 года.

Около 269-199. Гней Невий.

Около 254-184 гг. Тит Макций Плавт.

239-169. Квинт Энний.

234-149. Марк Порций Катон.

Около 230 года. Квинт Фабий Максим Кунктатор (оратор).

220 - около 130.	Марк Пакувий.
216.	Квинт Фабий Пиктор.
211.	Фабула Ателлана.
210.	Луций Цинций Алимент.
206.	Квинт Цецилий Метелл (оратор).
До 200 года - около 165 года.	Стаций Цецилий (комический поэт).
198.	Секст Илий (юрист).
(?)-196.	Марк Корнелий Цетегус (оратор).
Около 192-152 гг.	Сын Катона (юрист).
191.	Сципион Насика (юрист).
Около 190-159.	Публий Теренций Афер (Теренций).
185-129.	Сципион Африканский младший.
183.	Квинт Фабий Лабео (юрист).
(?)-183.	Публий Лициний Красс (оратор), Сципион Африканский старший.
Около 180 года.	Луций Ацилий (юрист).
180 (?)-126.	Гай Луцилий.
(?)-174.	Публий Илий (юрист).
170 - не менее 100.	Луций Акций.
163-133.	Тиберий Гракх (оратор).
Около 158 - около 75.	Публий Рутилий Руф.
154-121.	Гай Гракх (оратор).
Около 154 - после 100.	Луций Илий Пржеконин Сило.
Около 152-87 гг.	Квинт Лутаций Катул.
Около 150 года.	Луций Афраний, Титиний (комические поэты), Публий Корнелий Сципион, Аулус Постумий Альбин, Гай Ацилий.
143-87.	Марк Антоний (оратор).
Около 140 года.	Луций Кассий Гемина, Гай Лелий.
140-91.	Луций Лициний Красс (оратор).
136.	Луций Фурий Фил (оратор и юрист).
133.	Публий Муций Сцевола, Луций Кальпурний Пизон Фруги.
131.	Публий Лициний Красс Муциан (юрист).
Около 130.	Гай Тиций.
122.	Гай Фанний (оратор и историк).
119-67.	Луций Корнелий Сисенна.
116-27.	Марк Теренций Варро.
114-50.	Гортензий (оратор).
109-32.	Тит Помпоний Аттик.

106-43.	Марк Туллий Цицерон.
105-43.	Децим Лаберий.
(?)-103.	Турпилий (комический поэт).
102 (?)-44.	Гай Юлий Цезарь.
102-43.	Квинт Цицерон.
Последняя часть II века.	Гней Матий, Левий Мелисс, Хостий, Аулус Фурий, Целий Антипатр, Квинт Валерий Соран.
До 100 года - после 30 года.	Корнелий Непос.
Около 99-55 (?).	Тит Лукреций Карус.
(?)-по крайней мере 91 год.	Семпроний Аселлий (историк).
95.	Квинт Муций Сцевола (юрист).
Около 90.	Луций Помпоний, Новий (авторы <i>Fabulæ Atellanæ</i>), Волкаций Седигит.
(?)-87	Гай Юлий Цезарь Страбон (трагик).
87-47.	Гай Лициний Кальв.
86-35.	Гай Саллюстий Крисп.
Начало I века.	Валерий Антиас, Квинт Корнифиций.
Первая половина I века.	Суий, Гай Гельвий Цинна, Публий Валерий Катон, Гай Меммий, Тицид, Аврелий Опилий, Антоний Гнифо, Марк Помпилий Андроник, Сантра, Сервий Сульпиций Руф.
Около 84 - около 54.	Гай Валерий Катулл.
(?)- не менее 82.	Квинт Клавдий Квадригарий (историк).
82 - после 37.	Варро Атацин.
78(?)-42.	Марк Юний Брут.
(?)-77	Тит Квинктий Атта.
70-27.	Корнелий Галл.
70 (?)-8.	Гай Мекенас.
70-19.	Публий Вергилий Маро (Вергилий).
Около 70 - после 16.	Витрувий Поллий.
67-5 гг. Н. Э.	Гай Асиний Поллион.
65-8.	Квинт Гораций Флакк (Гораций).
Около 64 - около 17 гг. D.	Гай Юлий Гигин.
64-8 гг. Н. Э.	Марк Валерий Мессалла.
63-14 A. D.	Гай Октавий (Цезарь Октавиан Август).
63-12 ГОД Н. Э.	Марк Випсаний Агриппа.
59-17 A. D.	Тит Ливий (Ливий).
Около 55 - около	Сенека (отец).

40 г. н. э.	
Около 54 - около 19.	Альбий Тибулл.
Около 54 - около 4 лет.	Домиций Марс.
52-19 A. D.	Децим Фенестелла.
Около 50.	Публилий Сир (автор мимов).
Около 50 - около 15.	Секст Проперций.
(?)-47.	Марк Калидий.
47 - около 30 г. н.э.	Децим Валерий Максим.
(?)-45.	Нигидий Фигул.
(?)-после 44 года.	Гай Оппий.
(?)-43.	Аулус Гиртий.
(?)-после 43.	Марк Туллий Тиро.
43-(?).	Лигдамус.
43-17 A. D.	Публий Овидий Назо (Овидий).
40-33 ГГ. Н.Э.	Асиниус Галлус.
Около 20.	Помпей Трог.
15-19 A. D.	Клавдий Цезарь Германик.
14-59 ГГ. Н. Э.	Домиций Афер.
12.	Гай Вальгий Руф.
Вторая половина I века.	Сульпиций, Альбинован Педо, Понтик, Мацер, Граттий, Рабирий, Корнелий <i>Утешитель ad Liviam</i> , Тит Лабиен, Марк Порций Латро, Гай Альбуций Сил, Квинт Хатерий, Луций Юний Галлий, Ареллий Фуск, Луций Цестий Пий, Марк Антистий Лабео, Гай Атей Капито.
A. D.	
Первая половина I века.	Манилий, <i>Итна</i> Ауфидий Басс, Квинт Реммий Палемон, Цепион, Антоний Кастор, Юлий Аттик, Луций Гракхин, Марк Апиций, Луций Анней Корнут, Секстий, Гай Мусоний Руф.
Около 1.	Веррий Флакк.
Около 1-65.	Луций Анней Сенека (сын).
Около 3-88.	Асконий Педиан.
14-37.	<i>Тиберий</i> .
Около 15-80.	Отец Статия.
16-59.	Агриппина.
23-79.	Гай Плиний Секунд (Плиний Старший).
(?)-25.	Кремуций Корд (Cremutius Cordus).
25-101.	Силий Италик.
(?)-27.	Вотиен Монтан.
30.	Веллий Патеркул.

(?)-31.	Публий Вителлий.
(?)-32.	Кассий Северус.
(?)-34.	Мамеркус Скаурус.
34-62.	Аулус Персий Флакк (Персий).
Около 35 - около 100.	Марк Фабий Квинтилиан (Квинтилиан).
Около 35.	Аулус Корнелий Цельс (Aulus Cornelius Celsus).
37-41.	<i>Калигула.</i>
39-65.	Марк Анней Лукан (Лукан).
Около 40.	Федр, Колумелла, Помпоний Мела.
Около 40 - около 95.	Публий Папиний Стаций.
Около 40 - около 104.	Марк Валерий Марциал (Марциал).
41-54.	<i>Клавдий.</i>
Около 45.	Гай Кассий Лонгин, Прокул (Gaius Cassius Longinus, Proculus).
Около 50.	Помпоний Секунд, Квинт Курций Руф, Суэтоний Паулин.
54-68.	<i>Нерон.</i>
Около 55 - около 118.	Корнелий Тацит.
55(?)-около 135.	Децим Юний Ювеналий (Ювенал).
56	Марк Валерий Пробус.
Около 60.	Тит Кальпурний Сикул.
61 или 62-112 или 113.	Гай Плиний Цецилий Секунд (Плиний Младший).
(?)-66	Петроний Арбитр.
(?)-67	Гней Домиций Корбул.
69-79.	<i>Веспасиан.</i>
Около 70.	Салей Басс, Куриаций Матерн, Секст Юлий Фронтин.
Около 70 или 75 - около 150.	Гай Суэтоний Транквилл.
79-81.	<i>Тит.</i>
81-96.	<i>Домициан.</i>
(?)- около 90.	Гай Валерий Флакк.
96-98.	<i>Нерва.</i>
Время Нервы и Траяна.	Гигин, Бальбус, Сикулус Флакк, несколько грамматиков и др.
98-117.	<i>Траян.</i>
Около 100-175 гг.	Марк Корнелий Фронто.
Около 110-180 гг.	Гай.
117-138.	<i>Адриан.</i>

Время правления Адриана.	Луций Анней (?) Флор, Марк Юниан Юстин (Юстин), Сальвий Юлиан, Квинт Теренций Скавр.
Около 125-(?) года.	Аулус Геллий.
Около 125 - около 200 гг.	Апулей.
138-161.	<i>Антонин Пий.</i>
Время правления Антонина.	Граний Лициниан, Луций Ампелий, Секст Помпоний.
Время Антонина и М. Аврелия.	Квинт Сервидий Сцевола.
Около 160 года.	Марк Минуций Феликс.
Около 160 - около 230 гг.	Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (Тертуллиан).
161-180.	<i>Марк Аврелий.</i>
Около 165-230.	Марий Максим.
180-192.	<i>Коммод.</i>
(?)-212.	Эмилий Папиниан.
До 200 г.	Теренций Мавр, Джуба.
193-211.	<i>Септимий Север.</i>
Второй или третий век.	<i>Pervigilium Veneris.</i>
Около 200 г.	Гелениус Акро, Помпоний Порфирий, Квинт Саммоник Серен.
Начало третьего века.	Осидий Гета, Гай Юлий Роман, Юлий Павел.
Третий век.	<i>Дистих Катонис</i> , Корнелий Лабео, Квинт Гаргилий Марциал, Аквила Роман, Гай Юлий Солин.
Около 200-258 гг.	Св. Киприан (Thascius Cæcilius Cyprianus).
222-235.	<i>Александр Северус.</i>
(?)-228.	Домиций Ульпиан (Domitius Ulpianus).
238.	<i>Гордиан I.</i>
238.	Цензорин.
249.	Коммодиан.
Около 250 года.	Илий Юлий Корд.
260-268.	<i>Галлиен.</i>
270-275.	<i>Аврелиан.</i>
275.	<i>Тацит.</i>
283.	Марк Аврелий Олимпий Немезианский.
284-305.	<i>Диоклетиан.</i>
Время Диоклетиана.	Ælius Spartianus, Julius Capitolinus, Vulcacius Gallicanus, Trebellius Pollio.
Около 290 года.	Арнобий.

297.	Евмений (панегирист).
Последняя часть III века.	Веспа, Марий Плотий Сакердос.
Конец третьего века.	Ælius Festus Aphthonius.
Около 300 года.	Лактанций Фирмиан, Репосиан, Грегориан.
Начало четвертого века.	Ælius Lampridius, Flavius Vopiscus, Nonius, Macrobius, Optatianus, Juvenus.
Четвертый век.	Итинерарии, Скрижали Пейтингера.
Около 310 - около 395 гг.	Авсоний.
Около 315-367 гг.	Святой Иларий.
321.	Назарий (панегирист).
Около 330 г.	Гермогениан.
330-400.	Аммиан Марцеллин.
331-420.	Святой Иероним.
Около 340-397 гг.	Святой Амвросий.
Около 345-405 гг.	Симмах.
От 348 до примерно 410 года.	Пруденций.
Около 350 г.	Марий Викторин, Илий Донат, Харисий, Диомед, Палладий.
354 (?).	Фирмикус Матернус.
354.	<i>Notitia</i> .
354-430.	Святой Августин.
Около 360 г.	Юлий Обскурант.
360.	Аврелий Виктор.
362.	Мамертин (панегирист).
365.	Евтропий.
Вторая половина IV века.	Диктис Критский (Л. Септимий).
Последняя половина четвертого века.	Сервий.
369.	Руфий Фест.
370.	(Руфий Фест) Авиен.
Около 370.	<i>Кверолус</i> .
389.	Дрепаний (панегирист).
Около 400 г.	Клавдиан (Claudius Claudianus), Мартиан Капелла, Вегеций, Авиан.
Начало пятого века.	Сульпиций Серен (Sulpicius Serenus).

Пятый век.	Дарес.
416.	Наматиан.
417.	Орозий.
438.	<i>Codex Theodosianus</i> .
Около 450 года.	Седулий.
Конец пятого века.	Драконтий.
Около 500 года.	Присциан.
529.	Кодекс Юстиниана.
533.	<i>Пандекты и Институции</i> .

ССЫЛКИ:

- 1 Даже если приписать эту работу и некоторые трактаты по грамматике более позднему Эннию, что не доказано, произведения великого поэта были достаточно разнообразны.
- 2 Древние обычаи и люди стали причиной процветания Римской республики.
- 3 Которого никто не мог одолеть ни мечом, ни подкупом.
- 4 Эта строка встречается в контексте, который стоит перевести. "Я не прошу за себя золота, и вы не предлагайте мне выкупа: не ведя войну как плуты, но как солдаты, мечом, а не золотом, будем бороться за свою жизнь. Давайте испытаем своей доблестью, хочет ли наша госпожа Фортуна, чтобы правили вы или я".
- 5 Аулус Геллий, xii, 4.
- 6 Цитируется Цицероном, *De Deor. Nat.* II, 35, 89.
- 7 Руденс, 160-173.
- 8 Перса, 204-224.
- 9 *Phormio*, 784 и далее. Перевод М. Х. Моргана.
- 10 Цитируется Плинием, *N. H.* xxix, 7, 14.
- 11 *De Re Rustica*, i.
- 12 Краткое описание некоторых стоп и метров, наиболее часто используемых римскими поэтами, может оказаться полезным. Они, за исключением сатурнианского стиха (см. с. 7), были заимствованы, с некоторыми изменениями, из греческого. Наиболее распространенными стопами являются ямб (◡-), трохея (-◡), спондей (--), дактиль (-◡◡), анапест (◡◡-) и хориамб (-◡◡-). Дактилический гекзаметр состоит из шести стоп, каждая из которых является либо дактилем, либо спондеем, хотя шестая всегда является спондеем, а пятая - почти всегда дактилем. Иллюстрацией этого может служить строка из Луцилия, *Maior erat natu; non omnia possumus omnes*, ритм которой сохранен в данном переводе:
Он был старшим по рождению; не все мы все можем постичь.

Ямбический *сенарий* состоит из шести ямбиков, например

Hominem inter vivos quaeritamus mortuom.

(Plautus, *Menaechmi*, 240.)

Среди живых мы ищем человека, который мертв.

Это обычный метр в диалоговых частях драм. Он на один фут длиннее, чем строка в английском чистом стихе. Трохаический *септимер*, также распространенный метр в драме, состоит из семи трохеев и дополнительного долгого слога. Английская строка

Не поднимай его из орляка; оставь его лежать там, где он упал

дает представление о ритме.

Элегический дистих состоит из гекzamетра, за которым следует так называемый пентаметр, то есть строка, состоящая из шести дактилей или спондеев, с пропуском последней половины третьей и шестой стоп. Это иллюстрируется и описывается Кольриджем в строках,

В гекзаметре возвышается серебристая колонна фонтана.

В пентаметре aye falling in melody back.

В ямбическом и трохаическом метрах вместо ямба и трохея часто заменяются другие стопы, но без изменения ритма.

Некоторые из других метров будут объяснены или проиллюстрированы по мере их появления.

13 iv, Frg. 8, Müller.

14 v, Frg. 33, Мюллер.

15 vi, Frg. 16, Müller.

16 libr. incert., Frg. 1, Müller.

17 Луций Илий Пржеконин Сило из Ланувия, стоический философ, филолог и ритор, первым начал давать регулярные уроки латинской литературы и красноречия и применять исторический метод к изучению латинского языка. Он родился недалеко от 154 года до н. э. и жил далеко за пределами I века до н. э. Его современник, Квинт Валерий Соран (из Соры), также писал о латинской литературе, изучение которой в его случае было объединено с изучением римских древностей. Волкаций Седигит, о личности которого ничего не известно, написал дидактическую поэму по истории латинской литературы около 90 года до н. э. Кроме того, многочисленные труды по грамматике, филологии, античности, сельскому хозяйству и другим предметам были написаны различными авторами, чьи имена во многих случаях утрачены, но чьи работы послужили каменоломнями, из которых Варро и другие писатели черпали свои сокровища знаний.

Многие выдающиеся римляне сыграли определенную роль в развитии литературы. Так, Публий Рутилий Руф (родился около 158 года до н. э., консул в 105 году, умер около 75 года) изучал стоическую философию, публиковал речи, юридические труды и автобиографию на латыни, а также написал историю на греческом языке, а Квинт Лутаций Катул (родился около 152 года до н. э., консул в 102 году, умер в 87 году) публиковал оратории и эпиграммы. Среди

писем, написанных и опубликованных в этот период, ни одно не вызывало большего восхищения, чем письма Корнелии, матери Гракхов.

18 Иероним, в хронике Евсевия, год 1922 от Авраама, то есть 95 г. до н. э.

19 *Vita Vergilii*, 2.

20 *Ad Quintum Fratrem*, II, xi, 4.

21 Книга i, 921-947.

22 iii, 830 f.

23 Книга ii, 172.

24 ii, 14 ff.

25 v, 18.

26 Книга i, 271-294.

27 ii, 323-332 и ii, 40-43.

28 i, 716-725.

29 ii, 573-579.

30 ii, 29-33.

31 Книга i, 1-9, перевод Голдуина Смита.

32 Книга ii, 1-13, перевод К. С. Калверли.

33 с. cxiii, l. 2.

34 сс. xi и xxix.

35 Перевод Теодора Мартина.

36 с. v.

37 с. iii. Перевел Голдвин Смит в книге "*Бей-Ливз*".

38 с. xxxi, перевод К. С. Калверли.

39 *De Oratore*, i, 15, 64.

40 *Ibid.*, i, 8, 34.

41 *Pro Ligario*, 1.

42 *Pro Lege Manilia*, 5, 11.

43 *Pro Archia Poeta*, 7, 16.

44 *In Verrem*, ii, v, 52.

45 *De Divinatione*, ii, 1.

46 *Ep. ad Atticum*, iii, 5, перевод Шакбурга.

- 47 *Ep. ad Familiares*, ix, 1, перевод Шакбурга.
- 48 *Ep. ad Atticum*, ix, 18.
- 49 Гиртий, *De Bello Gallico*, viii, 1.
- 50 Катилина, 1.
- 51 Там же, 31.
- 52 *Ecl.* i, 1-10. Выдержки из "Эклог" приведены в переводе К. С. Калверли.
- 53 *Ibid.*, 42-45.
- 54 *Ecl.* iv, 1-17.
- 55 *Ecl.* v, 1-18.
- 56 Георгики, i, 461-483.
- 57 Георгики, ii, 136 и далее.
- 58 Там же, ii, 458-460.
- 59 Там же, iii, 9-18.
- 60 Там же, iv, 149 и далее.
- 61 *Энеида*, i, 142-156. Отрывки из "Энеиды" приведены в переводе Конингтона.
- 62 *Энеида*, iv, 607-629.
- 63 Там же, vi, 868-686.
- 64 *Энеида*, ix, 446-449.
- 65 *Epist.* II, ii, 51.
- 66 Сб. I. v.
- 67 *Sat.* I, iv, 103-120, вольный перевод Конингтона.
- 68 *Sat.* I, x, 40-49, вольный перевод Конингтона.
- 69 *Epode* ii, 1-4.
- 70 *Epist.* I, xix, 23.
- 71 *Od.* I, xxxviii, в переводе сэра Теодора Мартина.
- 72 *Od.* I, ix, версия Калверли.
- 73 I, iii, 1-9, 53-56, перевод Джеймса Грейнджера.
- 74 I, xii. Перевод Элтона.
- 75 *Ex Ponto*, IV, xvi.
- 76 Книга i, 499-507. Та же тема продолжается в строке 530.
- 77 Книга v, 540-615.

78 *Tristia*, IV, x, 69.

79 *Tristia*, II, 107 и далее.

80 Овидий, *Amores* II, xviii, 27 и далее.

81 Строки 177 и далее.

82 *Tristia*, I, vii, 13 и далее.

83 *Аргонавтика*, III, 750 и далее. Вергилий, *Энеида*, IV, 522 и далее, подражает Аполлонию более близко.

84 Особенно *Тристия*, IV, x.

85 Там же, I, iii, 1-4.

86 *Ibid.*, I, vi, III, iii, IV, iii, V, ii, 1-44, xi, xiv, *Ex Ponto*, I, iv, III, i.

87 *Tristia*, III, vii.

88 xxxvii, 39 и далее.

89 xxi, 10.

90 Это общепринятая дата, но не исключено, что Витрувий жил несколько позже.

91 Геракл Фюренс, Трояда (или Гекуба), Финисс (или Фебаис, две отдельные сцены из фиванских мифов), Медея, Федра (или Ипполит), Идип, Агамемнон, Тиест и Геракл *Ætæus*. *Fabula Prætexta* под названием "Октавия" написана не Сенекой.

92 Строки 893-944. Перевод Эллы Изабель Харрис.

93 Предполагается, что этот Луцилий, хотя и без достаточных оснований, является автором "*Этны*" (см. с. 141).

94 *Pharsalia*, ix, 256-283.

95

Verum hæc ipse equidem spatiis exclusus iniquis

Prætereo atque aliis post me memoranda relinquo.

Вергилий, *Георгики*, iv, 147 f.

96 *Thebais*, xi, 580-585.

97 Плиний, *Ep.* III, xxi.

98 I, xiii. Эти отрывки переведены Голдвином Смитом в книге "*Bay Leaves*".

99 III, xxxv.

100 III, xli.

101 IV, viii.

102 *Inst. Orat.*, vi, 3, 5.

103 *Там же*, vi, 3, 5.

104 *Там же*, vii, 7, 2.

105 *Название* неясно. В лучшей рукописи (Mediceus I) он назван Публием, в более поздних рукописях и у Сидония Аполлинария - Гаем.

106 *Агрикола*, 2.

107 *Анналы*, i, 58.

108 *Анналы*, ii, 77.

109 *Анналы*, iii, 6.

110 *Ann.*, iii, 27.

111 *Hist.*, ii, 95.

112 *История*, iv, 74.

113 *Agric.*, 9.

114 *Sat.* i, 30.

115 *Sat.* i, 79.

116 *Sat.* i, 85 f.

117 *Sat.* iii, 41 ff.

118 *Sat.* x, 356.

119 *Sat.* vi, 165.

120 *Sat.* x, 81.

121 *Sat.* vi, 223.

122 *Sat.* vi, 347.

123 *Sat.* viii, 84.

124 *Sat.* xiv, 47.

125 *Ep.*, II, xvii.

126 *Там же*, V, vi.

127 *Там же*, VI, xvi, xx.

128 *Там же*, VII, xxxiii.

129 *Ep.*, VII, xx.

130 Завтра будет любить тот, кто никогда не любил, и тот, кто любил, завтра будет любить.

131

Это новая весна; весна уже гармонична; весной родился Юпитер.

Весной любовь соединяется, весной птицы женятся.

132

Она (ласточка) поет, мы молчим. Когда же наступит моя весна?

Когда я стану как ласточка и перестану молчать?

Я потерял Музу, замолчав, и Аполлон не заботится обо мне".

133 Это стихотворение - последнее из "*Наставлений*". Название гласит: *Nomen Gasei*, а начальные буквы строк читаются от последней к первой из слов: *Commodianus mendicus Christi*. Из этого можно сделать вывод, что Коммодиан был Газеем, то есть родом из Газы.

134 Главным латинским писателем по философии был Фирмикус Матернус, чьи восемь книг "*Матезиса*" ("*О познании*"), опубликованные около 354 г. н. э., посвящены неоплатонической астрологии. Его следует отличать от его христианского современника и однофамильца, писавшего об *ошибочности языческих религий*. Гай Марий Викторин, также живший примерно в середине века, был африканцем по происхождению, но преподавал риторику в Риме. Он был автором философских трудов, в основном переводов и адаптаций с греческого, но наиболее известен своим сохранившимся трудом о метрах в четырех книгах, а также некоторыми другими сохранившимися грамматическими трактатами. В более позднем возрасте он стал христианином и написал комментарии к посланиям святого Павла, а также несколько противоречивых трактатов.

135 Эти грамматические труды сами по себе не имеют большой литературной ценности и обязаны своим значением тому факту, что в них содержится информация, которая не сохранилась в других источниках. То же самое можно сказать и о нескольких справочниках различного рода, составленных в четвертом веке. К ним относятся "*Маршруты*", в которых указаны расстояния и маршруты между городами вдоль римских дорог, "*Нотиции*", описывающие районы города Рима, и исторический справочник Рима за 354 год н. э., сохранившийся в наиболее полном виде в рукописи в Вене. Существует также несколько карт этого периода, самая известная из которых - "*Пеутингерская табличка*" (*Tabula Peutingeriana*), хранящаяся сейчас в Вене. Здесь же можно упомянуть "*Руководство по сельскому хозяйству*" (*De Re Rustica*) Палладия и "*Эпитому военной науки*" (*Epitoma Rei Militaris*) Флавия Вегеция Рената, который также написал сохранившийся трактат по *ветеринарии* (*Mulomedicina*), и эти работы также представляют небольшой литературный интерес.

136 В 369 году н. э. Фест написал справочник, похожий на справочник Евтропия, но менее достойный. Примерно к этому же времени, вероятно, относится список чудес, происходивших с 249 по 12 год до н. э., составленный Юлием Обсекенсом на основе сокращенного текста Ливия. Поскольку значительная часть истории Ливия утрачена, такие работы, как эта, представляют определенную ценность.

137 *De Bello Gildonico*, i, 21-25.

138 *De Reditu Suo*, i, 55-66. Перевод А. Дж. Черча.

Примечание переводчика:

Несогласованные написания сохранены, включая непоследовательное использование дефиса (например, "хорошо известный" и "известный").

Изображение обложки было создано переводчиком и является общественным достоянием.